

АНДРЕЙ ГРАЧЁВ

ШЁЛКОВАЯ
ВДОВА



Андрей Грачёв

Шёлковая вдова

«Литнет»

2026

Грачёв А.

Шёлковая вдова / А. Грачёв — «Литнет», 2026

Однажды ночью в окно Ливии Бенчи забирается раненый мужчина в тёмном плаще. Он требует молчать, прячет в подкладке шёлковой ткани письмо и исчезает до рассвета, оставив после себя кровь на подоконнике и золотую монету, которую Ливия не собирается принимать. Утром она узнаёт ночного незнакомца среди людей Медичи. Ливия — вдова и хозяйка небольшой флорентийской мастерской. После смерти мужа ей достались долги, чужая снисходительность и дело, которое слишком многие готовы отнять у женщины, оставшейся без покровителя. Она вышивает свадебные покрывала для богатейших домов Флоренции и давно знает: за роскошью всегда скрывается цена, которую платит кто-то другой. Маттео де Медичи привык считать себя свободным человеком. Он говорит о достоинстве личности, спорит о новых идеях и не боится врагов своего рода. Но женщина из маленькой мастерской впервые задаёт ему вопрос, на который невозможно ответить красивыми словами: существует ли свобода для той, чью жизнь мужчины привыкли покупать, защищать и решать за неё? Пока Маттео всё чаще возвращается к её окну, в подкладках свадебных тканей появляются новые письма. Старые долги покойного мужа ведут к опасному заговору. А Флоренция, влюблённая в красоту, приближается к Пасхе 1478 года — дню, после которого её улицы уже не останутся прежними. В книге вас ждут: — роскошная и опасная Флоренция эпохи Возрождения; — мужчина из дома Медичи, который приходит только по ночам; — взрослая героиня, защищающая собственное дело и право распоряжаться своей жизнью; — тайные письма, спрятанные в шёлковых подкладках; — дворцовые интриги, старые долги и заговор Пацци; — разговоры о свободе, красоте и цене человеческого достоинства; — медленное сближение, запретное чувство и счастливый финал, который героям придётся заслужить.

© Грачёв А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Шёлковая вдова	6
Глава 2. Мужчина на подоконнике	20
Глава 3. Цена молчания	40
Глава 4. Письмо в подкладке	53
Глава 5. Имя незнакомца	70
Глава 6. Вдова ставит условия	87
Глава 7. Шов, распоротый дважды	106
Глава 8. Человек из великого дома	123
Глава 9. Ночь без прикосновений	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Глава 1. Шёлковая вдова

Шёлк никогда не лежал спокойно. Даже когда его сворачивали в ровные тяжёлые рулоны и укладывали на широкую дубовую доску, прижимая к краям небольшими мешочками с песком, он всё равно пытался ускользнуть из-под пальцев, поймать свет и вернуть его человеку уже изменённым — то золотистым, то холодным, похожим на воду в Арно перед рассветом. Ливия Бенчи любила это непостоянство. Ей нравилось, что дорогая ткань не терпела грубых рук и торопливости, что её нельзя было заставить повиноваться одним усилием воли. Шёлк требовал внимания, терпения и почти ласки, но отвечал на них щедро: ложился мягкими волнами, принимал тончайший стежок и умел превращать обыкновенную комнату в мастерской в нечто похожее на часовню, если солнечный луч падал на него под правильным углом.

В то утро солнце падало правильно. Оно проникало сквозь высокое окно, разрезанное деревянной решёткой на небольшие прямоугольники, и медленно двигалось по ткани, разложенной на столе перед Ливией. Цвет заказчица назвала небесным, однако небо над Флоренцией редко бывало таким. В нём почти всегда оставалась примесь пыли, дыма от очагов, тумана над рекой или осенней сырости, въедавшейся в стены домов. Этот оттенок скорее напоминал Ливии о тонком стекле в окнах богатых палаццо или о краске, которой художники изображали одежды Мадонны, если заказчик не жалел денег на хороший пигмент.

— Не тяни слишком сильно, — сказала она, не поднимая головы. — Здесь нить должна лежать свободнее. Иначе лепесток станет похож на коготь.

Лучия мгновенно ослабила пальцы и осторожно провела ими по краю вышивки, словно могла исправить одну ошибку одним прикосновением.

— Я почти не тяну.

— Почти — это слово для тех, кто хочет получить оплату почти полностью.

Лучия вздохнула, однако возражать не стала. За два года она научилась различать интонации старшей сестры и понимала, когда за сухостью скрывается настоящее раздражение, а когда Ливия просто не позволяет себе говорить мягче, чем требует работа. Сегодня она была спокойна. Даже слишком спокойна, как становилось с ней всякий раз, когда денег в ящике под счётной доской оставалось меньше, чем обязательств, назначенных на ближайшую неделю.

Мастерская уже проснулась окончательно. В соседней комнате Марта Ринальди наставляла двух младших девушек, которые никак не могли уложить золотую тесьму ровно вдоль края церемониального покрывала. Из глубины дома доносился тяжёлый деревянный стук: ученик хозяина соседней лавки перетаскивал ящики, время от времени задевая ими стену. С улицы поднимался гул раннего города — крики разносчиков, скрип колёс, резкие голоса погонщиков, звон посуды из таверны на углу. Флоренция начинала день не молитвой и не торжественным колокольным звоном, а торгом. Даже там, где говорили о красоте, вере или семейной чести, всё рано или поздно сводилось к тому, кто кому должен, сколько стоит локоть ткани и сколько времени можно заставить человека ждать уплаты, прежде чем он начнёт умолять.

Ливия знала эту музыку лучше, чем ей хотелось бы. За последние два года она научилась узнавать приближение кредитора по манере стучать в дверь, отличать покупателя от любопытного прохожего по тому, как долго он задерживал взгляд на вывеске, и чувствовать приближение нового долга раньше, чем писец успевал назвать сумму. Когда умер Марко, ей казалось, что самым страшным окажется одиночество. Она представляла себе вечера в пустой комнате, чужие сочувственные голоса, холодную половину постели и необходимость просыпаться в доме, где больше никто не смеялся слишком громко и не оставлял сапоги посреди комнаты. Всё это действительно было. Но поверх печали очень скоро легло другое — более тяжёлое, грубое и ежедневное: счета, долговые расписки, незавершённые заказы, исчезнувшие

поставщики и мужчины, которые заходили в мастерскую с выражением терпеливого превосходства, словно заранее знали, что вдова рано или поздно сдастся.

Она не сдалась.

Поначалу даже Марта смотрела на неё с сомнением. Не потому, что не уважала Ливию, а потому, что слишком хорошо знала устройство мира. Женщина могла великолепно вышивать, различать десятки оттенков красного и без ошибки определять качество ткани на ощупь. Она могла вести хозяйство, воспитывать детей, пережить смерть мужа и снова выйти замуж, если найдётся подходящий человек. Но держать мастерскую, спорить с торговцами, нанимать работников, требовать оплату с богатых клиентов и не позволять кредиторам разобрать имущество по частям — это считалось почти неприличным проявлением упрямства. Словно сама способность женщины выжить без нового покровителя была вызовом, который мужчины принимали на свой счёт.

Ливия выдержала первые месяцы за счёт злости. Потом злость стала привычкой, привычка — порядком, а порядок наконец начал приносить деньги. Небольшие. Недостаточные. Однако свои.

Она провела пальцем по вышивке и нахмурилась. Лепесток действительно лежал не так, как следовало.

— Распусти три последних стежка.

Лучия вскинула голову.

— Три? Но никто не увидит.

— Мы увидим.

— Никто, кроме нас.

— Этого достаточно.

Сестра открыла рот, собираясь возразить, но в этот момент из соседней комнаты появилась Марта. Она двигалась стремительно, тяжело ступая по деревянному полу, и даже в покое напоминала человека, который привык идти против ветра. Её густые тёмные волосы уже заметно поседели у висков, рукава простого коричневого платья были закатаны почти до локтей, а на среднем пальце правой руки темнел след от иглы, въевшийся в кожу так глубоко, что, казалось, останется с ней до конца жизни.

— У нас гостя, — сообщила она. — Не из тех, кому можно крикнуть, чтобы подождала возле двери.

Ливия медленно выпрямилась.

— Имя?

— Мадонна Катерина Торнабуони. С двумя служанками и мальчиком, который держит коробку так, будто внутри мощи святого.

Лучия замерла с иглой в руке.

— Торнабуони?

— Именно это имя я и сказала, дитя. Не заставляй меня повторять слова, которые я ещё не успела забыть.

На лице сестры мелькнуло выражение, одновременно восторженное и испуганное. Ливия едва заметно улыбнулась. В двадцать лет любое известное имя казалось дверью в тот мир, который существовал где-то за пределами тесных улиц, запаха красилен и необходимости экономить на каждом мотке хорошей нити. Лучия ещё не успела понять, что двери чаще всего открывались не для того, чтобы впустить человека внутрь, а чтобы передать ему тяжёлый свёрток и потребовать закончить работу к невозможному сроку.

— Убери обрезки со второго стола, — велела Ливия. — И попроси Неру принести чистую воду. Марта, проверь, чтобы девочки не болтали в соседней комнате. Если услышат имя заказчицы, до полудня вся улица будет знать, сколько она провела у нас времени и какого цвета ткань принесла.

— Вся улица узнает это в любом случае, — заметила Марта. — Но я прослежу, чтобы мы не помогали ей слишком усердно.

Мадонна Катерина ждала в передней комнате, где Ливия принимала клиентов. Помещение было небольшим, но после смерти Марко она постаралась сделать его достойным мастерской, которая хотела работать не только с лавочниками и небогатыми горожанами. На стене висели два образца вышивки: ветви граната на тёмно-зелёном бархате и золотые птицы на ткани цвета зрелого вина. На широком сундуке лежали сложенные покрывала, каждое перевязанное лентой. В углу стояла высокая скамья с резной спинкой — единственная вещь в комнате, оставшаяся от более благополучных времён. Марко однажды купил её у разорившегося торговца и несколько месяцев уверял Ливию, что это была великолепная сделка. После его смерти выяснилось, что за скамью он так и не расплатился полностью.

Катерина Торнабуони сидела прямо, почти не касаясь спинки. Ей было около сорока, но богатство и привычка к уходу сохраняли в её лице ту ясность линий, которую менее удачливые женщины теряли гораздо раньше. Она носила платье из тёмно-красной ткани, украшенное настолько сдержанно, насколько это было возможно для вещи, стоившей дороже годового дохода небольшой лавки. Волосы были собраны под тонкой вуалью. На руках не было лишних колец, только одно — с тяжёлым камнем, глубоко утопленным в золото. Рядом стояли две служанки, а у двери действительно замер мальчик лет двенадцати с продолговатой коробкой, прижатой к груди.

Ливия поклонилась ровно настолько низко, насколько требовала учтивость, но не больше.

— Мадонна Катерина. Для моей мастерской большая честь принять вас.

— Я слышала о вашей работе, мадонна Бенчи.

Голос у Катерины оказался мягким и немного усталым. Она не говорила свысока, но и не пыталась изображать равенство, которого между ними не существовало. Ливия оценила это почти сразу. Показная доброта богатых женщин порой утомляла сильнее открытой надменности.

— Надеюсь, говорили не только о моём упрямстве.

— В основном о нём. Именно поэтому я здесь.

Катерина взглянула на мальчика, и тот поспешно подошёл к столу. Коробка открылась с тихим скрипом. Внутри лежал сложенный отрез ткани цвета слоновой кости и несколько мотков золотой нити, такой тонкой, что в полумраке она казалась настоящими солнечными лучами, спутанными человеческими руками.

Ливия осторожно коснулась ткани кончиками пальцев. Шёлк был великолепен. Лёгкий, плотный, ровный, без едва заметных узелков, которыми грешили даже хорошие рулоны. Он мог прибыть из Венеции или пройти через неё из ещё более далёких мест. Ткань для людей, которые заказывали не просто покрывало, а знак собственного положения.

— Для свадьбы? — спросила Ливия.

— Для приданого. Свадьба состоится не раньше весны, однако семья невесты желает подготовить всё заранее. Вы получите рисунок, необходимые размеры и образцы гербов. Потребуется покрывало для парадной постели, две занавеси, несколько меньших тканей для сундуков и отделка праздничного платья. Основная работа должна быть завершена к началу февраля.

Ливия не сразу отвела взгляд от шёлка. Мысленно она уже считала: количество нити, недели работы, оплату мастериц, стоимость дополнительных материалов, возможные ошибки, дни, когда придётся задерживаться до поздней ночи, и неизбежные новые требования, которые появятся, как только заказчица увидит первую часть работы. Такой заказ мог занять мастерскую почти целиком. Он же мог вытащить её из той зыбкой ямы, в которой она оставалась с момента смерти Марко.

— Позвольте узнать имя семьи, — произнесла она.

Катерина слегка повернула кольцо на пальце.

— Работа предназначена для приданого мадонны Фьоретты Манчини. Её мать происходит из дома Пацци.

В комнате стало тише, хотя за стеной по-прежнему стучали ящики, а с улицы доносились голоса. Ливия уловила едва заметное движение одной из служанок: девушка опустила глаза, словно само произнесённое имя требовало осторожности.

Пацци.

Во Флоренции существовали имена, которые ничего не значили сами по себе, пока рядом не называли сумму долга, должность родственника или происхождение невесты. Но существовали и другие. Их не требовалось объяснять. Они были частью города так же, как мосты через Арно, купол собора или звон колоколов. Медичи. Пацци. Строцци. Торнабуони. Семейства, чьи интересы проникали в лавки, церкви, банковские дома, брачные договоры и решения людей, которые никогда не видели ни одного их представителя вблизи.

— Это меняет условия? — спросила Катерина.

Ливия подняла на неё взгляд.

— Только рисунок, если потребуется вышить герб.

В уголках губ Катерины обозначилась слабая улыбка.

— Хороший ответ.

Она протянула небольшой свиток. На бумаге были перечислены основные требования, размеры и сроки. Ливия читала внимательно, не торопясь. Марко имел привычку соглашаться на слишком многое, если перед ним сидел человек с дорогим кольцом и спокойным голосом. Потом он возвращался вечером домой, бросал на стол свиток и говорил, что всё уладится, если работать немного быстрее обычного. Ливия слишком хорошо знала цену этому «немного». Она не собиралась повторять его ошибки только потому, что заказ мог спасти мастерскую.

— Мне понадобится не менее трети суммы заранее, — сказала она. — На ткань для внутренних слоёв, оплату мастериц и дополнительные материалы. Если рисунок изменится после утверждения, стоимость работы будет пересчитана. Если семья потребует закончить раньше оговорённого срока, мне придётся нанять ещё двух девушек, и это тоже повлияет на цену.

Одна из служанок подняла голову. Видимо, не каждая вдова позволяла себе говорить с заказчицей настолько прямо.

Катерина не обиделась. Напротив, её лицо стало внимательнее.

— Вы не просите слишком мало?

Ливия почувствовала, как где-то у двери Лучия перестала дышать.

— Я называю сумму, за которую могу выполнить работу хорошо.

— А если другая мастерская предложит дешевле?

— Тогда вам придётся решить, что для вас важнее: цена или покрывало, которое не захочется прятать после свадьбы в дальний сундук.

Несколько мгновений Катерина молчала. Затем она тихо рассмеялась — не громко, но искренне.

— Теперь я понимаю, почему мадонна Лукреция советовала обратиться именно к вам. Хорошо. Третью суммы вы получите сегодня. Остальное — по завершении основных частей работы. Рисунок доставят завтра утром. За ним может приехать человек из дома невесты. Не отдавайте готовые ткани никому другому, даже если посланник будет весьма убедителен.

Последние слова прозвучали почти небрежно, однако Ливия задержала на ней взгляд.

— У меня потребуют подтверждение?

— Разумеется.

Катерина сделала знак мальчику, и тот вынул из коробки небольшой мешочек. Когда он лёг на стол, монеты внутри ударились друг о друга с глухим звоном, от которого у Ливии на мгновение закружилась голова. Она не позволила себе потянуться к деньгам сразу. Сначала

перечитала условия, затем позвала Лучию и попросила принести счётную доску. Пока сестра считала монеты, стараясь выглядеть невозмутимо, Ливия ещё раз провела пальцами по шёлку.

Спасти мастерскую можно было за один день. Погубить — тоже.

— Здесь больше трети, — тихо сказала Лучия.

Катерина кивнула.

— Остаток зачтите как плату за срочность. Через неделю я хочу увидеть первые образцы.

— Вы их увидите.

— Я надеюсь.

Она поднялась. Служанки двинулись следом, но возле двери Катерина остановилась и посмотрела на золотых птиц, вышитых на винной ткани.

— Это ваша работа?

— Да.

— Красиво. Птицы выглядят так, будто не знают о клетке.

Ливия не сразу поняла, шутит ли она.

— Возможно, потому что клетку заказчик не оплатил.

На этот раз Катерина улыбнулась шире.

— Берегите это свойство, мадонна Бенчи. Во Флоренции оно встречается реже хорошей вышивки.

Когда за гостями закрылась дверь, Лучия несколько мгновений продолжала стоять рядом со столом, прижимая ладони к груди, словно боялась, что сердце выскочит наружу.

— Ты говорила с ней так, будто к нам каждый день приходят женщины из домов, связанных с самими Медичи.

— Торнабуони связаны с Медичи браками и делами. Это не означает, что мадонна Катерина принесла нам половину палаццо в коробке.

— Но она принесла деньги.

— Деньги придётся отработать.

— Здесь хватит, чтобы заплатить Нери, купить нить у Спинелли и всё равно...

— Хватит, чтобы заплатить часть того, что мы должны, — перебила Ливия. — И купить всё необходимое. Не больше.

Лучия посмотрела на неё с лёгким разочарованием, как будто старшая сестра намеренно отказывалась разделить радость.

— Ты хотя бы иногда можешь быть довольна?

— Могу. Когда заказ выполнен, деньги получены полностью, а ткань лежит у заказчика, а не на нашем столе. До этого момента я предпочитаю быть внимательной.

Марта вошла в комнату, не дожидаясь приглашения. За ней показались две младшие мастерицы, но она обернулась и одним взглядом заставила их исчезнуть обратно.

— Ну? — спросила она.

Лучия схватила свиток прежде, чем Ливия успела ответить.

— Покрывало, занавеси, ткани для сундуков и отделка платья. Для приданого Фьоретты Манчини. Её мать из Пацци. А заказ принесла сама Катерина Торнабуони.

Марта медленно выдохнула.

— Вот как.

— Это хороший заказ, — сказала Ливия. — Очень хороший. Но он займёт почти всё наше время до февраля. Придётся пересмотреть остальные обещания и, возможно, отказаться от двух мелких работ.

— Ливия, — начала Лучия, — ты говоришь так, будто...

— Я говорю так, будто мы получили не сундук золота, а обязанность. Именно это мы и получили.

Марта взяла свиток, быстро просмотрела строки и задержалась на имени заказчицы.

— Пацци платят вовремя, — произнесла она после паузы. — По крайней мере, когда хотят, чтобы их запомнили с хорошей стороны.

— Ты говоришь так, словно у них есть и другая сторона.

— У всякого богатого дома есть другая сторона. Просто бедные люди не всегда могут позволить себе рассмотреть её внимательно.

Ливия бросила на неё короткий взгляд. Марта пожала плечами, вернула свиток и подошла к столу. Она потрогала шёлк, оценила золотую нить и цокнула языком.

— Работа будет красивой.

— И трудной.

— Красота редко бывает лёгкой. Лёгкой она кажется только тем, кто получает готовую вещь.

Ливия кивнула. В этом заключалась простая истина, которую она знала с детства. Мужчины, обсуждавшие картины, статуи и дорогие одежды за столом после обеда, любили говорить о вдохновении. Они произносили это слово с таким благоговением, будто художник, ткач или вышивальщица получали красоту непосредственно от Бога, не расплачиваясь за неё болью в спине, испорченным зрением, исколотыми пальцами и годами упражнений. Ливия не отрицала вдохновения. Иногда рисунок действительно появлялся в голове почти целиком, и оставалось лишь подчинить ему руки. Но даже самая прекрасная мысль не превращала нить в ровный узор сама по себе.

Она взяла мешочек с монетами и понесла его к небольшому ящичку под счётной доской. Ключ висел на цепочке у неё на поясе. Когда замок щёлкнул, Лучия снова вздохнула, на этот раз почти счастливо.

— Сегодня можно купить мясо? — спросила она.

— Можно.

— Настоящее?

— Лучия, я не знаю, каким мясом тебя кормили до сих пор, но мясник заверял меня, что оно происходило от животного.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Ливия улыбнулась и закрыла ящик.

— Купи немного телятины. И хлеб у Пьетро, а не тот камень, который принесли вчера. Сегодня мы можем позволить себе отметить хороший заказ.

Лучия просияла, схватила плащ и почти выбежала из комнаты, однако Марта осталась. Она всё ещё смотрела на ткань.

— Что? — спросила Ливия.

— Ничего.

— Ты редко смотришь на шёлк так, будто он собирается укусить.

— Я думаю.

— Это иногда полезно.

Марта фыркнула, но не улыбнулась.

— Белланди приходил вчера.

Радость, которую Ливия только что позволила себе почувствовать, исчезла почти без следа.

— Почему ты не сказала сразу?

— Потому что он не вошёл. Остановился у лавки напротив, поговорил с хозяином и ушёл. Я подумала, что он мог оказаться там случайно.

— Джироламо Белланди редко оказывается где-либо случайно.

— Я знаю.

Ливия подошла к окну. С улицы тянуло сыростью, дымом и запахом свежего хлеба. Напротив находилась лавка торговца кожей. Хозяин, невысокий человек с крупными руками,

как раз выносил на улицу деревянную стойку и развешивал ремни. Он никогда не интересовался делами Ливии сильнее, чем требовало обычное соседство. Если Белланди действительно разговаривал с ним, причиной могла быть как случайная покупка, так и желание напомнить вдове Бенчи, что за её дверью наблюдают.

— Возможно, он слышал о заказе, — сказала Марта.

— Катерина Торнабуони ушла от нас несколько минут назад.

— В таком городе некоторые новости успевают состариться ещё до того, как происходят. Ливия машинально провела пальцем по цепочке с ключом. Марта заметила движение.

— Долг почти выплачен.

— Почти.

— После этого заказа...

— После этого заказа я отдам ему остаток. До последнего флорина.

— Тогда он больше не сможет приходить.

Ливия посмотрела на неё.

— Такие люди всегда находят причину прийти.

Она не сказала вслух, что именно это тревожило её сильнее суммы, записанной в долговой книге. Формально Белланди оставался одним из нескольких людей, которым Марко задолжал деньги перед смертью. Он поставлял ткани, находил покупателей, помогал устраивать сделки и охотно предоставлял отсрочки, пока дело шло хорошо. После похорон он не потребовал немедленной расплаты. Напротив, держался с безупречной вежливостью, говорил тихо и каждый раз повторял, что понимает положение вдовы. Иногда Ливии казалось, что грубость было бы переносить легче. Грубому человеку можно отказать резко. На угрозу можно ответить угрозой, хотя бы мысленно. Но Белланди никогда не угрожал. Он просто напоминал о существовании долга и смотрел так, будто знал о Марко больше, чем собирался сказать.

— Где старые книги? — спросила Марта.

— В сундуке наверху. Я хотела разобрать их вечером.

— Может быть, не сегодня.

— Почему?

Марта поджала губы.

— Не знаю. Просто не сегодня.

Ливия ещё раз посмотрела в окно. Напротив всё было спокойно. Торговец кожей развешивал ремни, его ученик протирал скамью, по улице прошла женщина с корзиной зелени. В обычных движениях города не было ничего тревожного. Именно поэтому тревога казалась почти нелепой.

— Я устала хранить вещи, которые принадлежат мёртвому человеку, — сказала Ливия. — Старые записи Марко занимают место и собирают пыль. Большинство заказов завершены много лет назад. Некоторые имена я даже не помню.

— Тогда выброси их завтра.

— Завтра они не станут полезнее.

— Но сегодня у нас новый заказ.

— Поэтому сегодня мне особенно хочется навести порядок.

Марта вздохнула.

— Упрямая женщина.

— Ты говоришь это так, будто обнаружила во мне новый порок.

— Нет. Просто иногда старые пороки особенно заметны.

До полудня мастерская изменилась почти полностью. Недавняя расслабленность исчезла. Девушки убрали со столов менее срочные работы, разложили новые материалы, приготовили большие листы плотной бумаги для рисунков и принялись обсуждать, какие узоры подойдут для свадебного покрывала. Лучия вернулась с хлебом, телятиной и небольшой связкой трав,

которую продавец добавил почти даром, узнав о хорошем заказе. Через час уже вся улица знала о визите Катерины Торнабуони. Хозяин кожанной лавки заглянул поздравить Ливию, стараясь говорить так, будто зашёл исключительно ради ремня, который она никогда не собиралась покупать. Жена булочника прислала две сладкие лепёшки. Даже Нери Спинелли, поставщик нитей, обычно скупой на любезности, появился ближе к обеду, чтобы лично заверить Ливию: ради такого заказа он готов предложить ей лучшие материалы и самые разумные условия.

Ливия слушала, кивала, считала и записывала. Она позволяла себе улыбаться, когда это было необходимо, но не расслаблялась. Большой заказ притягивал не только помощь. Он напоминал всем, что мастерская вдовы Бенчи ещё жива, а значит, с неё по-прежнему можно что-то получить.

После короткого обеда девушки снова вернулись к работе. Лучия отправилась к знакомому рисовальщику уточнить, сможет ли он помочь с переносом гербов. Марта повела младших мастериц в заднюю комнату. Ливия осталась одна в передней, склонившись над счётной книгой.

Она как раз записывала сумму аванса, когда раздался стук.

Не громкий. Три аккуратных удара с одинаковыми промежутками.

Перо замерло в её руке.

Белланди всегда стучал именно так.

Несколько мгновений Ливия сидела неподвижно, чувствуя, как раздражение медленно поднимается внутри, вытесняя тревогу. Она не любила бояться людей, которые приходили к ней днём, через дверь, без оружия и без права распоряжаться её жизнью. Страх был роскошью, позволительной тем, у кого имелся кто-то другой для ведения неприятных разговоров.

Она отложила перо, вытерла пальцы о ткань и открыла дверь.

Сер Джироламо Белланди стоял на пороге один. Ему было около пятидесяти, хотя точный возраст определить было трудно: лицо сохраняло ухоженную полноту, волосы оставались почти чёрными, и лишь кожа возле глаз покрылась тонкими линиями, которые не смягчали выражение, а делали его внимательнее. Он носил тёмное платье из хорошей ткани без лишних украшений. На пальце поблёскивал перстень. Не слишком тяжёлый, но дорогой. Белланди никогда не выставлял богатство напоказ. Ему не требовалось доказывать, что он может позволить себе больше, чем люди вокруг.

— Мадонна Бенчи, — произнёс он, слегка поклонившись. — Надеюсь, я не помешал работе.

— Работа редко останавливается из-за одного посетителя.

— Это хорошо. Во Флоренции слишком многие готовы бросить дело ради разговора, хотя затем жалуются, что денег не хватает.

— Вы пришли поговорить о деньгах?

— В конечном счёте почти всякий разговор оказывается о них. Но сегодня я хотел прежде всего поздравить вас.

Ливия отступила, пропуская его внутрь. Не пригласить Белланди означало бы признать, что его присутствие пугает её сильнее, чем следовало. Он вошёл, снял перчатки и оглядел комнату с той неторопливой внимательностью, с какой торговец оценивает товар, даже если утверждает, что пришёл исключительно из дружеского расположения.

Его взгляд задержался на коробке Катерины Торнабуони, на золотой нити, на ткани, разложенной у окна.

— Прекрасный шёлк, — заметил он.

— Да.

— Венецианский?

— Вероятно.

— Вы не спросили?

— Не сочла необходимым. Моё дело — сделать работу достойной ткани.

— Именно поэтому вас ценят.

Он подошёл ближе и коснулся края шёлка, не спрашивая разрешения. Ливия сдержала желание убрать ткань со стола.

— Говорят, мадонна Катерина Торнабуони поручила вам приданое для Фьоретты Манчини.

— Люди говорят быстро.

— В этом городе быстрые слова иной раз стоят дороже быстрых лошадей.

— Я не нарушаю никаких договорённостей, сер Джироламо. Моя мастерская вправе принимать заказы.

— Разумеется. Я никогда не сомневался в вашем праве работать.

— Тогда к чему поздравления?

Белланди посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Вы подозреваете меня в дурных намерениях всякий раз, когда я желаю вам добра. Это огорчает.

— Если бы вы желали мне добра реже, возможно, у меня оставалось бы меньше причин для подозрений.

На мгновение в его лице появилось нечто похожее на настоящее веселье.

— Марко говорил, что спорить с вами опаснее, чем с любым мужчиной на рынке.

Имя покойного мужа прозвучало мягко, почти дружелюбно. Именно это заставило Ливию напрячься.

— Марко часто говорил больше, чем следовало.

— Иногда. Но не всегда.

Белланди отошёл от стола и остановился возле стены с вышитыми птицами. Он рассматривал их долго, словно пришёл действительно только ради того, чтобы полюбоваться работой.

— Ваш муж был человеком многих достоинств, мадонна Бенчи. Щедрым, способным, доброжелательным. Он понимал красоту.

— И плохо считал деньги.

— Это тоже можно назвать достоинством, если человек находится среди друзей.

— Его друзья почему-то принесли мне долговые расписки после похорон.

Белланди повернулся к ней.

— Я не требовал немедленной уплаты.

— Вы напоминали о долге достаточно часто, чтобы я не успела о нём забыть.

— Разве это жестокость? Я мог потребовать мастерскую, часть оборудования или право забрать готовые ткани. Не сделал ничего подобного.

— Вы хотите, чтобы я поблагодарила вас?

— Нет. Благодарность — чувство добровольное. Принуждать к нему бессмысленно.

Он говорил тихо, почти ласково. Со стороны разговор мог показаться беседой старого знакомого с вдовой умершего друга. Но Ливия слишком хорошо знала эту манеру. Белланди не повышал голос, потому что никогда не сомневался: люди услышат его и без этого.

— После нового заказа я выплачу остаток, — сказала она. — Не сразу. Но быстрее, чем мы договаривались.

— Я рад.

— Тогда наши дела будут завершены.

— Вероятно.

Ей не понравилось это слово.

— Не вероятно. Завершены.

Белланди надел перчатки, медленно разглаживая пальцы.

— Я пришёл не только из-за долга. Есть ещё одна небольшая просьба.

Ливия молчала.

— Насколько я знаю, вы собирались разобрать старые книги заказов Марко.

Холод коснулся её спины так внезапно, будто кто-то открыл окно.

— Откуда вы знаете?

— Он сам упоминал их. Когда был жив.

— Марко умер два года назад.

— Разве старые книги изменились с тех пор?

— Изменилось моё желание хранить бесполезную бумагу.

— Понимаю. Однако я был бы признателен, если бы вы не торопились выбрасывать записи.

— Почему?

Белланди слегка наклонил голову.

— Иногда люди спустя годы вспоминают о прежних заказах. Хотят повторить рисунок, уточнить стоимость, восстановить утраченный герб или доказать, что определённая работа действительно выполнялась здесь. Для хорошей мастерской память полезна.

— Я сохраняю то, что относится к завершённым работам последних лет. Остальное не имеет ценности.

— Ценность вещи не всегда очевидна владельцу.

В соседней комнате кто-то рассмеялся. Затем Марта резко что-то сказала, и голоса смолкли. Ливия смотрела на Белланди и чувствовала, как гнев становится почти осязаемым.

— Вы хотите забрать книги?

— Нет.

— Просмотреть?

— Сейчас в этом нет необходимости.

— Тогда объясните, зачем они вам.

Белланди помолчал. За окном медленно проехала телега, колёса ударились о неровный камень, и в кратком грохоте Ливии почудилось что-то освобождающее. Хотелось, чтобы шум продолжался дольше, заполнил комнату и заставил гостя говорить громче обычного. Но телега удалялась, а вместе с ней возвращалась тишина.

— Марко иногда записывал больше, чем требовалось для работы, — произнёс Белланди. — Имена поставщиков. Условия сделок. Людей, которые передавали ткани. Это может оказаться полезным для завершения некоторых старых дел.

— Ваших дел?

— Общих.

— У меня нет с вами общих дел, кроме долга.

— Вы уверены?

Ливия почувствовала, как пальцы сами собой сжались. Она разжала их медленно, один за другим.

— Если в бумагах Марко есть что-то принадлежащее вам, назовите страницу и запись. Я найду её и передам.

— Вы очень любезны. Но сейчас достаточно, чтобы книги остались на месте.

— Это моя мастерская.

— Разумеется.

— И бумаги моего мужа.

— Никто не спорит.

— Тогда я сама решу, что хранить.

Белланди посмотрел на неё почти с сожалением.

— Мадонна Бенчи, вы приняли мои слова за приказ. Это недоразумение. Я лишь прошу не торопиться. Иногда человек сжигает старую бумагу и только после понимает, что вместе с мусором уничтожил нечто важное.

— Для кого важное?

— Возможно, для вас.

Ливия не ответила.

Он поклонился. Безупречно учтиво, ровно настолько, чтобы ни один случайный свидетель не смог обвинить его в неуважении.

— Я не стану отнимать ваше время. Сегодня у вас достаточно приятных забот. Передайте мадонне Лучии мои добрые пожелания. И поздравьте ваших мастериц. Большой заказ — награда за труд.

Белланди направился к двери, однако уже на пороге остановился.

— И ещё одно. Марко всегда говорил, что вы умеете хранить вещи лучше него. Деньги, дом, мастерскую. Надеюсь, он не ошибался.

Дверь закрылась тихо.

Ливия осталась стоять посреди комнаты.

Через несколько мгновений из соседней двери появилась Марта. Вид у неё был такой, словно она слышала большую часть разговора, хотя наверняка старалась не приближаться слишком явно.

— Что он хотел?

Ливия посмотрела на шёлк, освещённый солнцем. Ткань по-прежнему лежала спокойно, прекрасная и невинная. Золотая нить поблёскивала рядом с ней. Всего час назад этот заказ казался спасением, редкой возможностью наконец выпрямиться и вдохнуть свободнее. Теперь Ливия видела в нём другое: дверь, которая открылась слишком легко.

— Чтобы я не выбрасывала старые книги Марко.

Марта побледнела едва заметно, однако Ливия успела это увидеть.

— Он сказал зачем?

— Нет. Только напомнил, что мой муж записывал больше, чем следовало.

— Может быть, лучше сделать, как он просит.

— Ты тоже считаешь, что книги представляют ценность?

— Я считаю, что Белланди не приходит ради пустяков.

— Именно поэтому я хочу понять, что в них находится.

Марта нахмурилась.

— Не сегодня.

Ливия посмотрела на неё внимательнее.

— Ты уже говорила это утром.

— И повторю сейчас. У нас хороший день. Новый заказ. Деньги. Девушки впервые за несколько недель работают без страха, что завтра придётся искать другое место. Не нужно вытаскивать старый прах только потому, что один неприятный человек напомнил о сундуке.

— Если бы это был только прах, он не напоминал бы.

— Ливия.

— Что?

Марта отвела взгляд.

— Иногда лучше позволить мёртвым сохранить свои тайны.

Ливия почувствовала раздражение, но вместе с ним — тревогу. Марта знала Марко много лет. Она работала в мастерской ещё до его женитьбы, помнила времена, когда дела шли значительно лучше, видела его слабости и, вероятно, замечала то, чего Ливия не хотела замечать, пока была его женой. Однако сейчас в голосе Марты слышалась не простая осторожность. Скорее страх. И это было хуже всего.

- Сегодня после работы я поднимусь наверх, — сказала Ливия. — И просмотрю книги.
- Упрямая женщина.
- Ты уже называла меня так.
- Сегодня одного раза недостаточно.

Марта вернулась в соседнюю комнату, а Ливия осталась у стола. Солнечный луч уже сместился. Небесно-голубая ткань, над которой они работали утром, теперь казалась серее. На вышитом лепестке, который Лучия собиралась распустить, всё ещё оставалась едва заметная ошибка. Никто, кроме них, действительно не увидел бы её.

Ливия взяла иглу и осторожно поддела нить.

Три стежка пришлось удалить. Затем ещё один. И ещё два.

Иногда ошибка начиналась раньше, чем человек замечал.

К вечеру мастерская опустела. Младшие девушки ушли первыми, унося с собой возбуждённый шёпот о новом заказе. Марта задержалась, проверила заперты ли окна в задней комнате, и долго искала повод остаться ещё немного, хотя обычно спешила домой до наступления темноты. Лучия вернулась от рисовальщика с обещанием принести образцы через два дня, помогла убрать нити и предложила подняться наверх вместе.

— Нет, — сказала Ливия. — Иди готовить ужин. Я закончу здесь.

— Ты собираешься смотреть книги Марко?

Ливия подняла взгляд.

— Марта сказала тебе?

— Она сказала, что ты опять не умеешь оставить прошлое в покое.

— Забавно слышать это от человека, который сам следит за каждым моим шагом.

Лучия помялась возле двери.

— Может быть, она права.

— Может быть.

— Но ты всё равно пойдёшь.

— Разумеется.

Лучия вздохнула, подошла ближе и неожиданно обняла сестру. Быстро, почти неловко, словно боялась показаться слишком нежной после целого дня разговоров о деньгах, тканях и заказах.

— Только не сиди долго. Сегодня хороший вечер.

— Я помню.

Когда сестра ушла, Ливия закрыла дверь мастерской на засов и взяла лампу. Лестница на второй этаж была узкой, деревянные ступени отзывались тихим скрипом. Там находились жилые комнаты, небольшая кладовая и тесное помещение под крышей, куда после смерти Марко перенесли вещи, которые Ливия не смогла ни использовать, ни выбросить сразу.

Она редко заходила туда. Не из сентиментальности. Напротив, первые месяцы после похорон ей казалось почти унижительным беречь его старое платье, сапоги, потрёпанный пояс и несколько книг, которые он так и не дочитал. Затем вещи перестали болеть. Они превратились в предметы, занимающие место. Ливия собиралась разобрать сундук не меньше полугода, но всякий раз находилось более срочное дело.

Теперь срочность появилась.

Она поставила лампу на низкую табуретку и подняла крышку сундука. Запах старой бумаги, кожи и пыли поднялся навстречу. Сверху лежал плащ Марко. Тёмно-зелёный, слишком хороший для повседневной носки и слишком поношенный для торжественных случаев. Ливия провела ладонью по ткани, но не позволила себе задержаться. Под плащом нашлись две пары перчаток, несколько свёрнутых расписок, мешочек с пуговицами и три толстые книги в кожаных переплётах.

Она достала первую.

Записи Марко всегда раздражали её. Его почерк менялся в зависимости от настроения: утром он писал аккуратно, к вечеру начинал торопиться, сокращал слова, оставлял пометки на полях и иногда рисовал маленькие знаки, значение которых существовало только в его голове. Ливия села прямо на пол, пододвинув лампу ближе, и начала листать страницы.

Первые записи не представляли интереса. Заказы на покрывала, отделку рукавов, тесьму, свадебные ткани. Имена людей, которых она знала или хотя бы слышала. Суммы, сроки, отметки об оплате. Иногда долги. Иногда сердитые замечания Марко о поставщиках, пытавшихся подsunуть ткань хуже оговорённой. В нескольких местах он писал имя Ливии, указывая, какой узор следует поручить именно ей. Эти строки причиняли странную, негромкую боль. Не такую, как раньше. Скорее напоминали о человеке, который когда-то существовал рядом и видел в её руках нечто достойное доверия, хотя сам доверия в конце концов не оправдал.

Она перелистнула ещё несколько страниц.

На полях появились знаки.

Сначала Ливия приняла их за обычные торговые отметки. Небольшой крест возле имени заказчика. Точка рядом с суммой. Короткая косая линия, похожая на случайный след пера. Затем заметила повторение. Один и тот же знак возникал рядом с заказами, не имевшими ничего общего: занавесь для спальни, отделка мужского плаща, два отреза ткани для свадебного сундука, церемониальное покрывало. Иногда Марко рисовал маленький круг с расходящимися от него линиями. Иногда — подобие ветви. Возле нескольких записей стояли буквы, которые не соответствовали ни именам заказчиков, ни поставщикам.

Ливия нахмурилась и придвинула лампу.

Внизу страницы обнаружилось имя Белланди.

Не в списке кредиторов. Не возле поставки ткани. Просто на полях, почти незаметно, рядом с рисунком маленького ключа.

Ливия медленно перевернула страницу.

Следующая была вырвана.

Не грубо. Бумагу удалили аккуратно, почти у самого переплёта. Если листать книгу быстро, можно было не заметить.

Она проверила следующие листы. Ещё одна отсутствующая страница. Затем две сохранившиеся. Потом снова след обрезанной бумаги.

Снизу донёсся стук.

Ливия замерла.

Один удар.

Не в дверь мастерской. Скорее в ставню или наружную стену.

Она поднялась, взяла лампу и несколько мгновений прислушивалась. Дом отвечал тишиной. Из кухни доносился голос Лучии: сестра что-то напевала, переставляя посуду. За стеной соседей плакал ребёнок. На улице проехала телега.

Стук повторился.

На этот раз громче.

Ливия закрыла книгу, но не положила её обратно в сундук. Несколько секунд колебалась, затем завернула в плащ Марко и спрятала под стопкой старого белья в дальнем углу кладовой. Две другие книги остались на месте. Если кто-то действительно наблюдал за домом, лучше не позволять ему найти всё сразу.

Она спустилась вниз с лампой в руке.

— Лучия?

— Я здесь, — отозвалась сестра из кухни. — Что случилось?

— Ты слышала стук?

— Какой стук?

Ливия не ответила. Прошла через переднюю комнату и остановилась возле двери. Засов оставался на месте. Она медленно отодвинула его и распахнула створку.

На улице никого не было.

Только возле порога лежал небольшой свёрток.

Ливия опустила лампу ниже. Свет скользнул по тёмной ткани. Обыкновенный кусок шёлка, перевязанный тонкой бечёвкой. Без письма. Без имени. Без знака.

Она подняла его и развернула прямо у двери.

Внутри лежала игла.

Тонкая, дорогая, почти новая. На её острие темнело нечто похожее на засохшую кровь.

Ливия несколько мгновений смотрела на неё, не двигаясь. Затем аккуратно завернула свёрток обратно, закрыла дверь и задвинула засов.

— Кто приходил? — спросила Лучия, выглянув из кухни.

Ливия повернулась к ней. Сестра стояла в дверном проёме с деревянной ложкой в руке, молодая, оживлённая, ещё не успевшая испугаться. За её спиной на столе лежал свежий хлеб. В воздухе пахло травами и мясом. Хороший вечер, как она сказала совсем недавно.

— Никто, — ответила Ливия.

Она убрала свёрток в ящик под счётной доской, рядом с деньгами Катерины Торнабуони, и повернула ключ.

Сегодня мастерская получила заказ, который мог спасти её.

И в тот же день кто-то напомнил Ливии: вещи, оставшиеся после мёртвого человека, иногда продолжают жить собственной жизнью.

Глава 2. Мужчина на подоконнике

Ночью дождь всё-таки начался.

Днём небо над Флоренцией оставалось светлым и почти прозрачным, словно поздняя осень решила ненадолго отступить перед городом, который слишком многое требовал от каждого погожего часа. К вечеру облака собрались над крышами теснее, спрятали последние полосы заката и опустились так низко, что купол собора исчез за серой пеленой. Сначала на черепицу упали отдельные тяжёлые капли. Потом вода зашумела по водостокам, забарабанила по ставням и потекла вдоль улицы мутными ручьями, унося солому, грязь и мелкий мусор, который торговцы не успели убрать до наступления темноты.

Ливия не любила дождливые ночи. В такие часы дом начинал жить собственной жизнью. Старые доски отзывались на сырость тихими потрескиваниями, ветер толкал наружные ставни, вода находила незаметные щели в крыше, а стены словно становились тоньше. Звуки соседних домов проникали внутрь отчётливее обычного: приглушённый плач ребёнка, кашель, скрип кровати, недовольный мужской голос, торопливые шаги по лестнице. Город не засыпал, только переставал скрывать то, что днём заглушали торговля, колокола и уличная толчея.

Обычно Ливия воспринимала эти звуки спокойно. За годы жизни в доме над мастерской они стали привычным фоном, таким же постоянным, как запах дерева, воска и тканей. Но сегодня каждый удар дождя по ставне заставлял её поднимать голову.

Свёрток с иглой лежал в ящике под счётной доской, рядом с авансом Катерины Торнабуони. Ливия несколько раз убеждала себя, что стоило перенести его наверх или вовсе выбросить в очаг, однако не сделала ни того ни другого. Игла сама по себе ничего не доказывала. Кровь могла оказаться ржавчиной, вином, краской или неприятной шуткой человека, которому нечем занять вечер. Любое разумное объяснение выглядело убедительным до тех пор, пока Ливия не вспоминала слова Белланди и страницы, аккуратно вырезанные из старой книги Марко.

После ужина она долго сидела за столом напротив Лучии и почти не замечала вкуса телятины, которую утром разрешила купить в честь большого заказа. Сестра, напротив, была необыкновенно оживлена. Она рассказывала о рисовальщике, согласившемся принести образцы гербов, о платье Катерины Торнабуони, о том, как одна из младших мастериц умудрилась уколоть палец, едва услышала имя Пацци, и о новом подмастерье булочника, который слишком долго задержался у двери, передавая сладкие лепёшки.

Ливия кивала, отвечала и даже позволила себе улыбнуться там, где от неё ожидали улыбки. Но мысли постоянно возвращались к сундуку под крышей.

— Ты почти ничего не съела, — заметила Лучия, когда в глиняной миске осталось несколько ломтиков мяса.

— Я съела достаточно.

— Марта была права. Ты умеешь превратить хорошую новость в повод для тревоги.

— Марта говорит это обо мне с тех пор, как ты научилась держать иглу.

— И с тех пор ни разу не ошиблась.

Лучия отложила хлеб и внимательно посмотрела на сестру. При свете двух свечей её лицо казалось моложе обычного. В нём ещё сохранялась мягкость, которую Ливия давно утратила, не заметив точного дня, когда это произошло. Возможно, после смерти Марко. Возможно, раньше, когда долги впервые перестали быть отдельными неприятностями и превратились в постоянное присутствие в доме. Возможно, в тот момент, когда она поняла: люди восхищаются женщиной, способной справляться с трудностями, только до тех пор, пока эта способность не начинает мешать им распоряжаться её жизнью.

— Что хотел Белланди? — спросила Лучия.

— Я уже сказала. Просил сохранить старые книги заказов.

— Зачем?

— Не объяснил.

— Марта считает, что в этом нет ничего странного. Мастерские хранят записи.

— Некоторые записи хранят. Но люди редко приходят напоминать о бумагах, которые им безразличны.

Лучия помолчала. За стеной ветер ударил в ставню, и огонёк одной из свечей дрогнул.

— Может быть, он боится, что там остались сведения о его долгах, — предположила она.

— Или о каких-то старых сделках. Марко ведь работал с ним много лет.

Ливия провела пальцем по краю миски.

— Возможно.

— Ты снова пойдёшь наверх?

— Не сегодня.

— Правда?

— Правда.

Она произнесла это спокойно и почти убедила саму себя. После ухода Белланди желание немедленно разобраться в книгах казалось единственно разумным решением. Но теперь, когда дом погрузился в темноту, а дождь стирал с улицы обычные звуки, тревога приобрела иной оттенок. Ливия не боялась бумаг. Она боялась того, что кто-то ещё может интересоваться ими достаточно сильно, чтобы наблюдать за мастерской, оставлять странные свёртки и ждать, пока две женщины останутся в доме одни.

— Тогда пойдём спать, — сказала Лучия. — Завтра придётся начинать раньше обычного.

Она убрала посуду, залила водой остатки огня в кухонном очаге и проверила засов на двери, хотя Ливия уже делала это дважды. Сестра занимала небольшую комнату напротив лестницы. Когда-то там хранили ткани, но после смерти Марко Ливия решила, что дом не должен выглядеть так, будто в нём навсегда осталось место только для одного человека. Лучия переехала к ней почти сразу, сначала якобы ненадолго, чтобы помочь в первые недели, затем окончательно. Её присутствие раздражало, успокаивало, утомляло и спасало одновременно.

— Разбуди меня, если снова услышишь стук, — сказала Ливия.

Лучия уже стояла в дверях своей комнаты и распускала волосы.

— Какой именно? От дождя, от ставен, от телеги, от соседского ребёнка или от твоего воображения?

— Любой, который покажется тебе странным.

— Если разбудить тебя из-за каждого странного звука в этом доме, ты больше никогда не уснёшь.

— Лучше так, чем однажды не проснуться совсем.

Лучия перестала улыбаться.

— Ливия.

— Запри дверь.

Сестра хотела что-то сказать, но передумала и послушно закрылась в комнате. Ливия постояла в коридоре ещё несколько мгновений, прислушиваясь к шуму дождя, затем взяла лампу и направилась в спальню.

Комната находилась над передней частью мастерской. Её единственное большое окно выходило не прямо на улицу, а в узкий внутренний двор, который несколько соседних домов делили между собой без особого согласия и без чёткого порядка. Днём там сушили бельё, чистили овощи, вытряхивали половики, ругали детей и обсуждали новости громче, чем следовало. Ночью двор погружался в темноту. Каменные стены окружали его со всех сторон, балконы и выступы нависали один над другим, а крыши почти сходились наверху, оставляя над головой неровную полоску неба.

Ливия закрыла ставни, но не заперла их наглухо. В сырой комнате быстро становилось душно. Она переоделась, аккуратно сложила платье на сундук и легла, не распуская волосы полностью. У кровати горела одна свеча. Рядом лежали ножницы для ткани — тяжёлые, с длинными лезвиями и удобными кольцами, в которые легко входили два пальца.

Она сама усмехнулась этой предосторожности. Ножницы выглядели внушительно только на рабочем столе. Против человека с настоящим оружием они едва ли помогли бы. Но держать их рядом было приятнее, чем признавать собственную беспомощность.

Сон не приходил.

Ливия лежала на спине и слушала, как дождь бьёт по черепице. Вспоминала вырезанные страницы в книге Марко. Маленький знак ключа возле имени Белланди. Неловкую паузу Марты. Иглу в свёртке. Слишком хороший заказ, появившийся именно в тот день, когда всё прошлое внезапно напомнило о себе.

Она пыталась рассуждать трезво. Катерина Торнабуони не могла быть связана с Белланди только потому, что вошла в мастерскую за несколько часов до его визита. Пацци и Медичи были достаточно влиятельными семействами, чтобы их имена постоянно пересекались с десятками дел, браков и заказов. Большая часть Флоренции так или иначе зависела от людей, которых никогда не видела лично. Искать заговор в каждом мотке шёлка было почти смешно.

Но Ливия знала Марко.

Он умел ошибаться с обаятельной лёгкостью. Всегда верил, что неприятность ещё можно исправить, долг — перенести на следующий месяц, сомнительную сделку — завершить без последствий, а человеку с мягким голосом — доверять чуть больше, чем следовало. Даже болезнь, которая свела его в могилу за несколько недель, поначалу казалась ему пустяком. Он улыбался, жаловался на сырость и обещал вскоре вернуться к работе. Ливия до сих пор не знала, когда именно он сам понял, что не вернётся. Возможно, в тот вечер, когда впервые попросил её внимательно проверить книги заказов, если с ним что-нибудь случится.

Она не проверила.

В последние дни Марко говорил много странного. Жар то отпускал его, то возвращался, мысли путались, а привычные слова теряли смысл. Ливия слушала, меняла мокрую ткань на его лбу, приносила воду и старалась не смотреть на Марту, которая всё чаще выходила из комнаты с застывшим лицом. После похорон книги остались в сундуке. Не из забывчивости. Ливия просто не хотела возвращаться к словам, сказанным человеком, которого уже нельзя было спросить, что именно он имел в виду.

Дождь стал тише.

Она заметила это не сразу. Несколько минут вода продолжала стекать по крыше и падать с карниза ровными тяжёлыми каплями, но прежнего шума уже не было. Вместе с ним исчезло ощущение укрытия. Теперь двор за окном казался слишком тихим.

Где-то внизу хлопнула дверь.

Ливия открыла глаза.

Шаги. Быстрые, тяжёлые, приглушённые мокрым камнем.

Она медленно приподнялась на локте и протянула руку к ножницам. Свеча почти догорела, воск стекал по краю подсвечника неровной белой полосой. На стене дрожала тень от оконной решётки.

Во дворе кто-то выругался.

Другой голос ответил резко и тихо. Слов разобрать не удалось.

Ливия села на кровати. На несколько мгновений ей захотелось разбудить Лучию, но для этого требовалось выйти в коридор и пройти мимо лестницы. Если внизу действительно находились чужие люди, разумнее было не выдавать себя лишним движением.

Она прислушалась.

Шаги остановились прямо под окном.

Затем раздался глухой стук, словно кто-то задел деревянную бочку или опрокинул корзину.

— Смотри у стены, — произнёс мужчина во дворе. — Он не мог уйти далеко.

— Здесь два выхода.

— Тогда проверь оба.

Ливия почувствовала, как холод медленно поднимается вдоль позвоночника. Это были не пьяницы, возвращавшиеся из таверны, и не соседи, решившие выяснить отношения после полуночи. Они кого-то искали.

Что-то царапнуло по внешней стороне стены.

Она повернула голову к окну.

Сначала за ставнями не произошло ничего. Потом дерево едва заметно дрогнуло. Один раз. Второй. Металлический крючок, которым створки удерживались изнутри, тихо звякнул, но остался на месте.

Ливия встала, не снимая ног с коврика возле кровати, и сжала ножницы обеими руками.

Ставня качнулась снова.

Кто-то находился снаружи, на узком выступе между этажами. Человек не мог стоять там уверенно: каменная полоса была слишком тонкой даже для кошки. Но пальцы уже нащупывали щель между створками. Ещё мгновение — и крючок приподнялся.

Ливия успела сделать два шага.

Ставни распахнулись внутрь вместе с порывом влажного воздуха. В комнату ворвался запах дождя, мокрого камня и чужой крови. На подоконник тяжело опустилась рука в тёмной перчатке. Следом показалось плечо, край промокшего плаща и лицо мужчины, который двигался с усилием, но без лишней суеты, словно забирался не в спальню незнакомой женщины на втором этаже, а возвращался домой через дверь, которой привык пользоваться каждую ночь.

Ливия подняла ножницы.

— Ещё одно движение, и я закричу.

Незнакомец замер на подоконнике, перенеся одну ногу внутрь комнаты, а вторую оставив снаружи. Он был молод — вероятно, чуть старше тридцати. Тёмные волосы прилипли ко лбу, по щеке стекала вода, смешанная с тонкой полосой крови у виска. Плащ промок насквозь и тяжело свисал с плеч. Под ним виднелась дорогая тёмная ткань дублета, слишком хорошая для вора и слишком неброская для человека, который хотел привлечь внимание.

Но больше всего Ливию удивили глаза. Не испуганные. Не просительные. Внимательные и собранные, будто незнакомец первым делом оценил расстояние между ними, вес ножниц в её руках, положение двери и то, успеет ли он закрыть ставни раньше, чем люди во дворе поднимут голову.

— Если вы закричите, — произнёс он негромко, — сюда придут люди, которых вы предпочтёте не видеть в своей спальне.

— Я и вас не предпочитаю здесь видеть.

— Это справедливо.

Его голос был низким, спокойным и чуть хриплым. Возможно, из-за холода. Возможно, из-за боли, которую он пока скрывал хуже, чем намеревался.

Ливия подняла ножницы выше.

— Убирайтесь.

Незнакомец посмотрел на длинные лезвия и почти незаметно усмехнулся.

— Я бы с радостью.

— Тогда сделайте это.

— Боюсь, двор занят.

Снизу снова донеслись шаги.

— Проверь лестницу! — приказал чей-то голос. — И спроси у сторожа, кто выходил через ворота.

Незнакомец быстро повернул голову к окну. Это движение выдало то, чего не показало лицо: он действительно боялся преследователей. Не настолько, чтобы потерять самообладание, но достаточно, чтобы рискнуть забраться в чужой дом по мокрой стене.

Ливия поняла, что ножницы дрожат в её руках, и разозлилась на себя.

— Мне всё равно, кто вас ищет.

— Не сомневаюсь.

— Вылезайте обратно.

— Через минуту они посмотрят вверх.

— Это ваша забота.

— Как только меня увидят в вашем окне, она станет нашей общей.

Он произнёс это без угрозы, почти устало. Именно поэтому слова прозвучали убедительно. Ливия представила людей во дворе, поднявших головы. Представила чужие крики, стук в дверь, соседей, выглядывающих из окон, и себя в ночной рубашке рядом с раненым мужчиной, который пытается проникнуть в её спальню после полуночи. Утром вся улица будет знать не только о визите Катерины Торнабуони, но и о том, кого вдова Бенчи принимает ночью. Ни один заказчик не станет разбираться, был ли незнакомец любовником, грабителем или человеком, свалившимся с крыши.

Мастерская не переживёт слухов, если к ним добавится обыск.

— Кто вы? — спросила Ливия.

— Сейчас это не самый полезный вопрос.

— Для меня — самый полезный.

— Человек, которому требуется несколько минут тишины.

— И вы решили искать их в моей спальне?

— Признаю, выбор не слишком учтивый.

Во дворе хлопнула ещё одна дверь.

— Наверху кто-нибудь есть? — спросил мужской голос ближе, чем прежде.

— В доме кожевника свет погас. В лавке вдовы тоже тихо.

— Обойди с другой стороны.

Незнакомец быстро подтянулся и перенёс вторую ногу через подоконник. Ливия шагнула вперёд, приставив остриё ножниц к его груди.

— Я не разрешала входить.

— Если бы я ждал разрешения, мы оба уже отвечали бы на неприятные вопросы.

Он оказался выше, чем казалось с расстояния. Не огромным и не тяжёлым, но достаточно сильным, чтобы легко отвести её руки, если бы захотел. Однако незнакомец не прикоснулся к ножницам. Только поднял ладонь, показывая, что не собирается нападать. Во второй руке он держал небольшой свёрнутый клочок шёлка. Ткань была тёмной, почти чёрной от воды, и лишь на сгибах отражала слабый свет свечи.

Ливия заметила кровь на его пальцах.

— Вы ранены.

— Ничего серьёзного.

— Тогда кровь принадлежит другому человеку?

— Отчасти.

Ответ прозвучал слишком спокойно.

Ливия посмотрела на дверь. Лучия спала через коридор. Или не спала и уже слышала голоса. Любой её шаг мог привлечь внимание людей во дворе. Любой крик — привести их в дом.

— За занавесь, — приказала Ливия.

Незнакомец приподнял брови.

— Простите?

— За занавесь. Немедленно. И не вздумайте прикасаться к сестре, вещам или двери. Если вы сделаете хоть одно движение без моего разрешения, я сама позову ваших преследователей.

— Убедительно.

— Я не шучу.

— Это заметно.

Тяжёлая занавесь закрывала часть стены возле окна и небольшую нишу, где Ливия хранила сундук с зимними одеялами. Ткань была старой, плотной и выплела по краям, но скрывала человека почти полностью. Незнакомец шагнул туда, на мгновение поморщился и прижал ладонь к левому боку.

Значит, рана находилась не только у виска.

— Вы заляпаете кровью пол, — сказала Ливия.

Он взглянул на неё с выражением, которое могло бы показаться насмешливым, если бы лицо не побледнело.

— Я постараюсь умереть аккуратно.

— Не смейте умирать в моей спальне.

— Это самая тёплая забота, которую я слышал за сегодняшний вечер.

— Это не забота. Мёртвого мужчину труднее объяснить, чем живого.

— Возможно, я недооценил ваше гостеприимство.

Ливия резко задёрнула занавесь.

Ткань ещё не успела перестать колыхаться, когда снизу раздался громкий стук в наружную дверь.

Лучия вскрикнула в соседней комнате.

— Не выходи! — быстро сказала Ливия, повысив голос ровно настолько, чтобы сестра услышала. — Останься у себя.

— Ливия?

— Запри дверь.

Она накинула поверх ночной рубашки плотное тёмное платье, не застёгивая его полностью, взяла подсвечник и вышла в коридор. Сердце билось слишком быстро. Ноги казались холодными, хотя каменный пол скрывался под деревянными досками.

— Кто там? — спросила она, остановившись на лестнице.

— Откройте, мадонна, — ответил мужской голос. — Мы ищем человека, который проник во двор.

— Среди ночи?

— Именно поэтому мы спешим.

— Чьим именем вы требуете войти?

За дверью возникла короткая пауза.

— Мы не требуем. Просим о помощи.

— Люди, которые просят о помощи, обычно называют себя.

Снаружи кто-то тихо выругался. Затем первый голос заговорил снова, на этот раз мягче.

— Сер Бернардо Вентури. Я сопровождаю людей, которым поручено задержать вора. Он ранил человека и попытался уйти через соседний двор. Возможно, забрался на крышу или проник в один из домов.

Ливия спустилась ещё на несколько ступеней, но дверь не открыла.

— В моём доме никого нет.

— Вы уверены?

— Я живу здесь с сестрой. После заката дверь оставалась заперта.

— Мы не обвиняем вас, мадонна. Но человек мог войти через заднее окно.

— В мастерской решётки.

— Тогда вы не станете возражать, если мы проверим.

Ливия остановилась на последней ступени. За дверью находились по меньшей мере трое. Возможно, больше. Она слышала их движения, тяжёлое дыхание, скрип мокрой кожи. Один из мужчин переминался с ноги на ногу. Другой прошёл вдоль стены и остановился возле окна мастерской.

— Я стану возражать, — сказала Ливия.

Ответ прозвучал спокойнее, чем она ожидала от себя самой.

— Почему?

— Потому что сейчас глубокая ночь. Потому что в доме две женщины. Потому что вы не назвали ни магистрата, ни должностного лица, которое поручило вам обыск. И потому что я не открываю дверь незнакомым мужчинам только из-за того, что они уверенно стучат.

Снаружи снова помолчали.

— Мадонна, — произнёс Вентури, — если преступник находится внутри, вам угрожает опасность.

— Тогда разумнее всего не впускать к нему ещё нескольких мужчин.

Кто-то за дверью коротко хмыкнул. Возможно, не удержался от смеха.

— Вы всегда так предусмотрительны? — спросил Вентури.

— С тех пор как овдовела.

— Ваше имя?

— Ливия Бенчи.

— Вдова владельца мастерской?

— Хозяйка мастерской.

Она намеренно выделила второе слово.

— Разумеется, — сказал мужчина после паузы. — Прошу простить. Мадонна Бенчи, мы не хотим причинять вам беспокойство. Но если вы заметите что-нибудь необычное, сообщите сторожу у ворот. Разыскиваемый человек опасен.

— Как он выглядит?

Вопрос вырвался сам собой. Ливия почти пожалела о нём, но было поздно.

— Высокий. Тёмные волосы. Плащ. Возможно, ранен.

— Половина мужчин Флоренции подходит под это описание после возвращения из таверны.

— У него может быть при себе свёрток ткани.

Ливия почувствовала, как пальцы крепче сжали подсвечник.

— Ткани?

— Небольшой кусок шёлка.

— В таком случае советую проверить лавки. В моём доме шёлка слишком много, чтобы считать один свёрток приметой.

На этот раз никто не засмеялся.

— Доброй ночи, мадонна Бенчи, — произнёс Вентури. — Ещё раз прошу простить за тревогу.

— Доброй ночи.

Шаги удалились не сразу. Сначала мужчины постояли возле двери, словно надеялись, что она передумает или выдаст себя неосторожным движением. Затем один прошёл вдоль стены. Другой остановился под окном спальни. Ливия почти видела, как он поднимает голову, рассматривая ставни. Она не шевелилась, пока голоса не стали тише и не растворились за шумом воды.

Только после этого позволила себе медленно выдохнуть.

Лучия приоткрыла дверь комнаты. Волосы рассыпались по плечам, в руке она держала небольшой нож, которым обычно нарезала хлеб.

— Кто это был?

— Искали вора.

— В нашем доме?

— Во дворе.

— Ты не открыла?

— Нет.

Лучия спустилась на несколько ступеней, всё ещё сжимая нож.

— Может быть, стоило впустить их. Если человек действительно забрался на крышу...

— Тогда сейчас он уже далеко.

— Но ты сказала, чтобы я заперлась.

— Потому что не собиралась впускать в дом толпу мужчин среди ночи.

Лучия посмотрела на неё внимательнее.

— Ты бледная.

— Я только что спорила с людьми, которые хотели обыскать мастерскую.

— Они называли себя?

— Один назвался Вентури.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— А если они вернутся?

— Тогда снова постучат.

Лучия нахмурилась, будто чувствовала недосказанность, но ещё не понимала её причины.

— Можно я останусь у тебя?

Ливия едва заметно вздрогнула.

В спальне за тяжёлой занавесью прятался незнакомый мужчина, раненый, вероятно вооружённый и совершенно точно связанный с чем-то, что не имело отношения к обычному воровству. Позволить Лучии войти означало подвергнуть её опасности. Но отказ прозвучит странно.

— Нет, — сказала Ливия. — Останься у себя и запри дверь изнутри. Я спущусь в мастерскую и проверю окна.

— Одна?

— В доме никого нет.

Ложь оказалась неприятно лёгкой.

— Тогда я пойду с тобой.

— Лучия.

Сестра замолчала. В голосе Ливии прозвучало то, чему она привыкла повиноваться ещё с детства.

— Запри дверь, — повторила Ливия. — И не выходи, пока я не скажу.

Лучия медленно кивнула.

— Хорошо. Но если услышишь что-нибудь...

— Позову тебя.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Сестра вернулась в комнату и повернула ключ. Ливия подождала ещё несколько мгновений, затем поднялась обратно в спальню.

Окно оставалось открытым. Ветер шевелил край занавеси. На полу темнели мокрые следы от сапог и несколько капель крови. Незнакомец не двигался.

Ливия закрыла ставни, закрепила крючок и поставила свечу на стол.

— Выходите.

Занавесь отодвинулась.

Мужчина стоял, прислонившись плечом к стене. За время разговора внизу он успел снять перчатку и прижать её к боку. Тёмная кожа блестела от крови. Лицо стало ещё бледнее, но взгляд оставался ясным.

— Вы хорошо лжёте, — сказал он.

— Мне пришлось научиться после вашего появления.

— Нет. Так быстро не учатся.

— Вы всегда разговариваете с людьми, которые могли только что выдать вас преследователям?

— Обычно я стараюсь понять, почему они этого не сделали.

Ливия положила ножницы на стол, но не слишком далеко от себя.

— Я уже объяснила. Мне не нужен мёртвый мужчина под окном, обыск в доме и разговоры соседей о том, кого я принимала ночью.

— Практичность — достойное качество.

— Не пытайтесь превратить моё решение в добродетель. Вы мне ничего не должны, кроме скорого ухода.

Незнакомец посмотрел в сторону окна.

— Уйти сейчас будет трудно.

— Вы же вошли.

— Вниз спускаться сложнее. Особенно если люди всё ещё ждут у ворот.

— Вы хотите остаться?

— До тех пор, пока двор не опустеет.

— Нет.

— Тогда вам придётся либо вытолкнуть меня наружу, либо позвать тех, кто только что ушёл.

Он произнёс это без дерзости. Просто назвал два очевидных варианта. Ливия ненавидела его за спокойствие, которого самой ей сейчас не хватало.

— У вас есть оружие? — спросила она.

Незнакомец помедлил, затем медленно отвёл плащ в сторону. На поясе висел короткий меч. Не украшенный драгоценными камнями, но хорошей работы. Рукоять была потёрта, словно оружие носили не ради красоты.

— Положите его на стол.

— Это неразумно.

— Остаться в спальне незнакомой женщины после полуночи тоже неразумно. Но вы уже показали, что готовы идти на риск.

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением, затем расстегнул пояс и положил меч на край стола.

— Кинжал тоже.

— Вы наблюдательны.

— Я работаю руками. Мне приходится замечать то, что другие пропускают.

Из-за голенища сапога появился тонкий кинжал. Незнакомец положил его рядом с мечом.

— Ещё что-нибудь?

— Если у вас при себе спрятан арбалет, я предпочла бы узнать сейчас.

На этот раз он действительно улыбнулся. Улыбка изменила лицо неожиданно сильно. На несколько мгновений исчезла жёсткость, в уголках глаз появились тонкие линии, а выражение стало почти тёплым. Ливия заметила это и сразу разозлилась ещё сильнее. Незнакомцу

не следовало быть красивым. Красота усложняла вещи, которые и без того были достаточно неприятными.

— Боюсь, арбалет остался в другом плаще, — ответил он.

— Снимите этот.

Улыбка исчезла.

— Простите?

— Плащ. Он мокрый и оставляет следы крови. Если люди вернутся и всё-таки войдут, вы выдадите себя раньше, чем успеете спрятаться.

— Вы собираетесь заботиться о моём удобстве?

— О чистоте пола.

Он расстегнул застёжку и медленно снял плащ. Под ним оказался тёмный дублет, вышитый почти незаметным чёрным узором. Одежда была дорогой, но не парадной. Ливия слишком долго работала с тканями, чтобы ошибиться. Хорошая шерсть. Шёлковая подкладка. Ручная отделка. Пуговицы без броского блеска, но из материала, который не покупали люди, привыкшие считать мелкие монеты перед каждым визитом на рынок.

На левом боку ткань потемнела от крови.

— Садитесь, — сказала она.

— Это уже больше похоже на гостеприимство.

— Если вы упадёте, шум разбудит половину дома.

Возле стены стоял невысокий сундук. Незнакомец сел на край осторожно, не выпуская свёрток шёлка из правой руки. Ливия заметила это сразу.

— Что у вас там?

— Ничего, что должно вас интересовать.

— Ваши преследователи думают иначе.

Он опустил взгляд на ткань.

— Вы слышали.

— Они называли её приметой.

— Тогда разумнее забыть.

— Вы проникли в мою спальню со свёртком в руке, заляпали кровью пол и заставили меня лгать людям у двери. Боюсь, забыть будет трудно.

Незнакомец несколько мгновений смотрел на неё. Потом спрятал шёлк во внутренний карман дублета.

— Порой незнание безопаснее любопытства.

— Эту мысль сегодня уже пытались сообщить мне другие люди. Она не стала убедительнее от повторения.

— Другие?

Ливия поняла, что сказала лишнее.

— Неважно.

— Возможно, как раз важно.

— Вы находитесь в моём доме только потому, что я позволила. Не задавайте вопросов.

— Разумно.

— И не улыбайтесь так, будто получили удовольствие от разговора.

— Я ранен, промок и прячусь в спальне женщины, которая держала ножницы у моего горла. Удовольствие — слишком сильное слово.

— Прекрасно. Значит, мы оба недовольны.

Она подошла к шкафу и достала чистую льняную ткань. На секунду остановилась, размышляя. Помогать незнакомцу не входило в её обязанности. Он мог оказаться вором, убийцей, шпионом или участником какой-то грязной семейной игры. Но кровь уже пропитывала дуб-

лет. Если рана продолжит течь, через час он либо потеряет сознание, либо оставит достаточно следов, чтобы люди Вентури нашли его без труда.

— Расстегните одежду, — сказала Ливия.

Незнакомец поднял брови.

— Я начинаю сомневаться, что правильно понял ваши намерения.

— Если вы немедленно не перестанете изображать остроумие, я изменю решение и позволю вам истечь кровью.

— Простите.

Он расстегнул несколько пуговиц и отвёл край дублета. Под ним была тонкая рубашка, разрезанная возле бока. Рана выглядела неприятно, но не смертельно: клинок прошёл вскользь, оставив длинную полосу под рёбрами. Крови оказалось много, однако глубоко оружие не вошло.

Ливия принесла воду из кувшина и поставила чашу на стол.

— Придётся промыть.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь. Особенно одной рукой.

— Вы всегда говорите так с людьми, которым помогаете?

— Обычно люди, которым я помогаю, приходят через дверь.

Она намочила ткань. Незнакомец попытался взять её, но Ливия не отдала.

— Сидите спокойно.

— Вы доверяете мне недостаточно, чтобы оставить меч, но достаточно, чтобы подойти ближе.

— Меч лежит там, где я могу его видеть. А вы сейчас едва способны подняться без стены.

— Это временно.

— Не сомневаюсь.

Она осторожно приложила влажную ткань к ране. Незнакомец едва заметно напрягся, но не издал ни звука. От него пахло дождём, кожей, холодным воздухом и кровью. Не вином, что почему-то удивило Ливию. Она ожидала хотя бы слабого запаха таверны или дорогих духов, которыми состоятельные мужчины пытались перебить пот и уличную грязь. Но незнакомец пах так, словно провёл вечер не за пиршественным столом, а в седле или на тёмных улицах.

Вблизи он казался старше, чем на подоконнике. Не из-за морщин — их почти не было, — а из-за выражения лица. В нём отсутствовала беспечность человека, привыкшего к лёгким победам. Даже когда мужчина улыбался, взгляд оставался внимательным. Он наблюдал за ней так же тщательно, как она за ним.

— Больно? — спросила Ливия.

— Терпимо.

— Значит, больно.

— Вы хотите услышать жалобу?

— Нет. Только понять, потеряете ли вы сознание прежде, чем я закончу.

— Не доставлю вам такого удовольствия.

— Уже благодарна.

На краях раны не было ни грязи, ни обрывков ткани. Ливия промыла её ещё раз, прижала сложенный лён и обвязала вокруг тела длинную полосу, которую обычно держала для домашних нужд. Ей пришлось подойти почти вплотную. Незнакомец сидел неподвижно, но в какой-то момент его пальцы случайно коснулись её запястья.

Прикосновение оказалось коротким. Почти ничего не значащим. Но Ливия сразу почувствовала его слишком отчётливо, будто кожа запомнила тепло чужой руки раньше, чем разум успел возразить.

Она отступила.

— Этого хватит до утра.

— Вы уверены?

— Если собираетесь спорить, можете перевязать себя заново.

— Не стану. Вы работаете уверенно.

— Я не впервые вижу порез.

— Ваш муж?

Вопрос прозвучал мягче прежних, но Ливия сразу напряглась.

— Не ваше дело.

— Простите.

Она собрала окровавленную ткань в таз и налила сверху воды. Красное пятно расплылось, стало бледнее и растворилось почти полностью. Ливия смотрела на него несколько секунд, затем выпрямилась.

— Вам нужно переждать во дворе до рассвета и уйти.

— Во дворе меня найдут.

— Тогда в мастерской.

— Там окна выходят на улицу.

— Вы удивительно разборчивы для человека, которого спасают от преследователей.

— Я всего лишь пытаюсь не свести ваши усилия к напрасной трате льна.

Ливия хотела ответить резко, но снаружи снова раздались голоса.

Они возвращались.

На этот раз мужчины шли не через двор. Кто-то остановился возле наружной двери мастерской. Другой прошёл вдоль стены и поднял ставню нижнего окна. Решётка отозвалась тихим металлическим звоном.

Незнакомец мгновенно встал, хотя движение далось ему нелегко. Он потянулся к мечу.

Ливия перехватила оружие первой.

— Нет.

— Если они войдут...

— Если вы достанете меч, всё закончится кровью. В моём доме.

— Они не уйдут после первого отказа.

— Тогда придётся убедить их лучше.

Она протянула руку.

— Дайте мне шёлк.

Незнакомец смотрел на неё несколько мгновений, словно решал, насколько далеко может зайти доверие к женщине, имя которой узнал несколько минут назад.

— Вы не знаете, что это.

— Именно поэтому мне проще спрятать.

— Если вас найдут с ним...

— Если его найдут у вас, мне придётся объяснять, почему я перевязывала рану человеку, которого ищут вооружённые мужчины. Не думаю, что ткань существенно ухудшит положение.

Снаружи постучали.

Три удара. Не такие вежливые, как у Белланди днём.

— Мадонна Бенчи! — раздался голос Вентури. — Прошу открыть. Мы нашли кровь на камне под вашим окном.

Ливия почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Шёлк, — повторила она.

Незнакомец вынул свёрток из внутреннего кармана и передал ей. Ткань оказалась легче, чем Ливия ожидала. Всего лишь узкая полоса хорошего шёлка, свёрнутая несколько раз. Она не стала разворачивать её. Быстро подошла к столу, подняла один из сложенных отрезков, приготовленных для завтрашней работы, и спрятала свёрток между слоями подкладки.

— За занавесь, — приказала она. — И если услышите мой голос громче обычного, выбирайтесь через окно.

— Вы всё-таки собираетесь открыть?

— Иначе они разбудят весь квартал.

— Это опасно.

— Вы удивительно поздно начали заботиться о моей безопасности.

Незнакомец взял меч и кинжал, но не закрепил пояс. Просто скрылся в нише, удерживая оружие в руке. Ливия задёрнула занавесь, поправила платье и вышла из спальни.

Лучия уже стояла в коридоре.

— Они снова здесь.

— Я слышу.

— Что им нужно?

— Увидели кровь во дворе.

— Кровь?

Глаза сестры расширились.

— Возможно, тот человек действительно ранен. Остайся у себя.

— Но...

— Лучия.

Сестра побледнела, однако кивнула и закрыла дверь.

Ливия спустилась вниз. Стук повторился.

— Кто там?

— Вентури. Мы уже говорили.

— Я помню.

— Откройте, мадонна. Мы не уйдём, пока не убедимся, что вы в безопасности.

— Если вы продолжите стучать, я позову стражу.

— Именно это я и советую сделать.

Ливия сняла засов, но оставила цепь, позволявшую приоткрыть дверь лишь на ширину ладони. Холодный влажный воздух сразу проник в дом.

На пороге стояли трое мужчин. Тот, кто называл себя Вентури, оказался невысоким, широкоплечим человеком лет сорока с аккуратно подстриженной бородой и мокрыми волосами. Его одежда не была роскошной, но выглядела добротно. Под плащом угадывался меч. Двое спутников держались чуть позади. Один — молодой, нервный, с тонким лицом. Второй — старше, тяжелее и молчаливее.

— Мадонна Бенчи, — произнёс Вентури. — Простите настойчивость. Мы нашли следы крови.

— И решили, что я прячу преступника?

— Решили, что преступник мог проникнуть внутрь без вашего ведома.

— Через решётки?

— Кровь была под окном второго этажа.

— Вы предлагаете мне открыть дом троим вооружённым мужчинам среди ночи только потому, что возле стены кто-то порезал руку?

— Мы можем позвать сторожа.

— Позовите.

Вентури посмотрел на неё внимательнее. В его лице не было грубости. Только раздражение человека, привыкшего, что препятствия устраняются проще.

— На это потребуется время.

— У вас его достаточно. Я никуда не уйду.

— Мадонна...

— Я тоже заинтересована в собственной безопасности. Поэтому открою дверь либо городскому стражнику, либо человеку, которого знаю лично. Вас я не знаю.

Молодой спутник Вентури сделал шаг вперёд.

— Мы теряем время.

— Тогда ищите в другом месте, — сказала Ливия.

— Он здесь, — резко ответил молодой человек. — Кровь под окном.

Вентури поднял руку, останавливая его.

— Простите моего товарища. Ночь выдалась неприятная.

— Для меня тоже.

— Вы не заметили ничего необычного? Шума? Шагов? Движения на крыше?

Ливия позволила себе короткую паузу, будто действительно размышляла.

— Дождь. Ставни несколько раз ударялись о стену. Во дворе кто-то ходил, но я решила, что это вы.

— Свет в вашей спальне горел.

— Я плохо сплю после смерти мужа.

— И всё же ничего не видели?

— Нет.

Вентури посмотрел поверх её плеча в тёмную переднюю комнату. Ливия не двигалась.

— Тогда прошу позволить одному из нас войти. Только одному. Мы проверим лестницу и уйдём.

— Нет.

— Вы очень уверенно отказываете людям, которые могут защищать ваши интересы.

— Люди, защищающие мои интересы, обычно спрашивают, нуждаюсь ли я в защите.

Старший спутник едва заметно усмехнулся.

Вентури услышал и бросил на него короткий взгляд.

— Хорошо, — произнёс он. — Позовём сторожа. Но до его прихода оставайтесь внизу. Не поднимайтесь одна.

— Благодарю за совет.

— И запомните: мужчина, которого мы ищем, опасен.

— Вы уже говорили.

— Возможно, он покажется вам человеком, заслуживающим доверия. Не ошибитесь.

Слова прозвучали странно. Слишком лично для обычного предупреждения о воре.

— Я редко доверяю мужчинам, которые забираются в дома через окна, — сказала Ливия.

На одно короткое мгновение в глазах Вентури мелькнуло понимание. Ливия сама почувствовала, что подошла слишком близко к опасной границе. Но затем он кивнул, словно услышал лишь общий ответ.

— Разумное правило.

Он отступил от двери.

— Доброй ночи, мадонна Бенчи.

— Доброй ночи.

Ливия закрыла дверь, вернула засов на место и несколько секунд стояла неподвижно, прижав ладонь к дереву. Снаружи мужчины переговаривались вполголоса. Она не могла разобрать слов. Затем шаги удалились.

Сторож так и не пришёл.

Ливия ожидала его почти четверть часа. Сидела возле стола, держа свечу и прислушиваясь. Когда стало ясно, что Вентури либо блефовал, либо передумал обращаться к городским людям, тревога только усилилась. Если он действительно исполнял законное поручение, зачем отступил? Если нет — кто дал ему право обыскивать дворы и стучать в чужие дома?

Она поднялась наверх.

Лучия снова приоткрыла дверь.

— Они ушли?

— Да.

— Нашли кого-нибудь?

— Не знаю.

— Я всё равно не усну.

— Тогда попробуй хотя бы полежать.

— Ты тоже?

— Я проверю ставни и лягу.

Лучия взяла её за руку.

— Ты что-то скрываешь.

Ливия встретила её взгляд. Сестра знала её слишком хорошо. Возможно, не так хорошо, как считала, но достаточно, чтобы заметить напряжение.

— Я скрываю раздражение, — ответила Ливия. — Мне пришлось дважды за ночь объяснять незнакомым мужчинам, что мой дом не постоянный двор.

Это было правдой. Не всей, но всё же правдой.

Лучия отпустила её.

— Закрой окно.

— Обязательно.

В спальне было тихо. Занавесь не двигалась. Несколько мгновений Ливия почти поверила, что незнакомец исчез через окно, предпочтя риск мокрой стены её обществу. Потом ткань отодвинулась.

Он стоял в нише, прислонившись плечом к стене. Меч лежал рядом на сундуке. Мужчина снова прижимал ладонь к боку.

— Они ушли? — спросил он.

— Да.

— Вы уверены?

— Нет. Но сторожа не позвали.

— И не позовут.

— Значит, вы знаете этих людей.

— Одного.

— Вентури?

Незнакомец не ответил.

Ливия подошла к столу и подняла отрез ткани, куда спрятала шёлк. Свёрток всё ещё находился между складками.

— Заберите.

Мужчина не двинулся с места.

— Подержите пока у себя.

— Нет.

— Они могут ждать снаружи.

— Тогда не выходите до утра и заберите ткань, когда уйдёте.

— Если свёрток останется у меня и они всё-таки войдут...

— Вы собираетесь оставить его здесь?

— Только ненадолго.

— В моём доме?

— Здесь его не станут искать.

Ливия коротко рассмеялась, хотя веселья не чувствовала.

— Сегодня мне уже объясняли, что старые бумаги могут иметь ценность, которой я не понимаю. Затем кто-то принёс к моей двери окровавленную иглу. Теперь в моей спальне сидит

раненый незнакомец и предлагает спрятать кусок шёлка, из-за которого вооружённые люди обыскивают дворы. Вы действительно считаете мой дом самым безопасным местом во Флоренции?

Впервые за весь разговор мужчина выглядел по-настоящему настороженным.

— Иглу?

— Это не ваше дело.

— Как она выглядела?

— Как игла.

— Где она?

— Почему вас это интересует?

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг к ней. Слишком быстро. Ливия подняла ножницы, которые успела забрать со стола.

— Не приближайтесь.

Незнакомец остановился.

— Простите. Но если вам оставили иглу, это может быть связано...

— С чем?

Он помолчал.

— С людьми, которые искали меня.

— Прекрасно. Значит, ваше появление не случайность.

— Я не говорил этого.

— Вы забрались именно в мой дом.

— Потому что ваше окно оказалось ближайшим.

— С куском шёлка, который ваши преследователи считают достаточно важным, чтобы вернуться дважды.

— Это сложнее, чем кажется.

— Все неприятности говорят так, когда хотят задержаться подольше.

Незнакомец посмотрел на неё почти с уважением.

— Вы не слишком доверчивы.

— Я вдова с долгами и мастерской. Доверчивые женщины в моём положении быстро перестают владеть чем-либо, кроме воспоминаний.

Эта фраза изменила что-то в его лице. Ирония исчезла. Он снова посмотрел на ткани, на стол, на ножницы в руке Ливии, на старые занавеси и аккуратно сложенные мотки нитей.

— Вы сами ведёте дело? — спросил он.

— Вы удивлены?

— Нет.

— Лжёте хуже, чем я.

— Я хотел сказать, что теперь не удивлён.

— Значит, до моего появления вы считали, что мастерская существует сама по себе, а ткани вышивают ангелы по ночам?

— Я редко размышлял о мастерских.

— Это заметно.

Незнакомец улыбнулся, но на этот раз без насмешки.

— Вы всегда превращаете разговор в спор?

— Только если собеседник даёт достаточно поводов.

— Тогда я, вероятно, заслужил каждый ответ.

— Наконец-то мы согласны.

Тишина, возникшая после этих слов, оказалась странной. Не спокойной. Напротив, напряжение никуда не исчезло. Мужчина по-прежнему находился в её спальне, преследователи могли вернуться, а в тканях лежал свёрток, к которому Ливия не хотела иметь никакого отно-

шения. Но внутри этой опасности появилось нечто ещё: внимательность двух людей, которые впервые увидели друг друга не как препятствие, а как загадку.

Ливия первой отвела взгляд.

— Вам нужно лечь.

— Я предпочту сидеть.

— Мне всё равно, что вы предпочитаете. Если вы потеряете сознание и упадёте, Лучия проснётся.

— Ваша сестра?

— Не произносите её имя.

— Вы сами только что назвали.

— И уже жалею.

Он послушно сел на сундук.

Ливия взяла свёрток шёлка, повертела в пальцах и снова положила среди тканей.

— До утра он останется здесь. Потом вы заберёте его и исчезнете.

— Разумно.

— И больше никогда не вернётесь.

Незнакомец посмотрел на неё с выражением, которое Ливия не сумела прочесть.

— Это зависит не только от меня.

— В моём доме — только от меня.

— В вашем доме, возможно.

Ей не понравилось последнее слово.

— Что это значит?

— Ничего, о чём стоит говорить сейчас.

— Вы удивительно охотно умалчиваете о вещах, которые могут стоить мне мастерской.

— Если я расскажу больше, опасность не уменьшится.

— Зато я пойму, чего бояться.

— Иногда знание лишь придаёт страху точные очертания.

— А вы предпочитаете бояться бесформенно?

Он задумался, будто вопрос действительно заслуживал ответа.

— Я предпочитаю знать достаточно, чтобы действовать. Но не настолько много, чтобы втянуть в опасность людей, которые случайно оказались рядом.

Ливия посмотрела на окровавленную ткань в тазу.

— Вы уже втянули.

— Знаю.

Впервые в голосе незнакомца прозвучало сожаление. Не красивое, не нарочитое. Простое признание, которое почему-то оказалось убедительнее всех его спокойных слов.

Ливия подошла к окну и проверила крючок. Ставни держались крепко. За ними шумела вода, падающая с карниза. Двор молчал.

— Вы можете остаться до рассвета, — сказала она. — Здесь, на сундуке. Не приближайтесь к двери. Не трогайте ничего в комнате. Если услышите шаги в коридоре, спрячьтесь за занавесью. Если попытаетесь уйти раньше, разбудите меня.

— Вы собираетесь спать?

— Я собираюсь попытаться.

— Рядом с вооружённым незнакомцем?

— Ваш меч лежит слишком далеко, а рана слишком свежая. Кроме того, я всё ещё держу ножницы.

Он посмотрел на инструмент в её руке.

— Признаю, они производят впечатление.

— Это хорошие ножницы.

— Не сомневаюсь.

Ливия вернулась к кровати, но не легла сразу. Сначала поставила подсвечник так, чтобы свет падал на сундук и лицо незнакомца. Затем положила ножницы рядом с подушкой и укрылась одеялом поверх платья.

— Свеча скоро погаснет, — сказал мужчина.

— Тем лучше.

— Вы не боитесь темноты?

— Сейчас темнота кажется мне наименее опасной вещью в комнате.

Он тихо рассмеялся.

— Как мне к вам обращаться?

— Никак.

— До рассвета ещё несколько часов. Странно сидеть в комнате человека, не зная имени.

— Вы проникли в спальню через окно. Боюсь, странности начались раньше.

— Тогда позвольте хотя бы поблагодарить вас.

— Поблагодарите утром, когда уйдёте.

— Хорошо.

Ливия закрыла глаза.

Несколько минут она лежала неподвижно, вслушиваясь в каждый шорох. Незнакомец не двигался. Только иногда его дыхание становилось глубже, когда боль усиливалась. За окном дождь постепенно стихал. В соседней комнате один раз скрипнула кровать: Лучия, вероятно, перевернулась на другой бок.

Сон не приходил, но напряжение медленно менялось. Первые минуты Ливия ожидала любого движения. Ей казалось, что мужчина встанет, возьмёт меч, попытается добраться до свёртка или бесшумно откроет дверь. Потом поняла, что он действительно сидит на сундуке, опустив голову и прижав ладонь к перевязанному боку. В слабом свете лицо незнакомца выглядело усталым. Не опасным. Не безобидным. Просто усталым.

— Вы всё ещё не спите, — сказал он спустя некоторое время.

— Как вы догадались?

— Дышите слишком сердито.

— Не знала, что дыхание может быть сердитым.

— Ваше — может.

Ливия открыла глаза.

— Если вам скучно, попробуйте потерять сознание молча.

— Постараюсь.

— И всё же кто вы?

Он поднял взгляд.

— Человек, которому сегодня повезло с окном.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Тогда хотя бы скажите, что украли.

— Я ничего не крал.

— Люди Вентури называют вас вором.

— Люди часто выбирают самое простое слово.

— Вы ранили человека?

Незнакомец помолчал.

— Да.

— Убили?

— Нет.

— Уверены?

- Когда уходил, он был жив.
- Очень успокаивает.
- Я не хотел вас пугать.
- Вы плохо выбрали способ знакомства.

Он снова улыбнулся. Ливия заметила, что начинает различать оттенки этой улыбки. Раньше в ней была ирония человека, защищавшегося привычным оружием. Теперь — усталость и едва заметное удивление, будто разговор действительно оказался не таким, какого он ожидал.

- А вы всегда задаёте вопросы людям, которых считаете опасными? — спросил он.
- Только если они сидят на моём сундуке.
- Справедливо.
- У вас есть имя?
- Безусловно.
- И вы не собираетесь его называть.
- Пока нет.
- Значит, мне придётся придумать самой.
- Боюсь спросить.
- Не бойтесь. Это всего лишь временное имя.
- Какое?

Ливия посмотрела на мокрый плащ, кровь на полу и ставни, через которые он проник.

— Несчастье.

Незнакомец тихо рассмеялся, затем поморщился и прижал руку к боку.

- Это жестоко.
- Но точно.
- Надеюсь, утром вы измените мнение.
- Не рассчитывайте.

Свеча погасла почти без предупреждения. Фитиль коротко вспыхнул, опустился в расплавленный воск, и комната погрузилась в темноту.

Ливия услышала, как мужчина шевельнулся.

- Не двигайтесь, — сказала она.
- Я всего лишь устраиваюсь удобнее.
- На моём сундуке это невозможно.
- Уже заметил.

За окном медленно светлело небо, хотя до настоящего рассвета оставалось ещё далеко. Сквозь щели в ставнях проникали едва заметные серые полосы. Через некоторое время Ливия начала различать силуэт незнакомца у стены.

Она не уснула. Возможно, лишь ненадолго провалилась в тревожную полудрёму, потому что в какой-то момент снова услышала дождь, хотя тот давно прекратился. Ей снился шёлк, разложенный на столе. Ткань двигалась, как вода, и под каждым стежком проступала тёмная кровь. Марко стоял по другую сторону стола, пытался что-то сказать, но слова исчезали прежде, чем достигали её. Затем на месте мужа появился человек в мокром плаще и молча протянул ей иглу.

Ливия открыла глаза.

В комнате было тихо.

Сундук возле стены пустовал.

Она резко села, нащупала ножницы и посмотрела на окно. Ставни оставались закрыты. Крючок — на месте. Меч исчез со стола. Мокрый плащ тоже.

Незнакомец ушёл.

Не через окно. Через дверь.

Ливия прислушалась. В коридоре никто не двигался. Из комнаты Лучии доносилось ровное дыхание. Значит, мужчина сумел пройти мимо настолько бесшумно, что не разбудил ни одну из них.

На полу остались только бледные следы воды и несколько тёмных капель крови.

Ливия встала и подошла к тканям, среди которых спрятала свёрток. Верхний отрез лежал немного иначе, чем прежде. Совсем незначительно. Большинство людей не заметили бы разницы. Но Ливия каждый день работала с тканями и знала, как выглядит складка, оставленная её собственной рукой.

Она подняла шёлк.

Свёртка не было.

Несколько мгновений Ливия стояла у стола, чувствуя одновременно облегчение и раздражение. Незнакомец сдержал обещание: забрал опасную вещь и исчез. Теперь можно было вымыть пол, спрятать окровавленный лён, открыть ставни и попытаться убедить себя, что ночь закончилась.

Но что-то всё ещё беспокоило её.

Ливия провела пальцами по краю подкладки. Ткань лежала плотнее обычного. Возле внутреннего шва появился едва заметный новый стежок — грубый, торопливый, совершенно чужой.

Она нахмурилась.

Рядом на столе лежала игольница. Одна из игл исчезла.

Ливия взяла ножницы, осторожно поддела нить и распорол несколько стежков.

Внутри подкладки находилась узкая полоса шёлка.

Не та, которую мужчина держал в руке. Другая. Светлее, суше и аккуратно сложенная в несколько раз. Она была спрятана так поспешно, что любой опытный мастер заметил бы вмешательство почти сразу. Но человек, сделавший это, вероятно, рассчитывал не на вечность. Только на несколько часов.

Ливия достала ткань и развернула.

Внутри ничего не было.

Ни письма. Ни знака. Ни следа чернил.

Просто полоска хорошего шёлка, слишком дорогого для случайного лоскута.

На столе возле подсвечника лежала золотая монета.

Ливия смотрела на неё долго, почти не дыша. Затем взяла монету двумя пальцами, словно она могла испачкать кожу сильнее крови, и с силой бросила в ящик.

Металл ударился о дерево и покатился среди других монет аванса.

Несчастье действительно ушло.

Но почему-то оставило часть себя в её доме.

Глава 3. Цена молчания

Утро вошло в дом слишком обыкновенно.

Сначала зазвонили колокола. Не празднично и не торжественно, а привычно, настойчиво, возвращая город к распорядку, который не зависел от того, спал ли человек ночью, боялся ли шагов за дверью и прятал ли в собственной спальне раненого незнакомца. Затем во дворе заскрипел колодезный ворот. Кто-то из соседей громко выругался, уронив ведро, ребёнок заплакал, женщина распахнула ставни и принялась вытряхивать половик так энергично, словно хотела выбить из него не пыль, а всю накопившуюся за годы злость. По улице протаскивали телегу. Колёса грохотали по камням, лошадь фыркала, торговец кричал кому-то, чтобы уступили дорогу.

Флоренция проснулась.

Ливия сидела на краю постели, не двигаясь.

Она провела ночь почти без сна, однако усталость ощущалась не так, как после долгих часов работы. Обычно к утру болели пальцы, затекала спина, в глазах появлялась сухость, словно веки изнутри натёрли мелким песком. Сегодня тело казалось тяжёлым, но мысли оставались слишком ясными. Они возвращались к одним и тем же деталям: мокрый плащ, кровь на полу, спокойный голос незнакомца, короткое прикосновение его пальцев к её запястью, свёрток шёлка, спрятанный среди тканей, и золотая монета на столе.

Монета лежала там и сейчас.

Ночью, раздражённая внезапным исчезновением мужчины, Ливия бросила её в ящик под счётной доской рядом с авансом Катерины Торнабуони. Но через несколько минут передумала, снова спустилась в мастерскую и забрала обратно. Деньги заказчицы принадлежали делу. Их предстояло потратить на нити, ткань, работу мастериц и долги. Смешивать их с монетой незнакомца казалось почти оскорбительным — как если бы она позволила чужому человеку незаметно вплести свой неровный стежок в рисунок, который ещё не начала создавать.

Теперь золото лежало возле подсвечника, ловило тусклый утренний свет и выглядело вызывающе новым.

Ливия взяла монету двумя пальцами.

Она не знала, кем был человек, проникший ночью в её спальню. Не знала, почему его преследовали, кому принадлежала кровь на его одежде и что находилось в свёртке шёлка, который он забрал перед уходом. Но одно знала совершенно точно: он привык платить.

Возможно, не всегда деньгами. Возможно, иногда улыбкой, обещанием, именем, влиянием или спокойной уверенностью человека, которому слишком редко отказывают. Однако золотая монета не была случайным знаком благодарности. Он положил её на стол намеренно, словно считал долг завершённым. Словно её молчание можно было оценить, оплатить и оставить в прошлом вместе с окровавленными тряпками.

Ливия сжала монету в ладони.

Она вернёт её.

Эта мысль была почти нелепой. Для возвращения требовалось снова встретить человека, которого она не знала и которого, вероятно, больше никогда не увидит. Разумнее было бы сохранить золото. Ещё разумнее — отдать его в уплату Белланди и забыть о ночном происшествии как о дурном сне. Одна монета могла покрыть несколько дней работы двух младших мастериц или часть стоимости хорошей золотой нити. В её положении люди не бросали деньги на стол только для того, чтобы доказать собственное достоинство.

Но оставить монету означало согласиться с его условиями.

Ливия положила золото в небольшой льняной мешочек и туго завязала шнурок. Затем открыла нижний ящик сундука, убрала мешочек под сложенные платки и закрыла крышку.

Если незнакомец когда-нибудь вернётся, монета будет ждать его. Если не вернётся — Ливия решит, что делать с ней, позднее. Не сегодня. Не сейчас, когда вся ночь ещё оставалась слишком близко.

Она подошла к окну.

Ставни были закрыты, крючок держался на месте. На подоконнике темнело несколько пятен, которые она не успела вытереть. Кровь почти высохла, приобрела бурый оттенок и въелась в дерево вдоль трещины. Ливия принесла воду, смочила ткань и начала тереть. Пятна исчезали медленно. Дерево принимало кровь охотнее, чем шёлк: не пыталось вернуть свет, не сопротивлялось, не выдавало чужого присутствия блеском или новым оттенком. Просто впитывало след и сохраняло его в себе.

За дверью слышались шаги.

Ливия быстро накрыла тряпку ладонью.

— Ты уже встала? — спросила Лучия.

— Да.

Дверь приоткрылась прежде, чем Ливия успела ответить ещё что-нибудь. Сестра вошла в комнату с распущенными волосами, придерживая на плечах шерстяную накидку. Вид у неё был недовольный и сонный. Под глазами легли лёгкие тени.

— Я почти не спала, — сообщила она. — Всё прислушивалась, не вернутся ли эти люди.

— Не вернулись.

— Откуда ты знаешь?

— Они постучали бы.

Лучия остановилась посреди комнаты и огляделась. Ливия невольно проследила за её взглядом: сундук, смятая постель, подсвечник, таз с окрашенной водой возле стены. Мокрый плащ исчез. Оружия не было. Кровавые следы на полу Ливия успела вытереть ещё ночью. Однако ей всё равно казалось, что присутствие незнакомца осталось в комнате слишком заметным, словно воздух не успел прийти в порядок после его ухода.

— Что ты делаешь? — спросила Лучия.

— Закрывала ставни. Из щели натекла вода.

Сестра посмотрела на сухой пол возле окна, затем на тряпку в руках Ливии.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь спорила с дождём.

— Он оказался упрямее, чем я рассчитывала.

— Марта говорит, что это почти невозможно.

— Марта преувеличивает мои достоинства.

Лучия подошла ближе и неожиданно коснулась плеча сестры.

— Ты правда в порядке?

Вопрос прозвучал без обычной лёгкости. Ливия подняла глаза. На лице Лучии не было подозрения, только тревога. Сестра знала о людях во дворе, о повторном стуке, о странном визите Белланди днём. Она имела право услышать хотя бы часть правды. Но сказать, что ночью в спальне сидел вооружённый мужчина, означало переложить часть страха на человека, который ничем не мог помочь. Лучия умела хранить простые тайны: чужую влюблённость, неловкий разговор, задержанный платёж, маленькую ошибку в вышивке. Но опасные тайны требовали не только молчания. Они заставляли человека иначе смотреть на каждого прохожего, замечать слишком многое и бояться даже тогда, когда страх бесполезен.

— Я в порядке, — ответила Ливия. — Просто устала.

— Ты никогда не признаёшь, что устала.

— Значит, сегодня следует запомнить как особенный день.

Лучия улыбнулась, хотя тревога исчезла не полностью.

— Я разожгу огонь. Марта скоро придёт.

— Сначала проверь дверь внизу. Засов мог отсыреть.

— Ты проверяла его ночью.

— Проверь ещё раз.

Сестра вздохнула, однако спорить не стала. Когда дверь закрылась, Ливия вытерла подоконник до конца, вылила воду и спрятала испачканную ткань под старые вещи, предназначенные для стирки. Затем привела в порядок волосы, надела простое тёмное платье и несколько секунд смотрела на собственное отражение в маленьком металлическом зеркале.

Лицо казалось привычным. Чуть бледнее обычного, с усталыми глазами и слишком серьёзной складкой возле губ. Ничего такого, что невозможно объяснить бессонной ночью. Ничего такого, что могло бы выдать мужчину, сидевшего на её сундуке и называвшего её дыхание сердитым.

Ливия отвернулась первой.

В мастерской уже пахло тёплым хлебом, воском и вчерашними нитями. Лучия открыла наружную ставню, выпуская серый утренний свет. Дождь закончился, но улица оставалась влажной, камни блестели, а редкие прохожие старались обходить лужи вдоль стен. Возле двери кожанной лавки напротив стоял её хозяин и о чём-то спорил с учеником. Увидев Ливию, он поднял руку в знак приветствия. Она ответила коротким кивком.

Никто не смотрел на её окна слишком долго.

Никто не шептался.

Никто не знал.

Эта мысль должна была успокоить, однако принесла странное раздражение. Ночью чужое присутствие казалось событием, способным разрушить всю жизнь. Утром город не заметил ничего. Флоренция продолжала торговать, ругаться, считать деньги и обсуждать чужие свадьбы. Мужчина в тёмном плаще растворился среди улиц так же легко, как дождь стекал в канавы.

Марта пришла раньше обычного. Она вошла без стука, отряхнула край плаща и поставила на стол небольшую корзину с хлебом, сыром и сушёными яблоками.

— Вчерашний праздник закончился, — объявила она. — Сегодня придётся работать. Я встретила Неру. Она уже идёт. А Джулия, разумеется, задерживается. Её мать заболела именно в тот день, когда у нас появился хороший заказ.

— Может быть, действительно заболела, — сказала Лучия.

— Может быть. Но если её мать завтра чудесным образом выздоровеет после разговора со мной, я буду считать это личной заслугой.

Марта сняла плащ и внимательно посмотрела на Ливию.

— Ты не спала.

— Спала.

— Тогда сон тебя оскорбил.

— Ночью во дворе искали вора.

Марта перестала развязывать ленты на корзине.

— Какого вора?

Лучия поспешила рассказать всё, что знала: шаги, стук, людей за дверью, человека по имени Вентури, кровь под окном и отказ Ливии впустить вооружённых незнакомцев. Она говорила быстро, время от времени добавляя детали, которых на самом деле не видела, но, вероятно, успела дорисовать за ночь. К концу рассказа во дворе почти происходило сражение, а Ливия едва ли не в одиночку защищала дом от банды убийц.

Марта слушала молча.

— Они называли городского стражника? — спросила она, когда Лучия закончила.

— Нет, — ответила Ливия. — Только обещали позвать сторожа. Не позвали.

— Значит, не хотели привлекать лишнее внимание.

— Или просто ушли, потому что поняли: здесь никого нет.

Марта посмотрела на неё.

Взгляд задержался на лице слишком долго.

— Здесь никого не было? — спросила она.

Лучия рассмеялась.

— Откуда у нас взяться вору? Через решётку он бы не пролез, а если бы попытался войти через окно наверху, Ливия столкнула бы его обратно прежде, чем он успел объяснить причину визита.

— Разумеется, — сказала Ливия.

Марта продолжала смотреть.

На мгновение Ливии показалось, что старшая мастерица видит всё: вытертый подоконник, спрятанную испачканную ткань, усталость, которую невозможно полностью скрыть, и решение молчать. Но затем Марта отвела глаза.

— Нужно проверить двор, — произнесла она. — Если там действительно осталась кровь, соседи начнут болтать.

— Уже проверила, — сказала Ливия. — Дождь смыл почти всё.

— Почти?

— Несколько пятен возле стены. Они могут принадлежать кому угодно.

— Во Флоренции кровь редко принадлежит кому угодно. Обычно она принадлежит человеку, который в какой-то момент не сумел уйти вовремя.

Лучия нахмурилась.

— Ты говоришь так, будто это обычное дело.

— Для города — обычное. Для нашего дома — нет.

Марта подошла к окну и посмотрела на улицу.

— Белланди появлялся снова?

— Нет.

— Хорошо.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Почему ты спросила? — уточнила Ливия.

— Потому что вчера он приходил. Потому что ночью возле дома ходили люди. Потому что у нас заказ от семейства, связанного с Пацци. Иногда несколько неприятных вещей случаются рядом просто по совпадению. Но я не люблю совпадения, если их становится слишком много.

— Значит, ты всё-таки считаешь, что книги Марко следует посмотреть.

Марта отвернулась от окна.

— Я считаю, что сегодня нам следует закончить образцы для мадонны Катерины и не давать людям повода говорить, будто большой заказ оказался для мастерской Бенчи слишком тяжёлым.

— Ты избегаешь ответа.

— Потому что ответ мне не нравится.

— Какой именно?

— Что бы ни находилось в старых книгах, оно уже два года лежало спокойно. Возможно, лучше не будить то, что уснуло.

Лучия посмотрела с одной на другую.

— Вы обе говорите так, словно Марко спрятал там карту сокровищ.

— Если бы твой зять когда-либо нашёл сокровища, — сказала Марта, — он первым делом потратил бы половину на слишком дорогой плащ, а вторую вложил бы в дело, которое обещало прибыль через десять лет.

Лучия улыбнулась. Ливия тоже почти позволила себе улыбнуться, но имя Марко снова вернуло тяжесть, которую невозможно было отодвинуть простой шуткой.

— Работать, — сказала она. — Рисунок принесут завтра. Сегодня проверим ткань, подготовим внутренние слои и решим, сколько нитей потребуется заказать у Спинелли.

Мастерская постепенно наполнилась людьми. Нера пришла первой, запыхавшаяся и мокрая после быстрой ходьбы. Следом появилась Джулия с виноватым лицом и длинным объяснением о матери, которая действительно плохо спала, кашляла и нуждалась в помощи именно сегодня утром. Марта выслушала её с видом человека, способного отличить болезнь от лени по одному движению ресниц, но отпустила замечание только после обещания задержаться вечером. Две младшие девушки занялись подготовкой нитей, Лучия раскрыла ставни шире и начала раскладывать инструменты.

Вскоре мастерская зажила обычной жизнью.

Ножницы шёлкали. Нити скользили между пальцами. Девушки переговаривались вполголоса, обсуждая свадьбу Фьоретты Манчини, хотя ни одна из них никогда не видела невесту. Нера утверждала, что девушка необыкновенно красива и обладает волосами цвета мёда. Джулия возражала: её двоюродная сестра однажды встретила Фьоретту возле церкви и уверяла, что та слишком худа, а подбородок выдаётся вперёд. Лучия слушала, улыбалась и время от времени задавала вопросы, будто собиралась составить окончательное мнение о внешности человека, который существовал для неё только в чужих пересказах.

Ливия сидела за большим столом и проверяла отрезы ткани.

Катерина Торнабуони оставила вчера один основной рулон светлого шёлка и несколько меньших свёртков, предназначенных для образцов и внутренних слоёв. Снаружи всё выглядело безупречно. Ткань легла на стол мягко, послушно, раскрывая ровную поверхность без узлов и пятен. На ней легко было представить золотые ветви, цветы, гербы и тонкий орнамент, который появится позднее. Но теперь Ливия касалась шёлка осторожнее, чем обычно. После ночного визита любой складке хотелось приписать тайный смысл.

Она развернула первый отрез, проверила край и отложила в сторону.

Второй оказался чуть плотнее.

Третий — предназначенный для внутренней отделки — лежал на столе ещё со вчерашнего дня. Именно среди его слоёв ночью она спрятала свёрток незнакомца. Именно там утром обнаружила чужую полоску ткани, вшитую в подкладку.

Ливия не стала рассматривать её сразу.

После ухода мужчины тревога была слишком свежей, Лучия могла проснуться в любую минуту, а свет единственной свечи едва позволял различить шов. Ливия успела заметить только главное: кто-то использовал одну из её игл, сделал несколько торопливых стежков и спрятал внутрь узкую полоску шёлка. Она вынула её, развернула, не нашла письма и снова убрала в ящик, решив разобраться позднее.

Теперь позднее наступило.

Ливия огляделась. Марта стояла в соседней комнате, объясняя Нере, как следует закреплять тесьму. Лучия спорила с Джулией о том, можно ли добавить к свадебному рисунку гранатовые ветви, если герб заказчицы потребует совсем другого орнамента. Никто не смотрел на Ливию.

Она провела пальцем вдоль шва.

Чужая работа бросалась в глаза сразу. Не потому, что мужчина не умел держать иглу. Вероятно, он хотя бы несколько раз в жизни пришивал пуговицы или зашивал разрез на одежде. Но между подобным умением и настоящим ремеслом лежала такая же пропасть, как между человеком, умеющим написать собственное имя, и переписчиком, годами выводившим строки в книге. Стежки получились слишком длинными, расстояние между ними менялось, один прокол оказался опасно близко к краю ткани. Незнамец торопился. Возможно, слышал шаги Ливии в коридоре и понимал, что у него остаётся всего несколько мгновений.

Ливия осторожно распорол нить.

Внутри лежала узкая полоска серо-голубого шёлка.

Днём ткань выглядела иначе, чем при слабом свете свечи. Не светлой и не бесцветной. Оттенок напоминал небо после дождя или воду в Арно, когда солнце ещё не поднялось достаточно высоко. Хороший материал. Не такой дорогой, как шёлк из заказа Катерины, но достаточно качественный, чтобы не оказаться случайным обрезком. Один край был ровно срезан, второй — оторван поспешно. На ткани не было ни видимой надписи, ни герба, ни печати.

Ливия перевернула полоску.

Ничего.

Провела пальцем вдоль края.

Ткань была сложена вдвое.

Она уже собиралась развернуть её полностью, когда рядом раздался голос Лучии:

— Что ты нашла?

Ливия сжала полоску в ладони и подняла голову.

Сестра стояла напротив, опираясь ладонями о край стола. Любопытство в её лице пока не смешивалось с подозрением.

— Неровный шов, — ответила Ливия.

— На ткани Катерины Торнабуони?

— На внутреннем слое.

— Мы вчера не успели его обработать.

— Именно поэтому я удивлена.

Лучия потянулась к ткани, но Ливия накрыла шов ладонью.

— Позови Марту.

— Зачем?

— Хочу спросить, кто готовил этот отрез.

Сестра посмотрела на её сжатые пальцы.

— Что у тебя в руке?

— Нить.

— Покажи.

— Лучия.

Тон прозвучал резче, чем требовалось. Сестра отступила на полшага.

— Я просто спросила.

— Позови Марту.

Лучия нахмурилась, однако повернулась и ушла в соседнюю комнату. Ливия быстро спрятала полоску в карман платья. Сердце снова забилося сильнее, хотя никакой непосредственной опасности не было. Всего лишь ткань. Всего лишь несколько неровных стежков. Но теперь молчание требовало усилий. Не одноразовой лжи возле двери ночью, а постоянной осторожности рядом с людьми, которых она привыкла считать частью собственной жизни.

Марта подошла через минуту.

— Что случилось?

Ливия показала распоротый шов.

Старшая мастерица нахмурилась и наклонилась ближе.

— Кто-то уже работал с тканью.

— Вчера?

— Не я.

— Лучия?

— Я не трогала, — быстро сказала сестра, стоявшая рядом.

— Нера? Джулия?

Марта оглянулась в сторону соседней комнаты. Девушки продолжали работать, но наверняка прислушивались.

— Они не успели бы. Вчера после ухода мадонны Катерины ткань лежала здесь. Потом я сама убрала её на край стола.

— Шов свежий?

Марта провела ногтем вдоль проколов.

— Да. Нить почти не натянута. Тот, кто это делал, не знал, как закрепить край.

— Может быть, служанка заказчицы пыталась что-то исправить раньше, — предположила Лучия.

— И спрятала от нас собственную работу? — Марта покачала головой. — Нет. Этот шов появился здесь.

Ливия ощущала полоску шёлка в кармане почти физически, словно ткань нагрелась от прикосновения и теперь выдавала её присутствие.

— Кто-нибудь заходил в мастерскую после моего ухода? — спросила она.

Марта взглянула на неё.

— Ты закрыла дверь последней.

— Я проверяла окна ночью. Всё было заперто.

— Тогда откуда шов?

— Возможно, я просто не заметила его вчера.

— Ты? — Марта приподняла брови. — Не заметила чужую строчку на дорогой ткани?

Лучия посмотрела на сестру ещё внимательнее.

Ливия поняла, что выбрала неудачную ложь. Слишком простую. Люди, работавшие рядом годами, знали её лучше, чем хотелось бы. Она могла не заметить усталость, чужой взгляд или комплимент, сказанный с определённым намерением. Но неровный шов увидела бы сразу.

— Вчера я считала деньги и говорила с Белланди, — произнесла она. — Возможно, отвлеклась.

Марта продолжала молчать.

— Главное, что ткань не повреждена, — добавила Ливия. — Шов распорем и сделаем заново. У нас достаточно работы без гаданий о том, кто держал иглу.

Лучия ещё несколько мгновений стояла рядом, явно ожидая продолжения, затем пожала плечами и вернулась к инструментам.

Марта не ушла.

— Ливия, — сказала она тихо, когда сестра отошла достаточно далеко. — Что произошло ночью?

— Я уже рассказала.

— Рассказала то, что слышала Лучия.

— Этого достаточно.

— Для неё — возможно.

Ливия встретила взгляд старшей мастерицы.

Марта редко давила прямо. Она умела быть резкой, насмешливой, неудобной, но обычно не задавала вопросов, если человек ясно показывал, что отвечать не намерен. Сейчас в её лице появилось выражение, которое Ливия видела всего несколько раз: страх, тщательно спрятанный за раздражением.

— Если ты знаешь что-то о книгах Марко, скажи, — произнесла Ливия.

— Я знаю только, что он в последние месяцы связался с людьми, которых следовало обходить стороной.

— С Белланди?

— В том числе.

— Кто ещё?

Марта посмотрела в сторону Лучии, затем ниже, на ткань.

— Не здесь.

— Когда?

— После работы.

— Почему не сейчас?

— Потому что у нас четыре пары ушей в соседней комнате и улица прямо за окном. Потому что вчера к тебе приходил Белланди, ночью двор обыскивали вооружённые люди, а утром ты нашла на ткани шов, которого не могло быть. И потому что, судя по твоему лицу, ты знаешь о нём больше, чем говоришь.

Ливия не ответила.

Марта вздохнула.

— Я не прошу доверять мне безоговорочно. Но не пытайся защитить всех сразу. Марко уже однажды решил, что сумеет справиться один.

— И чем это закончилось?

— Именно поэтому я говорю.

Ливия почувствовала, как внутри поднимается раздражение, смешанное с болью.

— Два года ты молчала.

— Два года никто не приходил к твоей двери с напоминаниями.

— Белланди приходил.

— Но не так.

— Как именно — так?

Марта посмотрела ей прямо в глаза.

— Словно чего-то ждал.

В соседней комнате Нера уронила ножницы. Металл ударился о пол, девушка вскрикнула, Джулия рассмеялась, и обычный шум мастерской снова заполнил пространство между ними.

— После работы, — повторила Марта. — Не раньше.

Она ушла.

Ливия медленно опустилась на скамью. Ткань лежала перед ней, распоротый край напоминал открытую рану. Несколько мгновений хотелось немедленно достать полоску шёлка, развернуть её и понять, что именно незнакомец оставил в её доме. Но рядом работали люди. Лучия время от времени поднимала голову. Марта слишком внимательно замечала каждое движение. Любая поспешность привлечёт больше вопросов, чем сама находка.

Ливия взяла иглу и начала исправлять чужую работу.

Стежки ложились ровно. Прокол за проколом. Нить проходила через ткань бесшумно, почти без сопротивления. Под пальцами шёлк снова становился послушным и чистым, словно ночью никто не трогал его торопливыми руками, не прятал внутрь неизвестную вещь и не оставлял после себя цену молчания.

Работа успокаивала.

Она всегда успокаивала. Даже в самые тяжёлые месяцы после смерти Марко, когда деньги исчезали быстрее, чем появлялись, а каждый визит поставщика грозил новым унижением, руки продолжали помнить порядок. Нить должна войти здесь, выйти там, лечь свободно, но не слишком свободно, удержать узор и не стянуть ткань. Мир мог быть устроен несправедливо, мужчины могли обещать больше, чем выполняли, богатые семейства — распоряжаться чужими судьбами, но один правильно сделанный стежок оставался правильным независимо от имени заказчика.

Ливия закончила край и подняла ткань к свету.

След исчез.

Никто, кроме неё, не догадался бы, что подкладку распарывали дважды за одну ночь.

До полудня мастерская работала без остановки. Пришёл Нери Спинелли и принёс образцы золотых нитей, каждый из которых, по его словам, был лучшим во всей Тоскане и про-

давался почти без прибыли исключительно ради давнего уважения к мастерской Бенчи. Ливия выслушала его терпеливо, выбрала два мотка и добилась цены ниже первой названной почти на четверть. Затем появился мальчик от рисовальщика с обещанием доставить гербы завтра после утренней мессы. Чуть позже заглянула жена кожевника напротив, якобы спросить, не нужен ли Ливии хороший ремень для сундука, но на самом деле хотела узнать, действительно ли ночью во дворе искали опасного вора.

— Муж говорит, там была кровь, — сообщила она, понизив голос с таким удовольствием, будто кровь являлась редким украшением, доставленным специально для обсуждения. — Совсем под вашими окнами.

— После дождя трудно понять, была ли это кровь, — ответила Ливия.

— Люди говорили, кого ищут?

— Нет.

— А в дом просились?

— Просились.

— И вы не пустили?

— Конечно, нет.

Жена кожевника посмотрела на неё одновременно с восхищением и разочарованием. Очевидно, история стала бы значительно интереснее, если бы незнакомцы ворвались внутрь, перевернули мастерскую и обнаружили под кроватью беглого убийцу.

— Правильно, — сказала она. — Женщинам нельзя открывать ночью. Особенно вдовам. Люди болтают.

— Люди болтают и без причины.

— Разумеется. Но зачем помогать им?

Она ещё немного постояла у двери, надеясь услышать подробности, затем ушла. Через десять минут напротив уже появилась соседка из дома булочника. К обеду половина улицы знала, что ночью возле мастерской Бенчи искали преступника. Пока никто не знал, что преступник действительно сидел наверху. Ливия слушала разговоры и всё яснее понимала, насколько близко подошла к краю. Один неловкий звук, одна капля крови на лестнице, одна открытая дверь — и мастерскую обсуждали бы уже не из-за заказа Катерины Торнабуони.

Молчание действительно имело цену.

Но определять её будет не незнакомец.

Когда девушки ушли обедать в заднюю комнату, Ливия поднялась наверх. Она сказала, что хочет взять старую счётную книгу, и никто не удивился. Только Марта проводила её взглядом.

В спальне всё оставалось так, как утром. Солнце пробилось сквозь щель между ставнями и легло на пол узкой светлой полосой. На подоконнике больше не было крови. Сундук стоял возле стены, покрытый несколькими царапинами, которых Ливия раньше не замечала. Возможно, они существовали много лет. Возможно, появились ночью от пряжки незнакомца или рукояти меча.

Она достала полоску шёлка из кармана.

При дневном свете серо-голубой оттенок казался почти серебристым. Ткань была узкой, шириной примерно в два пальца и длиной чуть меньше ладони. По одному краю шёл тонкий ряд проколов, слишком ровных, чтобы быть случайными. Ливия сначала решила, что это след старого шва, но быстро поняла ошибку. Проколы образовывали последовательность: два близко друг к другу, один отдельно, затем снова два, затем длинный промежуток и три почти соединённых отверстия.

Не украшение.

Не след подкладки.

Знаки.

Она развернула ткань полностью.

Внутри действительно ничего не было. Никакой бумаги. Никаких букв. Но по сгибу проходила тонкая полоса более тёмной нити, пришитая так аккуратно, что ночью Ливия приняла её за край ткани. Теперь рисунок становился заметнее. Нить образовывала короткие петли и узелки, расположенные на разном расстоянии друг от друга. Некоторые были совсем маленькими. Другие выступали сильнее. В одном месте к серой нити добавлялась почти незаметная красная.

Ливия провела по ним ногтем.

Она знала десятки способов закрепить ткань, скрыть край, соединить слои так, чтобы шов не бросался в глаза. Знала узлы, которыми пользовались местные мастерицы, венецианские торговцы, люди из дальних городов и даже моряки, иногда приносявшие в лавки грубые, но удивительно прочные образцы работы. Этот ряд не походил ни на один обычный шов. Он был слишком сложным для ремонта и слишком небрежным для украшения.

Кто-то намеренно записал сообщение без чернил.

Ливия почувствовала холод, хотя в комнате было тепло.

Незнакомец оставил ткань не случайно. Не забыл. Не перепутал. Он спрятал её в подкладке именно потому, что знал: человек, привыкший работать с шёлком, заметит чужие стежки. Возможно, рассчитывал, что Ливия поймёт узор. Возможно, использовал её дом только как временный тайник и собирался вернуться за полоской позднее. Но зачем тогда оставил золотую монету? Плата за риск? Попытка купить молчание? Знак того, что она не должна задавать вопросов?

Ливия перевернула полоску.

На обороте, возле самого края, темнело крошечное пятно. Не кровь. Не грязь. Скорее след воска или краски, почти стёртый от прикосновения пальцев. Внутри пятна угадывалась форма, слишком маленькая, чтобы рассмотреть без усилия: несколько линий, расходящихся от центра, и короткая дуга.

Что-то знакомое.

Ливия видела этот знак раньше.

Не вчера. Не на тканях Катерины Торнабуони. Гораздо раньше, в старых книгах Марко, которые рассматривала ночью при тусклом свете лампы. Возле имени Белланди на полях был нарисован маленький ключ. Рядом с другими записями встречались круги, ветви и короткие линии. Один из знаков напоминал именно этот: несколько расходящихся лучей, соединённых дугой.

Она подошла к двери, прислушалась и вышла в коридор. Внизу слышались голоса девушек, звон посуды и раздражённое замечание Марты о том, что хлеб не следует крошить прямо над чистой тканью. Никто не поднимался.

Ливия быстро прошла в кладовую, достала из-под белья книгу Марко и раскрыла на странице, которую рассматривала ночью.

Имя Белланди оставалось на месте.

Маленький ключ рядом с ним тоже.

Она перевернула несколько листов. Заказы, суммы, имена, непонятные отметки. Затем нашла знакомый знак. Круг, несколько линий и дуга. Марко нарисовал его возле заказа на отделку мужского плаща, выполненного почти три года назад. Имя клиента Ливия не помнила. Под ним стояла сумма, дата и короткая пометка: «передано через С.».

На следующей странице знак повторялся возле свадебного покрывала.

Ещё через несколько листов — рядом с двумя отрезами зелёного шёлка.

Ливия сидела на полу, держа полоску ткани и книгу мужа, и чувствовала, как простая ночь постепенно превращается во что-то гораздо более тяжёлое. Незнакомец мог не знать о

Марко. Мог случайно забраться именно в её окно. Мог оставить шёлк только потому, что боялся обыска. Но знак связывал его свёрток с делами, которые покойный муж скрывал годами.

Слишком много совпадений.

Марта была права.

Совпадения становились опасными, когда их накапливалось слишком много.

Ливия закрыла книгу и спрятала обратно. Полоску шёлка сложила вчетверо и убрала во внутренний карман платья. Она не собиралась показывать её Марте сразу. Не потому, что не доверяла старшей мастерице. Но ночью Марта побледнела при одном упоминании старых книг. Утром задавала слишком точные вопросы. До разговора после работы Ливия хотела понять хотя бы часть происходящего сама.

Когда она спустилась вниз, девушки уже вернулись к столам. Лучия сидела у окна и перебирала нити, прищуриваясь, чтобы различить оттенки. Марта стояла у большого стола, разложив перед собой список необходимых материалов.

— Нашла книгу? — спросила она.

— Да.

— И?

— Счета хуже не стали.

— Это хорошая новость.

— Относительно.

Ливия вернулась на своё место и взяла иглу. Работать оказалось труднее, чем утром. В кармане лежала полоска шёлка, напоминающая о себе при каждом движении. Нити на столе уже не выглядели простыми материалами. Каждый узел мог оказаться знаком. Каждый край подкладки — тайником. Каждый заказ — способом передать то, что не следовало записывать на бумаге.

Она подумала о Марко.

Сколько раз он сидел за этим же столом, улыбался, жаловался на поставщиков и делал вид, что ничем не обеспокоен? Сколько тканей проходило через мастерскую с письмами, знаками или неизвестными свёртками внутри? Знал ли он, во что втягивает Ливию, Марту, Лучию и девушек? Или убеждал себя, что это всего лишь ещё один способ заработать, ещё одна временная неприятность, ещё одна сделка, которую можно закончить без последствий?

Ей хотелось злиться на него.

Это было проще, чем признавать: человек, с которым она прожила несколько лет, мог умереть, не успев объяснить самое важное.

После обеда пришёл посыльный от Белланди.

Ему было не больше пятнадцати. Худой, серьёзный, с мокрыми от тумана волосами и слишком большим плащом, который, вероятно, прежде принадлежал взрослому мужчине. Он остановился у двери, снял шапку и поклонился.

— Мадонна Бенчи?

— Да.

— Сер Джироламо просил передать вам это.

Мальчик протянул небольшой свёрток, завернутый в простую бумагу.

Ливия не взяла сразу.

— Что внутри?

— Не знаю.

— Он велел что-нибудь сказать?

— Только пожелал доброго дня и попросил не откладывать.

Марта подняла голову от работы. Лучия тоже перестала перебирать нити.

Ливия приняла свёрток.

Он был лёгким.

— Ответа не будет, — сказала она.

— Сер Джироламо не просил ответа.

Мальчик снова поклонился и ушёл.

Несколько секунд никто не говорил.

— Откроешь? — спросила Лучия.

— Позднее.

— Почему?

— Потому что сейчас у меня заняты руки.

Лучия посмотрела на иглу, лежащую на столе, но спорить не стала.

Ливия положила свёрток рядом с собой и продолжила работу. Бумага оставалась в поле зрения, раздражая самой простотой. Белланди не прислал письмо с печатью. Не потребовал встречи. Не назвал причину. Передал вещь через мальчика и пожелал доброго дня, словно речь шла о забытом счёте или образце ткани.

Только когда девушки снова углубились в работу, Ливия развернула бумагу под столом.

Внутри лежала новая игла.

Такая же тонкая и дорогая, как вчерашняя.

Но на этот раз без крови.

К игле была привязана короткая полоска льна с аккуратно написанными словами:

«Молчание сохраняет дом лучше крепкого засова».

Ливия прочитала один раз.

Затем второй.

Буквы были выведены ровно, без спешки. Не рукой Белланди — его почерк она видела на долговых расписках. Возможно, писал помощник. Возможно, человек, который хотел, чтобы сообщение нельзя было связать с отправителем. Но смысл не допускал ошибки.

Кто-то знал о ночи.

Не обязательно всё. Не обязательно о незнакомце в спальне. Но достаточно, чтобы предупредить.

Ливия сложила записку и убрала вместе с иглой во внутренний карман платья, рядом с серо-голубым шёлком.

— Что там? — тихо спросила Марта.

Она стояла рядом. Ливия не заметила, когда старшая мастерица подошла.

— Ничего важного.

Марта посмотрела ей в глаза.

— Ливия.

— После работы.

Несколько мгновений они молчали.

Затем Марта кивнула и вернулась к своему месту.

До вечера оставалось несколько часов. Иглы снова входили в ткань и выходили наружу. Девушки переговаривались, Лучия время от времени смеялась, улица за окном шумела обычной жизнью. Никто не замечал, что в мастерской изменилось что-то важное.

Только Ливия теперь понимала: незнакомец оставил на столе не просто золотую монету.

Он оставил ей выбор.

Можно было взять деньги, забыть о чужом шёлке и делать вид, что ночь закончилась вместе с дождём. Можно было послушаться Белланди, сохранить старые книги Марко запёртыми в сундуке и не пытаться узнать, почему человек с окровавленной иглой считает её дом подходящим местом для предупреждений.

Это был самый разумный путь.

Ливия всегда гордилась тем, что умеет быть разумной.

Она опустила взгляд на светлую ткань перед собой, сделала ещё один ровный стежок и почувствовала в кармане сложенную полоску шёлка.

Затем поняла, что вечером всё равно распорёт её до конца.

Глава 4. Письмо в подкладке

Вечером девушки уходили из мастерской медленнее обычного. Хороший заказ всегда действовал на них одинаково: утомлял сильнее мелкой работы, но одновременно не позволял торопиться домой, словно каждая хотела задержаться ещё на несколько минут рядом с тканями, которые однажды окажутся в богатом доме и будут разложены перед чужими глазами как доказательство вкуса, достатка и удачного брака. Нера долго собирала обрезки золотой нити, хотя самые короткие из них едва лигодились бы даже для небольшого листка в узоре. Джулия дважды пересчитала иглы и всё равно вернулась к столу, чтобы проверить, не оставила ли одну возле окна. Лучия сложила несколько подготовленных отрезков, расправляя каждую складку с чрезмерной тщательностью, и только Марта двигалась быстро, почти сердито, будто привычный порядок вещей раздражал её именно потому, что позволял остальным притворяться: ничего необычного не происходит.

Ливия не подгоняла никого. Она сидела у большого стола, проверяла записи в счётной книге и старалась не касаться внутреннего кармана платья. Там лежали две вещи, вес которых был ничтожен, а присутствие ощущалось сильнее тяжёлого кошелька: узкая полоска сероголубого шёлка с непонятными узелками и игла, присланная днём вместе с запиской о молчании. Каждый раз, когда Ливия наклонялась над страницей или тянулась за пером, ткань слегка шевелилась, будто напоминала о себе. Ей хотелось подняться наверх немедленно, запереться в кладовой и рассмотреть шёлк при хорошем свете. Но столь же сильным было другое желание: прожить хотя бы несколько часов так, словно день действительно состоял только из работы, счетов и разговоров о свадебном покрывале.

— Я задержусь завтра, — сказала Джулия, накидывая плащ. — Чтобы возместить сегодняшнее утро.

— Задержишься в любом случае, — отозвалась Марта. — До тех пор, пока край на зелёной ткани не перестанет походить на дорогу после дождя.

Джулия виновато улыбнулась.

— Он не настолько плох.

— Настолько. Но это можно исправить.

— Я исправлю.

— Именно это я и сказала.

Нера тихо рассмеялась и тут же прикрыла рот ладонью, словно опасалась, что Марта сочтёт веселье новой разновидностью небрежности. Лучия помогла младшим девушкам открыть дверь. С улицы потянуло прохладой, сырой землёй и дымом от очагов. Дождь закончился ещё ночью, но камни не успели высохнуть, а вечерний воздух сохранял тяжёлую влажность. Возле лавки напротив торговец кожей убирал стойку с ремнями, по мостовой медленно прошла женщина с корзиной, прикрытой тканью, из соседнего дома донёсся громкий голос хозяина, требующего закрыть ставни до наступления темноты.

— Завтра раньше обычного, — напомнила Ливия. — Рисовальщик пришлёт образцы после утренней мессы. До этого времени нужно подготовить расчёты.

Девушки согласно закивали и вышли. Их голоса ещё некоторое время звучали возле двери, затем растворились в шуме улицы.

Марта закрыла створку, задвинула засов и повернулась к Ливии.

— Теперь рассказывай.

Лучия, уже собиравшаяся идти на кухню, остановилась.

— Что рассказывать?

— Ничего, что касается тебя, — ответила Марта.

— Если что-то происходит в нашем доме, это касается и меня.

— Именно поэтому лучше, чтобы ты пока приготовила ужин.

Лучия подняла брови и посмотрела на Ливию, ожидая поддержки. Несколько секунд Ливия колебалась. Ей не хотелось лгать сестре снова. Чем дольше продолжалось молчание, тем неприятнее становилась мысль о том, что Лучия живёт в доме, возле которого ходят вооружённые люди, не понимая даже характера опасности. Но показать ей полоску шёлка и записку означало втянуть в историю окончательно. Слова нельзя было забрать обратно так же легко, как спрятать ткань в карман.

— Поставь воду на огонь, — сказала Ливия. — Я приду через несколько минут.

Разочарование в лице Лучии оказалось почти детским.

— Значит, Марта права. Вы действительно что-то скрываете.

— Мы хотим сначала понять, что именно происходит.

— А потом решите, достаточно ли я взрослая, чтобы узнать?

— Потом решим, есть ли вообще что рассказывать.

Сестра поджала губы.

— Удобно.

Она ушла в заднюю часть дома, не хлопнув дверью только потому, что с детства считала хлопанье дверьми признаком дурного воспитания. Марта проводила её взглядом и тихо выдохнула.

— Она не простит тебе, если узнает последней.

— Если всё закончится ничем, прощать будет нечего.

— Ты сама не веришь, что закончится ничем.

Ливия закрыла счётную книгу.

— Нет.

Она достала из кармана льняную полоску с запиской и положила на стол. Рядом опустила иглу. При вечернем свете металл холодно блеснул.

Марта прочитала слова один раз, затем второй. Лицо почти не изменилось, но пальцы, лежавшие на краю стола, напряглись.

— Кто принёс?

— Мальчик. Сказал, что от Белланди.

— Он назвал Белланди прямо?

— Да.

— Значит, Джироламо не считает нужным скрываться.

— Или хочет, чтобы я думала именно так.

Марта подняла взгляд.

— Он и раньше присылал тебе что-нибудь подобное?

— Иглы без крови? Нет.

— Без крови?

Ливия подошла к ящику под счётной доской, открыла его и достала вчерашний свёрток. Она не разворачивала ткань полностью с тех пор, как спрятала её. Теперь положила рядом со второй иглой. На тонком острие всё ещё оставался тёмный след.

Марта побледнела сильнее, чем утром.

— Это было у двери?

— После ухода Белланди.

— Почему ты не сказала сразу?

— Потому что не знала, что сказать. Возможно, это была глупая угроза. Возможно, попытка напугать. Возможно, вещь вообще не связана с ним.

— А ночью?

Ливия посмотрела на старшую мастерицу.

— Что ночью?

— Ткань не распоролась сама. И люди не обыскивали двор без причины.

Несколько мгновений Ливия молчала. Слова уже почти поднялись к горлу, но остановились. Рассказать о незнакомце означало довериться Марте полностью. До вчерашнего дня это казалось естественным. Марта работала рядом много лет, знала мастерскую лучше любого человека, пережила смерть Марко почти как потерю родственника и защищала Ливию перед поставщиками, когда те ещё надеялись обращаться с молодой вдовой как с временной хозяйкой. Но теперь в памяти слишком ясно возникло её лицо при упоминании старых книг. Марта знала что-то о последних делах Марко. Возможно, немного. Возможно, больше, чем признавалась.

— Я услышала шум во дворе, — сказала Ливия. — Потом заметила на ткани чужой шов.

Это не было прямой ложью. Именно поэтому произносить слова оказалось ещё неприятнее.

Марта смотрела внимательно.

— Только это?

— Пока достаточно и этого.

— Значит, мне ты тоже не доверяешь.

— Я не знаю, кому могу доверять.

Старшая мастерица отвернулась. Несколько секунд она стояла у стола, разглядывая тёмное окно, в котором уже начинало отражаться внутреннее помещение. Затем медленно кивнула.

— Разумно.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Хотела бы — сказала бы прямо. Ты умеешь. — Марта коснулась записки кончиком пальца. — И всё же запомни одну вещь. Если опасность связана с тем, чем занимался Марко перед смертью, она не исчезнет только потому, что ты решишь справиться без посторонней помощи.

— Расскажи, чем он занимался.

— Я не знаю точно.

— Тогда расскажи то, что знаешь.

Марта сняла со спинки стула шерстяную накидку, но не надела. Вместо этого сжала ткань в руках, словно искала привычное движение, которое позволит говорить легче.

— Дела шли плохо задолго до его болезни. Ты знала о долгах, но не обо всех. Марко пытался скрыть положение мастерской, потому что верил: ещё одна выгодная сделка всё исправит. Такие люди всегда верят в последнюю сделку. Если удастся переждать месяц, найти нового заказчика, договориться с поставщиком, получить отсрочку — дальше станет легче. Но легче не становилось.

— Это я знаю.

— Белланди начал приносить заказы, которые оплачивались слишком хорошо для обычной работы. Иногда просил закончить отделку за один вечер. Иногда привозил ткань уже подготовленной и запрещал менять внутренний слой, хотя проще было бы заменить его полностью. Иногда требовал отдать свёрток определённому человеку, даже если заказ формально принадлежал другому дому.

— Ты не спрашивала почему?

— Спрашивала. Марко отвечал, что богатые люди любят странные правила. И что лучше взять деньги, чем спорить.

— Ты верила?

— Вначале — да. Заказы богатых действительно бывают нелепыми. Однажды мадонна Сальвиати заставила нас трижды переделать край покрывала, потому что ей приснился иной

оттенок зелёного. Почему я должна была удивляться тому, что какой-то купец не хочет менять подкладку или требует передать ткань через определённого слугу?

Ливия провела пальцами по записке.

— А потом?

— Потом Марко стал нервничать. Запирался наверху с книгами, хотя раньше оставлял счета где попало. Несколько раз сам ездил отдавать готовые вещи и не позволял никому сопровождать. Однажды вернулся поздно ночью с разбитой губой. Сказал, что поскользнулся возле моста.

— И ты поверила?

— Нет. Но он не хотел говорить.

— Почему ты ничего не сказала мне?

Марта посмотрела прямо.

— Потому что он просил.

Ответ ударил сильнее, чем Ливия ожидала.

— Он был моим мужем.

— И хозяином мастерской.

— Ты решила, что обязана хранить его тайны от меня?

— Я решила, что он сам расскажет, когда будет готов. А потом заболел.

— Он болел несколько недель.

— Да.

— У тебя было время.

Марта опустила глаза.

— Было.

Ливия отвернулась. В комнате стало тесно. Ткани, сложенные у стены, столы, сундуки, полки с нитями — всё оставалось на привычных местах, но теперь каждый предмет напоминал о годах, в течение которых рядом существовала другая мастерская, скрытая внутри известной ей. По тем же столам проходили ткани с неизвестными тайниками. Те же двери открывались для людей Белланди. Марко возвращался поздно, говорил о поставщиках, жаловался на усталость и ложился рядом, храня в голове вещи, о которых не считал нужным рассказать жене.

— Перед смертью он пытался что-то сказать, — произнесла Ливия. — Просил проверить книги.

— Знаю.

— Откуда?

— Он говорил и со мной.

Ливия резко повернулась.

— Что именно?

— Что в книгах достаточно, чтобы понять, если старые дела однажды вернутся. Я спросила, какие дела. Он ответил, что, возможно, никакие. Что всё закончилось. Что бумаги следует оставить в покое, если никто не станет искать.

— А теперь ищут.

— Да.

— Белланди?

— Вероятно.

— Ты уверена, что только он?

Марта посмотрела на иглу с засохшей кровью.

— Нет.

Из кухни донёсся звон крышки, затем громкий стук деревянной ложки о край котла. Лучия явно хотела напомнить, что ужин не готовит себя сам и что разговор затянулся дольше обещанных нескольких минут.

Ливия достала серо-голубой шёлк.

— Это было в подкладке.

Марта протянула руку, но остановилась прежде, чем прикоснуться.

— Что это?

— Не знаю. Чужой шов появился ночью. Внутри лежала эта полоска. Я думала, что это просто обрезаек. Но на ней знаки.

Она развернула ткань. Вечерний свет уже слабел, поэтому Ливия зажгла вторую свечу и поднесла ближе. Узелки, петли и едва заметные проколы стали отчётливее. Марта наклонилась над столом.

— Видела такое раньше? — спросила Ливия.

— Нет.

— Марко мог использовать швы вместо письма?

— Я не знаю.

— Ты говоришь это слишком часто.

— Потому что это правда.

Ливия разгладила ткань. Днём она успела рассмотреть только наружный ряд узелков и маленький знак, похожий на отметки в книге Марко. Теперь, при свете двух свечей и без необходимости скрываться от любопытных взглядов, полоска раскрывала новые детали. Нить проходила не вдоль края, как казалось сначала. В нескольких местах она исчезала внутри сгиба и появлялась снова. Кто-то намеренно сложил шёлк вдвое, прошил оба слоя, а затем закрепил конец почти незаметным узлом.

— Это не всё, — сказала Ливия.

— Что?

— Внутри что-то есть.

Она взяла тонкие ножницы, осторожно поддела край и перерезала одну из нитей. Марта сразу положила ладонь поверх её руки.

— Подожди.

— Зачем?

— Если письмо спрятали так тщательно, возможно, лучше не открывать.

— Именно поэтому его нужно открыть.

— Ливия.

— Вчера я тоже могла оставить книги в сундуке. Сегодня могла выбросить иглу. Завтра, вероятно, мне предложат забыть собственное имя, если оно покажется кому-то неудобным. Я не стану ждать, пока люди, которые знают о моём доме больше меня самой, решат, сколько правды мне дозволено выдержать.

Марта убрала руку.

Ливия распорол шов медленно, стараясь не повредить внутренний слой. Нить сопротивлялась сильнее, чем ожидалось. Тот, кто спрятал послание, умел работать лучше, чем мужчина, торопливо зашивавший подкладку в её спальне. Наружные стежки были частью маскировки. Под ними находился второй шов, аккуратный и почти невидимый. Ливия разъединила два слоя шёлка и достала тонкий клочок бумаги, свёрнутый так плотно, что он напоминал сухой стебель.

Марта тихо выдохнула.

— Всё-таки письмо.

Ливия развернула бумагу.

Текст занимал почти всю поверхность. Однако назвать его текстом можно было только условно. Вместо обычных слов на бумаге стояли ряды знаков: маленькие круги, кресты, ветви, углы, короткие вертикальные линии, точки и изображения, похожие на ключи. Некоторые повторялись. Другие встречались один раз. В двух местах знаки были соединены тонкой

чертой, словно автор хотел показать связь между ними. Внизу располагалась едва заметная отметка, сделанная тёмно-красным воском.

Ливия придвинула свечу.

— Ты можешь прочесть? — спросила Марта.

— Нет.

— Это шифр?

— Вероятно.

Она перевернула бумагу. На обороте ничего не было.

Марта взяла записку осторожно, за самый край, и несколько секунд рассматривала. Затем покачала головой.

— Я не понимаю ни одного знака.

— Некоторые есть в книгах Марко.

Ливия подняла полоску ткани и показала маленькое пятно возле края.

— Этот я видела возле заказов.

— Какой?

— Похожий на несколько лучей под дугой.

Марта нахмурилась.

— Возможно, знак склада.

— Или человека.

— Или дома.

Ливия снова посмотрела на бумагу. Один из символов повторялся чаще остальных: небольшой круг, пересечённый двумя косыми линиями. Рядом в нескольких местах стоял ключ. В нижней части письма находился знак, похожий на раскрытую ладонь или стилизованный цветок. Некоторые обозначения казались ей смутно знакомыми, словно она видела их не только в записях Марко, но и на коробках, печатях или тюках ткани, проходивших через мастерскую.

— Подожди, — сказала она.

Она взяла свечу и подошла к полке, где хранились старые ленты, коробки с редкими нитями и несколько образцов тканей, оставленных поставщиками. На нижней полке стояла небольшая деревянная шкатулка. Ливия достала её, сдула пыль и открыла крышку.

Внутри лежали кусочки картона, к которым были прикреплены нити разных оттенков, небольшие ярлыки и обрезки тканей. Марко собирал их годами. Иногда на ярлыке оставалось имя поставщика. Иногда только знак торгового дома, который позволял понять происхождение товара без длинных объяснений.

Ливия перебрала несколько карточек.

— Что ты ищешь? — спросила Марта.

— Видела этот символ раньше.

Пальцы остановились на старом ярлыке, пришитом к образцу тёмно-зелёного бархата. Ткань уже потеряла прежнюю насыщенность, но знак на картоне сохранился хорошо: небольшой ключ, вписанный в круг, и две короткие линии возле основания.

Ливия положила ярлык рядом с письмом.

Совпадение не было полным. На бумаге символ выглядел проще, словно человек торопился или сознательно сократил его до нескольких узнаваемых черт. Но сомнений почти не осталось.

— Белланди, — сказала она.

Марта закрыла глаза на короткое мгновение.

— Его торговый дом.

— Ты узнала?

— Да.

Ливия провела пальцем по ярлыку.

— Почему знак его дома находится в письме, спрятанном ночью в моей мастерской?

— Возможно, письмо о нём.

— Или для него.

— Или от него.

Они посмотрели друг на друга.

Вариантов было слишком много. Ни один не успокаивал.

— Мужчина, которого искали ночью, — сказала Марта медленно. — Он оставил это?

Ливия поняла, что дальше скрывать бессмысленно. Не потому, что доверие восстановилось полностью. Просто ложь становилась сложнее правды и могла помешать увидеть то, что Марта знала из прошлого.

— Он забрался в окно моей спальни.

Старшая мастерица несколько секунд не двигалась.

— Что?

— Был ранен. Люди во дворе шли за ним. Вентури и остальные искали именно его.

— Ты спрятала незнакомого мужчину в доме?

— Если бы его нашли в моём окне, они всё равно вошли бы. Вместе с соседями, сторожем и половиной улицы.

— Ты могла позвать на помощь.

— Кого? Тех, от кого он прятался?

— Меня.

— Ты была дома.

— Лучию.

— Чтобы она тоже оказалась рядом с вооружённым человеком?

— Он мог тебя убить.

— Но не убил.

Марта отвернулась и несколько раз прошла вдоль стола. Её шаги звучали тяжело.

— Как он выглядел?

— Высокий. Тёмные волосы. Хорошая одежда. Меч, кинжал. Рана возле бока и кровь у виска.

— Назвал имя?

— Нет.

— Сказал, почему его преследуют?

— Нет.

— Ты позволила ему сидеть в своей спальне всю ночь и ничего не выяснила?

— Я была занята тем, что не позволяла ему истечь кровью на пол и старалась не впускать людей Вентури.

Марта остановилась.

— Ты перевязала его?

— Пришлось.

— Господи.

— Он ушёл до рассвета. Оставил монету и эту ткань.

— Монету?

Ливия кивнула.

— Где она?

— Наверху. Верну при первой возможности.

В глазах Марты впервые за весь вечер появилось что-то похожее на неверие.

— Ты не знаешь его имени, но собираешься вернуть деньги?

— Если он сумел забраться в моё окно один раз, вероятно, знает дорогу обратно.

— Надеюсь, ты не говоришь серьёзно.

— Совершенно серьёзно.

— А если он не вернётся?

— Тогда монета останется лежать там, где лежит.

Марта прижала ладонь ко лбу.

— Ты иногда ведёшь себя так, будто упрямство способно остановить нож.

— Нет. Но оно помогает не принимать золото от людей, которые считают, что могут купить моё молчание.

— Возможно, он просто хотел поблагодарить.

— Можно благодарить словами.

— Возможно, слова для него стоят дешевле денег.

— Тем более не желаю их слышать.

Несколько секунд Марта смотрела на неё, затем неожиданно усмехнулась. Смех получился коротким и усталым.

— Бедный человек.

— Почему бедный?

— Пока не знает, к кому попал.

— Мне его не жаль.

— Я и не говорила, что тебе должно быть жаль.

Ливия снова опустила взгляд на письмо.

— Он спрятал полоску грубо. Вероятно, торопился. Но само послание подготовил не он. Внутренний шов сделан умело. Значит, ткань передали ему уже с письмом.

— И он решил оставить её у тебя.

— На несколько часов. Возможно, рассчитывал забрать позже.

— Но не забрал.

— Или оставил намеренно.

— Почему?

— Не знаю.

Марта подошла ближе.

— Может быть, потому что понял: преследователи вернутся и обыщут его. Может быть, не хотел держать письмо при себе. А может быть, ты оказалась удобным тайником.

— Очень лестно.

— Тайники не обязаны получать удовольствие.

Ливия осторожно сложила бумагу.

— Этот знак Белланди должен что-то означать.

— Да.

— Марко мог бы прочитать письмо?

— Возможно.

— Ты уверена, что не знаешь ключа?

— Если бы знала, сказала бы.

Ливия посмотрела внимательно.

— Теперь?

— И раньше, если бы поняла, что дело дошло до людей под окнами. Я многое скрyla по глупости, Ливия. Но не настолько много, как ты думаешь.

В голосе Марты прозвучало раздражение, однако под ним слышалась настоящая усталость. Ливия кивнула. Не как знак полного доверия, а как признание: дальше спорить сейчас бессмысленно.

— Записку нужно спрятать, — сказала Марта.

— Сначала я сравню знаки с книгами Марко.

— Не здесь.

— Разумеется.

— И не сегодня ночью в одиночку.

Ливия подняла брови.

— Ты собираешься караулить возле сундука?

— Если понадобится.

— Лучия решит, что мы обе сошли с ума.

— Возможно, это безопаснее правды.

Из кухни снова донёсся нарочито громкий стук.

— Ужин, — сказала Ливия. — Иначе Лучия придёт сама.

Она завернула письмо в серо-голубой шёлк и спрятала во внутренний карман платья. Иглы и записку от Белланди убрала обратно в ящик под счётной доской, закрыла ключом и проверила замок дважды. Затем они с Мартой прошли на кухню.

Лучия сидела за столом, подперев подбородок ладонью. Перед ней стояла миска с похлёбкой, от которой поднимался пар. На лице сохранялось выражение демонстративного терпения.

— Вы говорили дольше нескольких минут.

— Марта умеет превращать любой разговор в наставление, — сказала Ливия.

— А Ливия умеет не слушать, — добавила Марта.

Лучия посмотрела на них с подозрением.

— Вы всё-таки обсуждали книги Марко?

— Да, — ответила Ливия.

— И?

— В них есть старые записи, которые придётся разобрать.

— Опасные?

Вопрос прозвучал слишком прямо.

Ливия села напротив сестры.

— Пока непонятные.

— Это не одно и то же.

— Нет.

Лучия перевела взгляд на Марту.

— А ты знаешь больше?

— Я знаю, что еда остывает, если продолжать задавать вопросы вместо того, чтобы держать ложку.

— Значит, знаешь.

— Значит, похлёбка остывает.

Лучия вздохнула, но взяла ложку. Несколько минут они ели молча. Ливия почти не чувствовала вкуса. Письмо лежало возле груди, скрытое под тканью платья. Казалось невероятным, что такой маленький клочок бумаги способен изменить всю комнату. Обычный ужин превратился в представление, где каждая фраза скрывала второе значение, а молчание требовало постоянного внимания.

Ночью Марта осталась в доме.

Она объяснила это тем, что возвращаться поздно по мокрым улицам неразумно, а утром всё равно придётся прийти раньше обычного. Лучия удивилась, но не стала спорить. Для Марты постелили в маленькой комнате возле лестницы, прежде использовавшейся для хранения нитей и инструментов. Дверь спальни Ливия заперла изнутри впервые за много месяцев.

Уснуть не удалось.

Она сидела за небольшим столом возле окна, прикрыв ставни, и рассматривала письмо при свете лампы. Рядом лежала книга Марко. Страницы пахли пылью, старой кожей и време-

нем. Почерк мужа, неровный и торопливый, снова причинял ту тупую боль, которую Ливия предпочла бы считать давно пережитой.

Знаки повторялись.

Не все. Некоторые символы из письма не встречались в книге ни разу. Другие возникали возле разных заказов, фамилий и дат. Ключ почти всегда сопровождал имя Белланди или вещи, пришедшие через его склад. Круг с двумя косыми линиями стоял рядом с несколькими именами, часть которых Ливия знала: небогатый торговец шерстью, слуга из дома Строцци, поставщик из Прато. Знак, похожий на раскрытую ладонь, появлялся только дважды. Оба раза рядом с заказами, переданными через людей Пацци.

Ливия переписывала обозначения на отдельный лист и раскладывала рядом. Работа напоминала вышивку, только вместо узора перед ней постепенно возникала сеть. Пока слишком сложная и непонятная. Одни нити обрывались. Другие уходили за пределы того, что она могла увидеть. Но уже становилось ясно: книги Марко были не просто счётами. Он использовал обычные заказы как способ записывать движение неизвестных вещей между домами, складами и людьми.

Писем?

Денег?

Сообщений?

Ливия не знала.

Около полуночи тихо постучали.

Она вздрогнула и быстро накрыла бумаги куском ткани.

— Кто?

— Я, — ответила Марта.

Ливия открыла дверь.

Старшая мастерица вошла с подсвечником. Волосы она распустила, на плечи накинула старую шаль. Без привычно закатанных рукавов и строгого выражения лица Марта выглядела старше.

— Я знала, что ты не слушаешь, — сказала она.

— Ты пришла остановить?

— Нет. Помочь.

Она села рядом и посмотрела на разложенные листы.

— Нашла что-нибудь?

— Знаки повторяются. Ключ связан с Белланди. Этот — вероятно, с Пацци. Остальные пока не понимаю.

Марта провела пальцем возле одного из символов.

— Здесь имя поставщика из Прато.

— Ты его помнишь?

— Уголино. Маленький человек с неприятным голосом. Привозил ткань несколько лет назад. Один раз поссорился с Марко из-за оплаты, потом вдруг перестал требовать деньги.

— Почему?

— Не знаю.

— В книге возле его имени тот же знак, что в письме.

— Значит, он тоже был частью этой игры.

— Или использовался вслепую.

Марта посмотрела на неё.

— Как мастерская?

Ливия молчала.

Слова неприятно точно совпали с её мыслями. Марко мог понимать, что делает. Мог получать плату за передачу посланий. Но девушки, Марта, Лучия и сама Ливия занимались

тканями, не зная, что несут внутри. Любой свёрток, отданный слуге или доставленный заказчику, мог содержать неизвестную записку. Мастерская становилась частью чужой сети без согласия людей, которые работали в ней каждый день.

— Да, — сказала Ливия. — Как мастерская.

— Не думаю, что Марко хотел причинить вред.

— Он редко хотел. Это не мешало вреду происходить.

— Ты злишься.

— А ты нет?

Марта долго молчала.

— Я злилась на него, когда он был жив. Потом стало поздно.

— Для меня тоже поздно?

— Нет. Но ты не сможешь спросить его, почему он соглашался.

— Зато могу понять, на что именно.

Они сидели почти до рассвета. Полностью прочитать письмо не удалось. Но некоторые закономерности проступили яснее. Символ дома Белланди повторялся возле начала и конца нескольких строк. Знак Пацци встречался дважды. Рядом с ним находился новый символ: вытянутая фигура с тремя поперечными линиями, похожая на башню или церковную колокольню. Ещё один знак напоминал раскрытый сундук. Ливия перебрала книги Марко и нашла похожий возле старой записи о свадебном покрывале, доставленном в дом одного из дальних родственников Пацци.

— Может быть, это обозначение ткани, — предположила Марта.

— Или способа передачи.

— Или места.

— Или человека.

Чем больше они понимали, тем яснее становилось: понимания недостаточно.

Перед рассветом Ливия спрятала письмо в книге Марко между двумя страницами, не содержащими заметных знаков. Саму книгу завернула в старый плащ и убрала под бельё. Две остальные оставила в сундуке на прежнем месте. Если кто-то придёт искать, исчезновение всех книг выдаст слишком многое.

— Завтра нужно вести себя обычно, — сказала Марта.

— Сегодня.

Марта посмотрела на сереющее окно.

— Да. Сегодня.

— Лучии ничего не говорим.

— Пока нет.

— Девушкам тем более.

— Разумеется.

Ливия закрыла крышку сундука.

— А если Белланди придёт сам?

— Скажи правду. Старые книги лежат наверху, ты ещё не успела их разобрать.

— Он может потребовать отдать.

— Тогда не отдавай.

— Вчера ты советовала не спорить с ним.

— Вчера он не присылал иглу с угрозой.

Ливия кивнула.

Они спустились вниз почти одновременно с первыми колоколами. Лучия ещё спала. В доме пахло остывшим очагом, воском и сыростью. На улице начинался новый день.

Рисовальщик прислал образцы вовремя. Его молодой помощник вошёл в мастерскую вскоре после мессы, неся большую папку, перевязанную ремнями, и рулон плотной бумаги. Он

был худ, застенчив и говорил слишком быстро, словно боялся задержать мастериц одним своим присутствием. Лучия сразу оживилась, усадила его возле окна и начала рассматривать рисунки. Герб Манчини выглядел сдержаннее, чем она ожидала. Герб Пацци требовал осторожности: слишком сложный орнамент мог превратить покрывало в тяжёлое нагромождение золота.

— Здесь лучше оставить больше свободного пространства, — сказала Ливия, положив ладонь на край рисунка. — Если заполнить всю ткань, узор перестанет дышать.

— Заказчики часто считают иначе, — заметил помощник.

— Поэтому сначала покажем два образца. Один — такой, какой захотят они. Другой — такой, каким покрывало должно быть.

Лучия улыбнулась.

— И какой выберут?

— Тот, который дороже, — ответила Марта из соседней комнаты.

— Марта!

— Что? Я не сказала, что это плохо.

День начинался почти мирно. Девушки распределяли работу, Нера отмеряла нити, Джулия переносила часть рисунка на пробную ткань, Лучия спорила о форме гранатовых ветвей. Ливия несколько раз ловила себя на том, что расслабляется. Ночные знаки, письмо и страницы Марко казались частью другой жизни, скрытой за обычным порядком. Если бы не тяжесть усталости и слабая боль в пальцах от слишком долгого листания бумаг, можно было бы решить, что всё приснилось.

Около полудня в дверь постучали.

Два удара. Спокойных и уверенных.

Ливия подняла голову.

Марта стояла у дальнего стола и сразу посмотрела на неё. Взгляда хватило, чтобы обе поняли: посетитель пришёл не случайно.

Лучия открыла дверь прежде, чем Ливия успела остановить.

На пороге стоял молодой человек лет двадцати семи или двадцати восьми. Он был одет скромно, но дорого: тёмно-коричневый дублет из хорошей ткани, плащ без броской отделки, чистые перчатки. Волосы аккуратно подстрижены, лицо выбрито, манеры безупречны. Он не походил ни на слугу, ни на торговца, привыкшего самостоятельно таскать тюки со склада. Скорее на человека, которому поручали вести записи, договариваться об условиях и говорить неприятные вещи таким голосом, чтобы собеседник не сразу понял: ему угрожают.

— Добрый день, — произнёс он, слегка поклонившись. — Мадонна Ливия Бенчи?

— Я, — ответила Ливия.

— Пьетро Альбицци. Я помогаю серу Джироламо Белланди в некоторых делах.

Имя ничего ей не говорило. Фамилия — наоборот. Во Флоренции существовали семейства, которые знали все, даже если не могли перечислить их представителей. Альбицци когда-то соперничали с Медичи за власть в городе. Теперь времена изменились, но имя по-прежнему звучало достаточно весомо, чтобы молодой человек не нуждался в лишних объяснениях.

— Чем могу помочь? — спросила Ливия.

— Надеюсь, мой визит не помешает работе.

— Это зависит от цели визита.

Пьетро улыбнулся едва заметно.

— Сер Джироламо высоко ценит вашу прямоту.

— Он говорил?

— Неоднократно.

— Удивительно. Обычно люди ценят прямоту значительно меньше, когда слышат её в свой адрес.

Марта кашлянула в соседней комнате, скрывая то ли смех, то ли предупреждение. Лучия замерла возле двери, явно не понимая, следует ли уйти или остаться.

— Прошу простить, если выбрал неудобное время, — сказал Пьетро. — Я пришёл по весьма простому вопросу. Сер Джироламо упоминал, что у вашего покойного супруга могли сохраниться старые бумаги, связанные с поставками ткани и несколькими давними заказами.

— Могли.

— Он хотел бы взглянуть на них.

Ливия сложила руки перед собой.

— На какие именно?

— Счета, записи о поставщиках, долговые расписки. Ничего особенного.

— Если ничего особенного, зачем они понадобились спустя два года?

— Старые дела иногда требуют порядка.

— Сер Джироламо сказал то же самое вчера.

— Значит, я повторяю просьбу, которая вам уже известна.

— Просьбу?

Пьетро выдержал взгляд спокойно.

— Разумеется.

— Хорошо. Тогда мой ответ тоже известен серу Джироламо. Я ещё не разобрала бумаги мужа.

— Когда планируете?

— Когда закончу более срочные дела.

Он посмотрел на разложенные ткани.

— Новый заказ?

— Да.

— Поздравляю. Для мастерской это хорошая новость.

— Благодарю.

— Именно поэтому я надеялся избавить вас от лишнего труда. Позвольте мне забрать старые книги. Я просмотрю их сам и верну то, что не относится к делам Белланди.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно, почти буднично.

Пьетро слегка приподнял брови.

— Простите?

— Я не отдаю бумаги мужа незнакомым людям.

— Я представился.

— Имя не превращает человека в знакомого.

— Мадонна Бенчи, сер Джироламо много лет работал с вашим супругом.

— Именно поэтому может назвать нужные записи точнее.

— К сожалению, он не помнит всех подробностей.

— Тогда бумаги едва ли настолько важны.

Молодой человек улыбнулся снова. На этот раз тепла в улыбке оказалось меньше.

— Вы рассуждаете весьма последовательно.

— Это помогает вести дело.

— И всё же позвольте объяснить. Некоторые записи могут касаться обязательств вашего супруга перед торговым домом Белланди. Если книги сохранились, разумнее передать их человеку, который способен отделить полезное от ненужного.

— Я умею читать.

— Не сомневаюсь.

— И считать.

— В этом тем более не приходится сомневаться. Но старые записи порой требуют знания обстоятельств, неизвестных человеку, не участвовавшему в сделках.

Ливия почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость. Не горячая и не шумная. Холодная, позволяющая выбирать слова осторожнее.

— Вы хотите сказать, что мой муж участвовал в делах, о которых не рассказывал мне?

— Мужчины не всегда обсуждают с супругами каждую деловую подробность.

— Удобный обычай. Особенно после смерти мужчины, когда расплачиваться за подробности приходится супруге.

Пьетро на мгновение замолчал.

— Я не хотел вас задеть.

— Тогда вам повезло. Для этого потребуется больше усилий.

Лучия опустила голову, скрывая улыбку. Марта продолжала работать, но каждое движение иглы замедлилось.

— Сер Джироламо искренне желает вам добра, — произнёс Пьетро.

— Он уже присылал пожелание доброго дня.

Ливия сказала это прежде, чем успела решить, стоит ли напоминать о записке. В глазах молодого человека мелькнуло едва заметное изменение. Не удивление. Скорее внимательность человека, получившего подтверждение: послание дошло.

— Надеюсь, оно вас успокоило, — сказал он.

— Напротив.

— Это печально.

— Некоторые слова трудно принять за любезность.

Пьетро слегка склонил голову.

— Возможно, вы истолковали их слишком серьёзно.

— Возможно.

— Тогда не стану настаивать.

Он произнёс это легко, однако не двинулся к двери.

— Мне передать серу Джироламо, что книги сохранились? — спросил он.

Ливия посмотрела прямо.

— Передайте, что бумаги моего мужа находятся в моём доме.

— Все?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

— Я не обязана отчитываться.

— Разумеется. Я лишь уточняю, не выбросили ли вы часть записей раньше. Это избавит нас от бесполезных поисков.

Нас.

Слово осталось между ними.

— Каких поисков? — спросила Ливия.

Пьетро не изменился в лице.

— В старых делах, мадонна Бенчи.

— Я слышала другое.

— Тогда виновата моя неточность.

— Вы редко бываете неточны.

— Мы знакомы всего несколько минут.

— Этого иногда достаточно.

Марта поднялась и подошла к столу, держа в руках моток тёмной нити.

— Ливия, — сказала она ровным голосом, — этот оттенок подойдёт для внутреннего края?

Вопрос был очевидной попыткой прервать разговор до того, как тот зайдёт слишком далеко. Ливия поняла и приняла помощь.

— Положи рядом с образцом. Посмотрю через минуту.

Пьетро скользнул взглядом по Марте. Возможно, узнал. Возможно, просто отметил ещё одного человека, который находился рядом и слышал слишком многое.

— Не смею задерживать вас, — сказал он. — Передам серу Джироламо, что вы пока не готовы расстаться с бумагами.

— Передайте точнее: я не намерена отдавать их.

— Даже если они помогут разобраться с долгами вашего супруга?

— Остаток долга я выплачу после выполнения заказа.

— Разумеется. Но иногда деньги — не единственная форма обязательства.

Ливия почувствовала, как комната становится тише.

Лучия больше не притворялась, что занята тканью. Нера и Джулия в соседней комнате наверняка слышали каждое слово. Марта стояла рядом, сжимая моток нити сильнее, чем требовалось.

— Назовите другую форму, — сказала Ливия.

Пьетро улыбнулся. Без насмешки, почти печально.

— Полагаю, сер Джироламо объяснит лучше меня, если сочтёт необходимым.

— Вы пришли задавать вопросы, но избегаете ответов.

— Я помощник торговца, мадонна Бенчи. Это полезное умение.

— Тогда у вас должно быть достаточно работы в другом месте.

Он поклонился.

— Благодарю за уделённое время.

Возле двери Пьетро остановился и посмотрел на разложенный светлый шёлк.

— Прекрасная ткань.

— Да.

— Для приданого мадонны Фьоретты?

Ливия не ответила сразу.

— Весь город уже знает о заказе.

— Во Флоренции хорошие новости распространяются быстро.

— А плохие?

Пьетро надел перчатки.

— Ещё быстрее.

Он вышел.

Лучия закрыла дверь и задвинула засов, хотя день был в разгаре.

Несколько секунд никто не говорил.

Нера первой нарушила тишину:

— Нам продолжать работу?

— Разумеется, — ответила Ливия.

Голос прозвучал спокойно. Почти так же спокойно, как у Пьетро.

Девушки вернулись в соседнюю комнату. Джулия что-то прошептала Нере, та ответила едва слышно. Через несколько мгновений снова защёлкали ножницы, заскользили нити, однако прежней лёгкости уже не было. Даже Лучия не задавала вопросов, пока Марта не положила моток на стол и не посмотрела на Ливию.

— Он знал о послании, — сказала старшая мастерица.

— Да.

— Значит, записка от Белланди действительно была предупреждением.

— Или проверкой.

— Проверкой чего?

— Насколько я испугалась. Сожгла ли книги. Готова ли отдать без спора. Знаю ли что-нибудь.

Марта нахмурилась.

— Ты сказала слишком много.

— Он тоже.

— Недостаточно.

— Но больше, чем собирался. Его интересуют не просто бумаги. Он спросил, сохранились ли все.

Лучия подошла ближе.

— Что происходит?

На этот раз в её голосе не было обиды. Только страх, который она ещё пыталась скрыть за раздражением.

Ливия посмотрела на сестру и поняла: дальше отступать некуда. Лучия слышала угрозу. Видела человека Белланди. Знала о ночных поисках. Продолжать убеждать её, что всё сводится к старым счетам, означало не защиту, а унижение.

— Марко оставил записи, — сказала Ливия. — Необычные. Возможно, связанные с делами Белланди. Я пока не понимаю, насколько они важны.

— Поэтому ночью приходили люди?

— Возможно.

— И поэтому прислали иглу?

Ливия замерла.

— Откуда ты знаешь?

Лучия отвела глаза.

— Видела свёрток в ящике утром. Не открывала. Но когда днём пришёл мальчик, ты спрятала что-то такое же.

Марта тихо выдохнула.

— Лучия.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому следовало спросить, а не заглядывать в чужие ящики.

— Это наш дом.

Ливия закрыла глаза на короткое мгновение. Сестра была права и одновременно совершенно не понимала, насколько опасным становилось право знать.

— Вчера у двери оставили иглу со следом крови, — сказала Ливия. — Сегодня Белланди прислал другую с запиской. Я не знаю, чего именно он хочет добиться.

— Книг Марко?

— Да.

— Ты отдашь?

— Нет.

Лучия побледнела.

— Почему?

— Потому что сначала должна понять, что в них находится.

— А если из-за этого люди вернутся ночью?

— Мы будем осторожнее.

— Осторожнее? — Лучия почти рассмеялась. — Каким образом? Запрём ставни крепче? Поставим возле двери ещё один засов? Ты сама сказала, что вооружённые мужчины искали кого-то во дворе.

Ливия хотела ответить, но не нашла слов, которые прозвучали бы убедительно.

Марта положила ладонь на плечо Лучии.

— Сегодня я снова останусь здесь.

— И что изменится? — спросила та. — Ты умеешь вышивать, а не драться.

— Я умею кричать громче тебя. Иногда этого достаточно.

Лучия не улыбнулась.

Ливия подошла и взяла сестру за руки.

— Послушай. Пока никто не угрожал тебе прямо. Никто не вошёл в дом. Никто не потребовал ничего силой. Белланди хочет напугать меня, чтобы я сама отдала бумаги. Если мы начнём метаться, бросим мастерскую или станем задавать вопросы каждому прохожему, он поймёт, что добился своего.

— Значит, будем просто работать?

— Да.

— Слово ничего не происходит?

— Пока — да.

Лучия смотрела несколько мгновений, затем медленно кивнула.

— Хорошо.

Но руки оставались холодными.

Оставшаяся часть дня прошла тяжело. Ливия снова и снова ловила себя на том, что смотрит в окно. Каждый мужчина, задержавшийся напротив лавки, казался наблюдателем. Каждый стук заставлял напрягаться. Дважды приходили обычные посетители: женщина, желавшая заказать отделку рукавов, и старый поставщик льна, который принёс счёт. Оба ушли, не заметив ничего необычного. Но спокойствие уже невозможно было вернуть полностью.

Ближе к вечеру Ливия поднялась наверх одна.

Она достала письмо из книги Марко, развернула на столе и снова посмотрела на знаки. Теперь рядом лежала новая мысль, которой прежде не было: Белланди не просто опасался содержимого старых книг. Он не знал точно, что сохранилось. Иначе не посылал бы помощника уточнять.

Это давало Ливии небольшое преимущество.

Слишком слабое, чтобы чувствовать себя в безопасности. Но достаточное, чтобы не отдавать бумаги немедленно.

Она провела пальцем по символу торгового дома Белланди.

В письме знак повторялся трижды.

Первый раз — в начале строки.

Второй — рядом с обозначением, похожим на сундук.

Третий — ближе к концу, возле короткой последовательности символов, среди которых Ливия узнала один из знаков Пацци.

Между ними находилась отметка, похожая на вытянутую башню.

Ливия не знала, что это означает. Не знала, кому предназначалось письмо и почему раненый незнакомец спрятал его именно здесь. Не знала, связан ли Белланди с людьми, преследовавшими мужчину, или, напротив, сам являлся целью неизвестной игры.

Но теперь понимала хотя бы одно.

Мастерская Марко никогда не была только мастерской.

И если Ливия хотела сохранить её своей, ей предстояло распутать не один неровный шов, а всю ткань чужих тайн, сотканную задолго до того, как она впервые заметила ошибку.

Глава 5. Имя незнакомца

На следующий день Флоренция решила праздновать.

Город обладал удивительным умением выбирать для торжеств именно те дни, когда человек меньше всего был готов смотреть на хоругви, слушать трубы и восхищаться тем, как солнечный свет ложится на каменные стены палаццо. Утро выдалось ясным после нескольких дождливых суток. Над крышами поднялось холодное голубое небо, воздух пах мокрым камнем, древесным дымом и свежим хлебом, а вода в уличных канавах ещё несла мелкий мусор к Арно, словно ночь не успела окончательно уйти и теперь торопливо убирала следы собственного беспорядка.

Колокола начали звонить раньше обычного. Сначала откликнулась одна церковь, затем другая, потом к ним присоединились новые голоса, и вскоре город наполнился густым металлическим гулом, который отражался от стен, проникал в открытые окна и заставлял людей говорить чуть громче, чем требовалось. На улицах появились мальчишки с лентами цветов флорентийской коммуны, торговцы выставили возле лавок лучшие ткани и посуду, а хозяин кожевенной мастерской напротив распорядился протереть вывеску, хотя никто не мог объяснить, зачем вывеске требовалась особая чистота именно сегодня.

Ливию торжество раздражало.

Она сидела у большого стола, склонившись над рисунками, доставленными помощником рисовальщика, и пыталась понять, каким образом соединить два семейных герба так, чтобы свадебное покрывало не превратилось в тяжёлую демонстрацию чужой гордости. Герб Манчини требовал спокойных линий и свободного пространства. Герб Пацци, напротив, словно стремился занять собой всю ткань. Заказчики ещё не успели высказать пожеланий, но Ливия уже представляла разговор: добавить больше золота, увеличить знаки семейства, заполнить пустоты гранатовыми ветвями, сделать край богаче, заметнее, торжественнее. Богатые люди редко верили, что пустота тоже может быть частью красоты. Они боялись свободного места так же, как боялись тишины за столом: вдруг кто-нибудь решит, что хозяину нечего показать.

— Здесь нужно оставить поле шире, — сказала Ливия, проводя пальцем по краю рисунка. — Если ветви подойдут слишком близко к гербу, всё сольётся.

Лучия, сидевшая напротив, наклонилась над бумагой.

— Но если оставить столько свободного шёлка, заказчица скажет, что мы сэкономили нить.

— Пусть скажет. Я покажу второй образец и объясню разницу.

— Она выберет тот, где золота больше.

— Вероятно.

— Тогда зачем делать первый?

Ливия подняла взгляд.

— Потому что человек должен хотя бы однажды увидеть хорошую вещь, прежде чем потребует испортить её по собственной воле.

Лучия улыбнулась.

— Марта говорит, что ты рано или поздно поссоришься с кем-нибудь достаточно влиятельным, чтобы нас выгнали из города.

— Марта преувеличивает.

— Я говорю, что нас не успеют выгнать, — отозвалась старшая мастерица из соседней комнаты. — Сначала Ливию задушат собственной меркой для ткани.

— Не самой плохой способ умереть, — заметила Ливия. — По крайней мере, мерка оплачена.

Марта появилась в дверях с мотком тёмно-красной нити в руках. Она уже собиралась ответить, но с улицы донёсся новый взрыв колокольного звона, а затем громкие голоса мальчишек, пробежавших мимо окна.

— Что сегодня происходит? — спросила Нера, выглянув из-за занавеси между комнатами.

— Вступает новый состав приоров, — ответила Марта. — И новый гонфалоньер справедливости. Половина города пойдёт смотреть, как несколько уважаемых мужчин входят во дворец, а другая половина будет продавать первой жареные каштаны и дешёвое вино.

— Медичи тоже будут? — спросила Джулия.

— Медичи бывают везде, где собирается достаточно людей, способных запомнить их присутствие.

— Говорят, сегодня появится сам Лоренцо.

Марта пожала плечами.

— Лоренцо Великолепный не спрашивает у меня, где ему появляться.

Лучия выпрямилась.

— Я хотела бы посмотреть.

— Ты уже видела приоров, — сказала Ливия.

— Но не Лоренцо Медичи.

— Он выглядит как человек.

— Неужели?

— Насколько мне известно.

— А Джулиано?

— Тоже.

— Тебе совершенно неинтересно?

Ливия отвела взгляд к рисунку.

Ещё несколько дней назад вопрос показался бы смешным. Разумеется, ей было любопытно увидеть людей, о которых говорила вся Флоренция. Даже человек, не интересовавшийся политикой, знал имена Медичи. Они не носили корон, не называли себя государями и не сидели на троне. Формально Флоренция оставалась республикой, городом цехов, советов, выборных должностей и старых свобод, которыми горожане гордились почти так же сильно, как куполом собора. Но стоило произнести имя Лоренцо Медичи, и любая беседа менялась. Люди говорили тише или, напротив, громче обычного, если хотели показать независимость. Одни благодарили семейство за мир, заказы художникам и деньги, которые поддерживали торговлю. Другие шептались о власти, не нуждавшейся в официальном названии. Почти все в конце концов признавали одно: Флоренция двигалась так, как двигалась, потому что Медичи умели незаметно положить ладонь на чашу весов.

Однако сегодня Ливия думала не о Лоренцо.

Внутренний карман платья слегка тянул ткань возле груди. Там лежала сложенная серо-голубая полоска шёлка с письмом, которое она всё ещё не могла прочесть. После ухода Пьетро Альбицци Ливия решила не оставлять записку в доме без присмотра. Книгу Марко можно было спрятать под старыми вещами. Бумаги — переложить с места на место. Но если люди Белланди действительно наблюдали за мастерской, любой тайник рано или поздно мог оказаться слишком очевидным. Письмо весило меньше нескольких нитей. Проще было держать его при себе.

Монета ночного незнакомца оставалась наверху, под сложенными платками.

Ливия вспоминала о ней чаще, чем хотела признавать. Не потому, что нуждалась в золоте. Именно это было бы легко объяснить. Монета раздражала её как незаконченный разговор. Пока она лежала в доме, незнакомец словно продолжал считать, что сумел расплатиться за кровь на полу, ложь у двери и несколько часов чужого страха. Ливия не знала его имени, но уже составила о нём мнение. Вероятно, несправедливое. Вероятно, слишком поспешное. Но

вполне достаточное для того, чтобы при первой встрече вернуть деньги и объяснить: молчание вдовы Бенчи не является товаром.

Если встреча когда-нибудь произойдёт.

— Мадонна Ливия?

Голос заставил её поднять голову.

У двери стоял мальчик из дома Торнабуони, тот самый, который два дня назад принёс коробку с тканями. Сегодня коробки не было. В руках он держал небольшой свёрнутый лист с печатью. Щёки у мальчика покраснелись после быстрой ходьбы, волосы растрепались от ветра, но сам он сохранял серьёзность человека, выполняющего важное поручение.

— Доброе утро, — сказала Ливия. — Что передала мадонна Катерина?

— Просит вас прийти до полудня. Если возможно — с первыми рисунками. Она будет в доме своей сестры возле виа Ларга и хотела бы увидеть образцы до разговора с матерью невесты.

Ливия нахмурилась.

— Мы договорились показать их через неделю.

— Мадонна Катерина просила сказать, что решение нужно принять раньше. Семья желает утвердить гербы.

Марта подошла ближе.

— Почему в доме сестры?

Мальчик смутился.

— После церемонии там будет обед. Мадонна Катерина не вернётся домой до вечера.

Виа Ларга.

Улица, на которой находился дворец Медичи.

Ливия посмотрела на рисунки. Работа ещё не была готова к обсуждению. Она планировала сделать два аккуратных образца на ткани, проверить оттенки и только затем показывать заказчице. Но Катерина Торнабуони не просила завершённую работу. Ей требовалось направление. Отказать человеку, принёсшему крупнейший заказ за два года, только потому, что улицы переполнены празднующими людьми, было бы глупо.

— Передай, что я приду, — сказала Ливия. — До полудня.

Мальчик поклонился и исчез за дверью.

Лучия мгновенно поднялась.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что здесь достаточно работы.

— Именно поэтому тебе нужен человек, который понесёт папку.

— Я способна донести несколько листов бумаги.

— Через площадь, где сегодня соберётся половина города? Тебя толкнут, рисунки упадут в грязь, и тогда мадонна Катерина увидит образцы гербов с отпечатками чужих сапог.

— Не преувеличивай.

— На улицах уже невозможно пройти.

Марта несколько секунд наблюдала за ними, затем положила моток нити на стол.

— Пусть идёт.

Ливия посмотрела на неё.

— Здесь справитесь?

— Мы не развалимся за один час. А Лучия действительно понесёт папку. Ты последнее время слишком часто пытаешься делать всё одна.

В словах скрывался смысл, понятный только им обоим. Ливия почувствовала короткое раздражение, но спорить не стала.

— Хорошо. Собери рисунки, — велела она сестре. — Возьмём только те, которые не стыдно показать.

Лучия улыбнулась так, словно только что добила приглашения на пир во дворце, а не права нести папку по мокрым улицам. Она быстро сложила листы, перевязала их лентой и накинула плащ. Ливия проверила внутренний карман платья, убедилась, что письмо лежит на месте, и направилась к двери.

Марта остановила её возле порога.

— Не задерживайся.

— Постараюсь.

— И держись подальше от людей Белланди.

— Если встречу, перейду на другую сторону улицы.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Старшая мастерица посмотрела внимательнее.

— На площади сегодня будет слишком много людей. Не все пришли смотреть на приоров.

Ливия кивнула.

После ночных визитов, угроз и вопросов Пьетро Альбицци она не нуждалась в напоминании: толпа не обязательно означала безопасность. Иногда в толпе было легче спрятаться. Иногда — легче подойти слишком близко.

Они вышли на улицу.

Флоренция действительно изменилась. Ещё утром город казался привычным: влажным, занятым, слегка раздражённым недавним дождём. Теперь пространство наполнилось цветом и движением. Над дверями лавок висели ткани, на углах торговали венками, жареными орехами и сладкими лепёшками. Из окон свешивались ковры, которые хозяева доставали только в дни церковных или городских торжеств, даже если давно перестали помнить, сколько пыли в них накопилось. Вдоль стен двигались люди: ремесленники в праздничной одежде, подмастерья, женщины с детьми, слуги богатых домов, торговцы, монахи, мальчишки, находившие способ проскользнуть между взрослыми и появиться впереди всякой процессии прежде, чем кто-либо успевал схватить их за ворот.

Лучия шла рядом, прижимая папку к груди.

— Посмотри, — сказала она, кивнув на окно второго этажа, где хозяйка развесила красную ткань с золотым краем. — Мы могли бы сделать лучше.

— Разумеется.

— Гораздо лучше.

— Тогда постарайся не говорить об этом возле окна.

— Она всё равно не услышит.

— Люди слышат именно то, что им не предназначено.

Лучия искоса посмотрела на сестру.

— Ты стала ещё осторожнее после ночи.

— Это недостаток?

— Нет. Но раньше ты хотя бы иногда смотрела по сторонам не только для того, чтобы заметить опасность.

Ливия хотела ответить, но промолчала. Сестра была права. Город вокруг действительно заслуживал внимания. После дождя камень стал темнее, и на его фоне праздничные ткани выглядели ярче. Над крышами поднимались башни, купол собора виднелся между домами огромным и почти невозможным, словно его создали не люди, а сама Флоренция решила обрести форму, достаточно величественную для собственных амбиций. Ливия видела его ежедневно, но порой всё равно останавливалась взглядом. Купол напоминал: невозможное иногда

становится частью обыденного пейзажа, если достаточно долго трудиться и достаточно дерзко представить себе результат.

Они свернули к площади Синьории.

Здесь людей оказалось ещё больше. Перед Палаццо делла Синьория уже собралась плотная толпа. У входа стояли представители цехов с хоругвями, ткань тяжело колыхалась на ветру, золото поблёскивало в солнечных лучах. Возле края площади музыканты готовили инструменты. Один барабанщик проверял натяжение кожи короткими ударами, другой ругался с мальчишкой, слишком близко подошедшим к трубам. Над всем этим шумом поднимались голоса торговцев, предлагавших горячее вино и каштаны, а на ступенях соседних домов уже размещались те, кто пришёл заранее и теперь смотрел на опоздавших с довольством людей, правильно распорядившихся временем.

Ливия остановилась.

— Через площадь не пройти.

— Можно обойти, — предложила Лучия.

— Потеряем слишком много времени.

— Тогда подождём процессию. После неё люди разойдутся.

— Люди никогда не расходятся сразу. Они начинают обсуждать увиденное и мешают пройти ещё сильнее.

Ливия улыбнулась.

— Значит, придётся посмотреть вместе со всеми.

Она явно не видела в этом никакой трагедии.

Ливия вздохнула и отступила ближе к стене. Здесь толпа была чуть реже. Возле небольшой лавки, закрытой на время церемонии, оставалось достаточно места, чтобы не опасаться за рисунки. Лучия встала впереди, стараясь разглядеть вход во дворец, а Ливия осталась чуть позади и машинально начала наблюдать за людьми.

Сначала взгляд цеплялся только за случайные лица. Старик в слишком тяжёлом плаще. Девушка, державшая ребёнка на руках и пытавшаяся одновременно поймать второго за рукав. Торговец, который спорил с покупателем даже во время колокольного звона. Два молодых человека в дорогой одежде, громко обсуждавшие лошадей и совершенно не интересовавшиеся приорами. Женщина с вуалью, стоявшая в стороне от толпы и несколько раз оглядывавшаяся через плечо.

Затем Ливия увидела человека, которого знала.

Пьетро Альбицци находился у дальнего края площади, возле группы мужчин, одетых с неброской дороговизной торговцев и нотариусов. Его лицо сохраняло привычную спокойную вежливость. Он слушал пожилого собеседника, время от времени наклонял голову и казался человеком, пришедшим посмотреть церемонию из обычного любопытства. Но в какой-то момент Пьетро поднял глаза и посмотрел прямо на Ливию.

Не удивился.

Не улыбнулся.

Просто заметил.

Ливия почувствовала, как внутри всё напряглось. Расстояние между ними было достаточно большим. Толпа двигалась, заслоняла обзор, хоругви колыхались, между Пьетро и мастерицей проходили люди. Однако он увидел её слишком быстро, словно заранее знал, где искать.

Лучия что-то сказала, но Ливия не расслышала.

— Что?

— Я спросила, ты видишь вход?

— Да.

— Говорят, сначала выйдут представители старых цехов, потом новые приоры.

— Вероятно.

— Ты вообще слушаешь?

— Слушаю.

Ливия снова посмотрела в сторону Пьетро. Теперь рядом с ним стоял другой человек — сер Джироламо Белланди.

Купец появился почти незаметно. Он носил тот же тёмный плащ, что и во время визита в мастерскую, и держался спокойно, не пытаясь занять лучшее место. Человек, не знавший его, едва ли выделил бы Белланди среди десятков состоятельных горожан. Но Ливия уже научилась замечать, как люди чуть поворачиваются, когда он подходит, как освобождают место, как снижают голос, не дожидаясь просьбы. Белланди не смотрел на неё. Он говорил с Пьетро, иногда переводя взгляд на дворец.

На короткое мгновение Ливия подумала, что могла ошибиться. Возможно, помощник заметил её случайно. Возможно, Белланди пришёл сюда по той же причине, что и половина Флоренции. Возможно, городская площадь не принадлежала ни Медичи, ни Пацци, ни торговцу шёлком, и каждый человек имел право смотреть на церемонию без тайного намерения.

Но затем Белланди едва заметно повернул голову.

Его взгляд скользнул по толпе и остановился на Ливии.

Всего на секунду.

Он поклонился так слабо, что движение можно было принять за случайный наклон головы.

Ливия не ответила.

— Вот они, — сказала Лучия.

Толпа задвигалась. Люди впереди вытянули шеи, кто-то поднял ребёнка на плечи, мальчишки попытались протиснуться ближе к ступеням. Музыканты наконец начали играть. Звук труб разрезал площадь резко и торжественно, барабаны отозвались ниже, плотнее, и в этом ритме появилось нечто, заставлявшее даже равнодушных людей замолчать хотя бы на мгновение.

Из дворца вышли городские служители. Затем представители цехов. За ними — несколько уважаемых флорентийцев, сопровождавших новых приоров. В толпе называли имена, спорили, старались увидеть лучше. Для большей части собравшихся церемония была не столько политическим событием, сколько зрелищем. Люди хотели посмотреть на дорогую одежду, на хоругви, на лица тех, кто принимал решения, и потом до вечера обсуждать, кто выглядел усталым, кто слишком гордым, кто пополнил, кто постарел, а кто не поклонился соседу достаточно низко.

Ливия смотрела внимательно.

Не на новых приоров.

Она знала, кого ищут глаза толпы ещё до того, как слышала первый шёпот:

— Лоренцо.

Слово прошло по площади почти незаметной волной.

— Лоренцо Медичи.

— Великолепный.

Он появился не впереди процессии и не в центре, где человек, стремящийся подчеркнуть власть, поставил бы себя намеренно. Лоренцо шёл среди других флорентийцев, одетый богато, но без показной роскоши. Его лицо не соответствовало тем представлениям о красоте, которые любили повторять женщины возле колодца: черты казались крупными, нос — заметным, выражение — слишком задумчивым для человека, пришедшего на праздник. Однако внимание всё равно собиралось вокруг него. Не потому, что люди заранее решили смотреть. Скорее пространство само немного перестраивалось, когда он проходил. Собеседники поворачивались к нему. Те, кто стоял рядом, словно незаметно соотносили собственный шаг с его движением.

Даже человек, не знавший имени Медичи, быстро понял бы: этот мужчина важнее должностей, которые сегодня торжественно передавали другим.

Рядом шёл Джулиано.

В нём сразу угадывалась иная сила. Если Лоренцо притягивал внимание спокойствием человека, привыкшего видеть город целиком, Джулиано казался частью самого праздника. Молодой, красивый, более открытый, он улыбался кому-то в толпе, отвечал на приветствия и выглядел так, будто Флоренция создана не для тяжёлых споров, долгов и политических расчётов, а для света, музыки, коней, стихов и ярких тканей над окнами. Возле Ливии две женщины заговорили быстрее, одна поправила вуаль, другая тихо засмеялась, хотя Джулиано не смотрел в их сторону.

Лучия почти прижала папку к груди.

— Это он? — спросила она.

— Вероятно.

— Какой?

— Человек, — ответила Ливия.

Сестра бросила на неё негодующий взгляд.

— Иногда ты невыносима.

Ливия уже собиралась улыбнуться, но в этот момент увидела третьего мужчину.

Он шёл чуть позади Лоренцо и Джулиано, рядом с пожилым человеком в тёмной шапочке, выслушивая его слова с выражением спокойного внимания. Плащ сегодня был сухим. Волосы аккуратно убраны назад. На лице не осталось ни крови, ни следов бессонной ночи, только возле виска угадывалась тонкая царапина, которую человек менее наблюдательный счёл бы случайностью. Тёмный дублет сидел безупречно. Ливия слишком хорошо помнила вышитый почти незаметным узором край, который видела, когда промывала рану возле его бока.

Незнакомец из окна.

Несчастье.

Он выглядел иначе.

Не просто чище и спокойнее. Иначе держался. Ночью в комнате Ливии он оставался человеком, вынужденным считать расстояние до меча и скрывать боль за иронией. Здесь боль исчезла или была спрятана достаточно глубоко. Мужчина двигался уверенно, не торопясь, иногда отвечал на приветствия коротким кивком и производил впечатление человека, которому знакомы не только эти люди, но и сам порядок вещей. Он не пытался привлечь внимание. Не нуждался в этом. Его присутствие рядом с Медичи объясняло дорогую ткань дублета, хорошее оружие, привычку говорить спокойно даже тогда, когда снаружи искали вооружённые люди.

Но не объясняло, почему его преследовали.

Ливия не заметила, как сильнее сжала край плаща.

Мужчина повернул голову.

Их взгляды встретились.

Это длилось одно короткое мгновение. Возможно, меньше. Толпа продолжала двигаться, трубы звучали, Лучия что-то говорила, люди вокруг выкрикивали приветствия. Но Ливия увидела узнавание совершенно ясно. Незнакомец заметил её сразу. В его лице не произошло почти ничего: взгляд лишь задержался чуть дольше, чем задержался бы на случайной женщине, уголок губ не дрогнул, шаг не замедлился. Только глаза изменились. В них мелькнуло удивление, затем почти незаметное беспокойство и, наконец, решение.

Он отвернулся.

Так, будто никогда не сидел на сундуке в её спальне.

Будто не оставлял кровь на подоконнике.

Будто не говорил, что ей повезло с окном.

Будто золотая монета наверху принадлежала не ему.

Ливия почувствовала острую, почти нелепую обиду. Не потому, что ждала приветствия. Любой знак внимания посреди площади был бы глупостью и мог привлечь опасные взгляды. Она понимала это лучше большинства людей. Но холодное отсутствие узнавания всё равно задело, потому что снова напомнило: в ту ночь незнакомец оказался в её доме не как равный человек, вынужденный доверить ей часть собственной жизни. Для него мастерская вдовы Бенчи могла оставаться всего лишь удобным укрытием. Окном, которое подвернулось вовремя. Женщиной, молчание которой проще оплатить, чем объяснить.

— Ты его знаешь? — спросила Лучия.

Ливия повернулась к сестре слишком резко.

— Кого?

— Того мужчину.

— Какого?

— Который шёл за Джулиано. Ты смотрела на него так, будто он задолжал тебе деньги.

Ответ оказался слишком точным.

— Я смотрела на процессию.

— Нет.

— Лучия.

Сестра немного помолчала, затем снова вытянула шею, пытаясь увидеть мужчину среди движущихся фигур.

— Кто он?

— Откуда мне знать?

— Можно спросить.

Лучия повернулась к женщине, стоявшей рядом. Та была старше, хорошо одета и явно пришла на площадь не только ради городской церемонии. Она внимательно следила за каждым появившимся человеком и с готовностью объясняла своей молодой спутнице, кто с кем породнился, кто кому должен, чья дочь недавно получила неудачное предложение и почему новый плащ одного из приоров свидетельствует скорее о долгах, чем о благополучии.

— Простите, мадонна, — сказала Лучия вежливо. — Вы не знаете, кто шёл рядом с людьми Медичи? Тёмноволосый мужчина, чуть позади сера Джулиано.

Женщина посмотрела с тем понимающим выражением, которое появлялось у людей, когда молодая девушка спрашивала имя привлекательного человека.

— Маттео.

Ливия почувствовала, как имя легло в память сразу, без необходимости повторять.

— Маттео де Медичи, — продолжила женщина. — Из боковой ветви семейства. Его отец умер несколько лет назад. Кажется, мать происходила из Ручеллаи, хотя могу ошибаться. Он часто бывает рядом с Лоренцо. Не настолько заметен, как младший брат, но, говорят, Великолепный доверяет ему дела, для которых недостаточно красивой улыбки.

Спутница женщины тихо рассмеялась.

— А у самого Маттео улыбка разве некрасивая?

— Ты ещё слишком молода, чтобы понимать: самая опасная улыбка обычно именно красивая.

— Он женат? — спросила Лучия с интересом, который Ливии не понравился.

— Нет.

— Обручён?

Женщина пожала плечами.

— Вокруг Медичи всегда ходит достаточно слухов. Если слушать все, окажется, что каждый мужчина этого рода обещан сразу трём невестам и влюблён ещё в двух чужих жён. Но о помолвке я не слышала.

Ливия отвернулась к площади.

Маттео де Медичи.

Имя меняло всё.

До этого момента ночной незнакомец оставался частной опасностью. Человеком, возможно связанным с людьми Белланди, письмами Марко или каким-то чужим долгом, но всё же человеком, которого можно представить обычным участником тёмного дела: посыльным, наёмником, авантюристом, служителем богатого дома. Теперь случайность приобретала другой масштаб. Если человек из круга Лоренцо Медичи забирался в её окно со спрятанным письмом, если вооружённые люди искали его во дворе, если в послании находился знак Белланди, а среди знаков Марко повторялись отметки Пацци, речь шла не о нескольких сомнительных сделках купца.

Нити тянулись выше.

К людям, способным распоряжаться судьбой города, не занимая официальных должностей.

К семействам, чьи споры начинались в банковских книгах и заканчивались чужой кровью.

Ливия посмотрела на Белланди.

Он всё ещё стоял у дальнего края площади рядом с Пьетро. Но теперь купец наблюдал не за процессией целиком. Его взгляд следовал за Маттео.

Слишком внимательно.

Ливия перевела глаза на Пьетро. Молодой помощник тоже смотрел в сторону Медичи, однако в его лице не было ни восхищения, ни простого любопытства. Он казался человеком, проверяющим положение фигуры на доске.

Затем между людьми мелькнуло знакомое лицо.

Сер Бернардо Вентури.

Тот самый мужчина, который дважды стучал ночью в дверь мастерской и уверял, что разыскивает опасного вора. Сегодня он стоял ближе к ступеням дворца, без мокрого плаща и раздражения человека, вынужденного спорить с упрямой вдовой. Его одежда выглядела скромнее, чем у Пьетро, но добротнее. Вентури не разговаривал с Белланди. Не подавал знаков. Даже не смотрел прямо в его сторону. Однако оба находились на площади, оба следили за Маттео, и это совпадение Ливия больше не хотела считать случайным.

Словно почувствовав её внимание, Вентури повернул голову.

Их взгляды встретились.

В отличие от Маттео, он не сделал вид, что не узнаёт. На лице появилось лёгкое выражение учтивого удивления, затем мужчина поклонился. Почти так же, как Белланди несколькими минутами ранее.

Ливия не ответила.

— Ты бледная, — сказала Лучия.

— Здесь слишком много людей.

— Тебе нехорошо?

— Всё в порядке.

— Может быть, обойдём площадь?

— Сейчас уже поздно.

Процессия двигалась медленно. Люди Медичи приближались. Толпа чуть подалась вперёд, затем отступила под раздражёнными окриками служителей. Ливия оказалась зажата между стеной и несколькими зрителями. Лучия стояла рядом, крепко прижимая папку к груди. Уйти незаметно не получалось. Оставалось ждать, пока поток людей пройдёт мимо.

Лоренцо находился уже достаточно близко, чтобы рассмотреть лицо. Он говорил с человеком слева и время от времени отвечал на приветствия. Джулиано улыбался чаще, чем брат. Маттео шёл позади.

На расстоянии нескольких шагов он слегка замедлился.

Взгляд снова остановился на Ливии.

На этот раз дольше.

Между ними оставалась толпа, но никто не заслонял их полностью. Ливия заметила, что его лицо чуть бледнее, чем казалось издали. Вероятно, рана всё ещё болела. Дублет скрывал перевязку, осанка — слабость, однако человек, промывавший кровь собственными руками, замечал то, что оставалось невидимым другим. Маттео двигался осторожнее, не позволял левому боку задевать проходящих рядом людей и держал руку так, чтобы при необходимости быстро отвести чужое прикосновение.

Он видел, что она видит.

В уголках глаз появилось едва заметное выражение, которое Ливия уже знала. Не улыбка. Намёк на неё. Тихое признание общей тайны, слишком опасной для открытого знака.

Затем Маттео посмотрел на Лучию, на папку с рисунками в её руках и снова на Ливию.

Что-то изменилось.

Взгляд стал внимательнее.

Возможно, он понял, что встретил не случайную горожанку, вышедшую посмотреть церемонию, а хозяйку мастерской, которая несёт работу в сторону виа Ларга. Возможно, вспомнил ткани в комнате, столы, ножницы, запах шёлка и крови. Возможно, догадался: полоска, спрятанная в подкладке, не могла остаться незамеченной человеком, способным увидеть один неверный стежок.

Ливия подняла подбородок.

Не в знак приветствия.

Скорее как обещание разговора, от которого ему не удастся уйти золотой монетой.

Маттео отвёл взгляд первым.

Через несколько мгновений процессия прошла дальше. Толпа потянулась за ней, люди начали двигаться, спорить, обсуждать увиденное. Пространство возле стены освободилось. Лучия повернулась к сестре.

— Ты всё-таки его знаешь.

— Тише.

— Значит, знаешь.

— Здесь не место для разговора.

— Где ты могла познакомиться с Маттео де Медичи?

Вопрос прозвучал почти восторженно. Лучия явно представляла не кровь на подоконнике и вооружённых людей у двери, а какую-то совсем другую историю — случайную встречу, заказ, тайное знакомство, возможно даже комплимент, о котором старшая сестра не сочла нужным рассказать.

Ливия взяла её под руку и повела вдоль стены, стараясь выбраться из толпы.

— Не произноси имя так громко.

— Почему?

— Потому что вокруг слишком много людей, которые любят слушать чужие разговоры.

— Но ты действительно его знаешь?

— Видела один раз.

Это была правда. Неполная, но всё же правда.

— Где?

— Позднее.

— Ливия.

— Мы опаздываем к мадонне Катерине.

Лучия посмотрела на неё почти возмущённо, однако позволила увести себя с площади. Они свернули на более узкую улицу, где людей оказалось меньше. Музыка всё ещё звучала позади, колокола продолжали звонить, а голоса толпы постепенно сливались в густой шум.

Ливия шла быстро.

Слишком быстро для женщины, которая не пыталась убежать от собственных мыслей.

Маттео де Медичи.

Имя повторялось снова и снова, соединяясь с вещами, которые прежде не желали складываться в единое целое. Письмо в подкладке. Знак торгового дома Белланди. Люди Вентури. Старые книги Марко. Заказ для семьи, связанной с Пацци. Катерина Торнабуони, родственная Медичи через брак. Большой аванс, появившийся именно в тот момент, когда старые долги снова ожили.

Ливия не знала, сколько из этих нитей действительно относились к одному узору. Возможно, часть тянулась в разные стороны. Но теперь сомнений не оставалось: мастерская оказалась рядом с борьбой, в которой простые люди не решали ничего, пока не становились полезными или опасными для тех, кто обладал настоящей властью.

— Ты сжимаешь руку, — сказала Лучия.

Ливия разжала пальцы.

— Что?

— Вот здесь.

Сестра указала на край плаща. Ливия не заметила, как вцепилась в ткань.

— Просто тороплюсь.

— И совсем не хочешь рассказать, откуда знаешь Медичи.

— Я не сказала, что знаю его.

— Но он посмотрел на тебя.

— Люди иногда смотрят друг на друга.

— Не так.

Ливия остановилась.

— Как именно?

Лучия тоже замерла, явно не ожидая вопроса.

— Словно... — Она задумалась. — Словно вы оба знаете что-то, чего не знает никто вокруг.

Сестра оказалась наблюдательнее, чем хотелось.

— Ты придумываешь.

— Возможно.

— Тогда постарайся придумывать тише.

Лучия вздохнула.

— Хорошо. Но позднее ты всё равно расскажешь.

— Возможно.

— Это означает «нет».

— Это означает «позднее».

Они продолжили путь.

Дом сестры Катерины Торнабуони находился недалеко от дворца Медичи. Улица здесь выглядела иначе, хотя до мастерской Ливии можно было дойти довольно быстро. Каменные фасады становились внушительнее, двери — тяжелее, окна — выше. Возле нескольких палаццо стояли слуги. Вдоль стен ждали лошади, украшенные дорогой сбруей. Праздничные ткани свешивались с верхних этажей, и даже простые прохожие старались двигаться чуть осторожнее, словно пространство принадлежало не всему городу, а людям, способным заказать красивую вещь, заплатить за неё и затем позволить ткани медленно выгорать под солнцем только ради одного торжественного дня.

Ливия невольно посмотрела на дворец Медичи.

Его массивные стены не нуждались в лишней роскоши. Нижние каменные блоки выглядели почти сурово, верхние этажи становились легче, окна — изящнее, однако всё здание сохраняло ощущение силы, которую не требовалось демонстрировать криком. Люди проходили мимо, слуги входили и выходили, у дверей задерживались посетители. Где-то за этими стенами находились комнаты, книги, картины, разговоры о городе и решения, последствия которых доходили до самых бедных улиц.

Маттео принадлежал этому миру.

Ночью, сидя на сундуке Ливии с окровавленной перевязкой, он казался человеком, временно лишённым всех преимуществ. Его можно было заставить отдать меч. Можно было приказать скрыться за занавесью. Можно было пригрозить ножницами и услышать в ответ тихий смех. Теперь Ливия видела настоящую разницу между ними. Не ту, о которой напоминали дорогая ткань и хорошее оружие. Гораздо более глубокую.

Если Маттео исчезнет, его станут искать люди.

Если исчезнет Ливия, несколько поставщиков потребуют деньги, девушки найдут другую работу, Лучия заплачет, Марта попытается удержать мастерскую, а улица ещё некоторое время будет обсуждать несчастье вдовы Бенчи. Затем город двинется дальше.

Она не любила такие мысли.

Но предпочитала смотреть на вещи прямо.

Катерина Торнабуони приняла их в просторной комнате второго этажа. Окна выходили на улицу, и сквозь открытые ставни проникали отголоски праздника: трубы, голоса, колокольный звон. На столе стояли блюда с фруктами, орехами и небольшими сладостями. Возле стены сидели две пожилые женщины, занятые разговором, который прекратился сразу после появления мастериц. Служанка приняла у Лучии папку и положила на стол.

Катерина подошла к ним с привычной спокойной улыбкой.

— Мадонна Ливия. Благодарю, что пришли так быстро.

— Вы просили показать первые рисунки.

— Да. Мать Фьоретты решила, что герб Пацци должен занимать больше места, чем мы обсуждали сначала. Я хотела увидеть варианты прежде, чем позволю ей превратить покрывало в знамя передового отряда.

Ливия почти улыбнулась.

— У меня как раз два рисунка. Один понравится ей. Второй — покрывалу.

Катерина рассмеялась.

— Показывайте оба.

Они разложили листы. Лучия сразу оживилась, начала объяснять расположение ветвей, предложенные оттенки и форму края. Она говорила чуть быстрее обычного, но держалась уверенно. Катерина слушала внимательно, задавала короткие вопросы и несколько раз обращалась непосредственно к Ливии, уточняя стоимость дополнительных нитей и срок изготовления образцов на ткани.

Работа постепенно вытесняла тревогу.

Это было знакомое спасение. Пока перед Ливией лежал рисунок, существовали вещи, которые можно измерить, исправить, упростить или усложнить. Герб либо занимал слишком много места, либо нет. Нить либо подходила к ткани, либо спорила с ней. Заказчик мог потребовать дурное решение, но хотя бы называл его прямо. В сравнении с письмом из непонятных знаков и мужчиной, который скрывал имя до тех пор, пока весь город не назвал его случайно, ремесло казалось почти честным.

— Этот вариант лучше, — сказала Катерина, остановившись возле более свободного рисунка. — Но родственница невесты выберет другой.

— Я предупреждала Лучию.

— Иногда человеку нужно получить именно то, чего он просит, чтобы позднее понять цену собственной ошибки.

Ливия подняла глаза.

— Вы говорите о покрывале?

Катерина посмотрела на неё с лёгким интересом.

— А вы?

Несколько мгновений они молчали.

Ливия не знала, заметила ли заказчица её рассеянность, увидела ли на площади встречу взглядов или просто сказала фразу, не вкладывая второго смысла. Катерина Торнабуони производила впечатление женщины, привыкшей замечать больше, чем сообщать вслух. Именно такие люди выживали рядом с великими домами, сохраняя достоинство и не превращаясь в случайный предмет чужой игры.

— Покрывала исправлять проще, — ответила Ливия.

— В этом вы правы.

Катерина свернула один рисунок и передала служанке.

— Оставьте оба. Я покажу семье. Завтра получите окончательный ответ. И, мадонна Ливия...

— Да?

— Не позволяйте чужой торопливости заставить вас работать хуже, чем вы умеете.

Слова прозвучали спокойно. Возможно, речь действительно шла только о заказе. Возможно, Катерина заметила что-то ещё. Ливия кивнула.

— Не позволю.

Когда они вышли на улицу, церемония уже закончилась. Толпы постепенно расходились. На виа Ларга по-прежнему былолюдно, однако движение стало свободнее. Лучия шла рядом молча необычно долго. Только возле поворота к площади не выдержала:

— Ты расскажешь?

— О чём?

— О Маттео де Медичи.

Ливия остановилась.

Сестра смотрела открыто, почти вызывающе. В её лице ещё оставалось любопытство, но теперь к нему добавилась тревога. Возможно, короткий визит Пьетро Альбицци, ночной стук и разговоры о книгах Марко наконец заставили её почувствовать: за именем Медичи может скрываться не романтическая история.

— Он был в доме ночью, — сказала Ливия тихо.

Лучия несколько секунд не поняла.

— Кто?

— Маттео.

— В каком доме?

— В нашем.

Глаза сестры расширились.

— Когда?

— Когда во дворе искали раненого мужчину.

Лучия остановилась так резко, что проходивший позади человек недовольно обошёл её и что-то пробормотал.

— Он забрался к тебе?

— Через окно.

— В спальню?

— Да.

— И ты спрятала его?

— Иначе люди увидели бы его на подоконнике. Тогда обыскали бы дом, разбудили соседей и, вероятно, разрушили мастерскую ещё до рассвета.

Лучия смотрела, не произнося ни слова.

— Скажи что-нибудь, — попросила Ливия.

— Я думаю.

— Это редко занимает у тебя столько времени.

— Не мешай.

Несколько мгновений Лучия действительно молчала. Затем медленно выдохнула.

— Маттео де Медичи забрался ночью в твоё окно.

— Ты повторяешь то, что уже услышала.

— Потому что это звучит странно.

— Для меня тоже.

— Он был ранен.

— Да.

— Ты перевязала рану?

Ливия посмотрела внимательно.

— Откуда ты знаешь?

— Утром в комнате стоял таз с водой. Ты сказала, что закрывала ставни, но на полу было сухо. И выглядела так, словно всю ночь не спала.

— Я плохо лгу.

— Нет. Просто я тебя знаю.

Ливия кивнула.

— Он оставил золото?

Вопрос прозвучал неожиданно точно.

— Почему ты решила?

— Такие мужчины всегда оставляют золото.

— Ты часто принимаешь Медичи в спальне?

Лучия покраснела.

— Не издевайся. Я просто... не знаю. Разве не так бывает в историях?

— В историях мужчины обычно сначала называют имя.

— Ты вернёшь?

— Обязательно.

На лице Лучии появилось нечто похожее на удивление, затем — осторожная улыбка.

— Он тебе понравился.

— Нет.

— Понравился.

— Он проник в мой дом, заставил лгать вооружённым людям и спрятал неизвестное письмо в ткани.

— Но ты запомнила, как он улыбался?

Ливия почувствовала раздражение именно потому, что вопрос попал слишком близко.

— Я запомнила, что он плохо держит иглу.

Лучия рассмеялась. Негромко, но впервые за несколько дней искренне.

— Это звучит почти как начало любви.

— Это звучит как причина не позволять мужчине прикасаться к хорошему шёлку.

— Ты расскажешь Марте?

— Придётся.

— Она будет кричать.

— Вероятно.

— Я хотела бы услышать.

— Ты и так услышишь.

Они снова пошли вперёд.

Ливия позволила сестре улыбаться ещё несколько минут. Сама она не могла относиться к происшествию настолько легко. Имя Маттео не превращало ночь в красивую историю. Напротив, делало опасность яснее. Человек из семьи Медичи не скрывался во дворе мастерской от обычных воров. Вооружённые люди не преследовали его ради случайной драки. Письмо со знаком Белланди не появилось в подкладке по ошибке.

На площади Ливия видела слишком многое.

Белланди.

Пьетро.

Вентури.

Маттео рядом с Лоренцо.

Их взгляды, которые пересекались, но не встречались открыто.

Флоренция любила красоту. Украшала улицы тканями, создавала дворцы, поднимала над крышами купол, собиралась смотреть на церемонии и гордилась свободой граждан. Но под праздничной поверхностью существовала другая ткань города. Её швы были спрятаны внутри. Нити тянулись между банками, домами, долговыми книгами, браками, торговыми складами и людьми, которые умели улыбаться друг другу на площади, даже если ночью посылали вооружённых помощников искать кровь возле чужих окон.

Мастерская Бенчи оказалась одним из узелков в этом рисунке.

Небольшим.

Почти незаметным.

Но теперь Ливия знала: кто-то уже потянул за нить.

Марта встретила их возле двери. Она старалась выглядеть раздражённой из-за задержки, однако сразу заметила выражение лица Ливии.

— Что случилось?

— Внутрь, — сказала Ливия.

Они прошли в мастерскую. Нера и Джулия работали в соседней комнате. Лучия положила пустую папку на стол и направилась к кухне, но Марта остановила её взглядом.

— Ты знаешь?

— Теперь да, — ответила Лучия.

— О чём?

— О мужчине в окне.

Марта закрыла глаза.

— Господи, дай мне терпения.

— Он уже дал, — сказала Ливия. — Ты работаешь со мной много лет.

— Иногда мне кажется, это была не милость, а испытание.

Ливия сняла плащ и подошла к столу.

— Я узнала его имя.

Марта ждала.

— Маттео де Медичи.

Старшая мастерица не ответила сразу.

Её лицо изменилось медленно. Сначала исчезло раздражение. Затем губы сжались плотнее, а в глазах появилось то же выражение, которое Ливия уже видела при упоминании старых книг Марко: страх человека, начинающего понимать масштаб неприятности.

— Ты уверена?

— Видела его среди людей Лоренцо. Спросила женщина рядом. Из боковой ветви семьи. Говорят, Лоренцо доверяет ему дела, для которых недостаточно красивой улыбки.

— У него красивая улыбка, — заметила Лучия.

Марта посмотрела на неё так, что сестра сразу замолчала.

— Кто ещё был на площади? — спросила Марта.

— Белланди. Пьетро Альбицци. Вентури.

— Вместе?

— Нет. Но все смотрели на Маттео.

— Он тебя заметил?

— Да.

— Подал знак?

— Сделал вид, что не знает.

— Это разумно.

— Разумеется.

Марта взглянула внимательнее.

— Тебя задело?

— Нет.

— Лжёшь.

— Неважно.

— Возможно.

Марта прошлась вдоль стола и остановилась возле окна. За стеклом двигались люди. Праздник ещё не закончился полностью, где-то вдали продолжали звенеть колокола, по улице прошёл торговец с корзиной каштанов.

— Если письмо принадлежит Маттео де Медичи, — произнесла она медленно, — Белланди может искать не просто старые бумаги. Он ищет что-то связанное с Медичи.

— Или Маттео ищет что-то связанное с Белланди.

— Это не лучше.

— Знаю.

— Нужно отдать письмо.

— Кому?

— Маттео.

— Как ты предлагаешь его найти? Постучать во дворец Медичи и попросить передать, что вдова с виа деи Сетайоли хочет вернуть кусок шёлка мужчине, которого перевязывала ночью?

Лучия прикрыла рот ладонью, скрывая улыбку.

Марта раздражённо махнула рукой.

— Не обязательно говорить всё.

— Даже если я сумею передать письмо, откуда мы знаем, что оно его? Он мог украсть ткань. Мог пытаться доставить кому-то другому. Мог спрятать у меня именно потому, что не хотел, чтобы письмо связывали с ним.

— Тогда что ты намерена делать?

Ливия посмотрела на закрытые ставни передней комнаты.

— Ждать.

— Чего?

— Он вернётся.

Марта уставилась на неё.

— Почему ты решила?

— Потому что письмо осталось у меня. Потому что он видел меня сегодня. Потому что поняла: я узнала его. И потому что монета всё ещё лежит в моём доме.

— Не думаю, что человек из семьи Медичи полезет в твоё окно ради одной монеты.

— Ради письма.

— А если не полезет?

— Тогда найдёт другой способ.

Марта вздохнула.

— Упрямая женщина.

— Ты уже говорила.

— Недостаточно часто.

Лучия подошла к сестре.

— А если он действительно придёт?

Ливия посмотрела на окно.

В дневном свете ставни выглядели обыкновенно. На подоконнике больше не осталось крови. Дерево высохло, трещина почти не выделялась, а тяжёлая занавесь спокойно висела возле стены. Но теперь Ливия уже не могла воспринимать окно просто как часть комнаты. Оно превратилось в незавершённую фразу.

— Тогда войдёт через дверь, — сказала она.

Лучия улыбнулась.

— Ты уверена?

— Нет.

Ливия коснулась внутреннего кармана платья, где лежало письмо, и подумала о Маттео де Медичи, прошедшем мимо неё среди праздничной толпы так, словно они никогда не встречались.

Теперь у ночного незнакомца было имя.

И это имя принадлежало дому, рядом с которым даже осторожному человеку следовало считать каждый шаг.

Глава 6. Вдова ставит условия

К вечеру Ливия успела решить, что Маттео де Медичи не придёт.

Это решение не основывалось ни на здравом смысле, ни на знании людей его круга. Скорее на усталости. День оказался слишком длинным для одной человеческой жизни: городская церемония, толпа на площади, взгляд Пьетро Альбицци, учтивый поклон Вентури, имя ночного незнакомца, произнесённое посторонней женщиной с той лёгкостью, с какой называют человека, известного половине Флоренции. Затем разговор с Лучией, возвращение в мастерскую, лицо Марты, изменившееся при слове «Медичи», и несколько часов обычной работы, которые потребовали больше усилий, чем самые сложные узоры.

Ливия вышивала почти до наступления темноты. Пальцы двигались точно, нить ложилась ровно, гранатовые листья постепенно появлялись на пробном куске светлого шёлка, но мысли оставались далеко от стола. Она вспоминала площадь. Маттео шёл рядом с людьми Лоренцо уверенно и спокойно, словно ночь, кровь и мокрый каменный выступ под чужим окном принадлежали совсем другому человеку. Даже лёгкая бледность не разрушала впечатления. Рядом с ним находились мужчины, чьи имена произносили во Флоренции осторожнее обычных слов. Люди расступались перед ними не потому, что кто-то приказывал, а потому, что привыкли замечать власть раньше, чем та успевала заявить о себе.

Ливия не хотела думать о том, что почувствовала при встрече их взглядов.

Раздражение — безусловно. Опасение — тоже. Но между ними существовало нечто ещё, почти оскорбительное своей неуместностью. Короткая память тела. Она слишком ясно вспомнила тепло его пальцев на запястье, когда перевязывала рану, и спокойную усмешку человека, сидевшего на её сундуке с видом нежеланного гостя, который всё-таки способен оценить нелепость собственного положения. На площади Маттео не улыбнулся. Только задержал взгляд чуть дольше, чем следовало. Этого оказалось достаточно, чтобы Ливия снова ощутила присутствие золотой монеты, лежащей наверху под сложенными платками.

Он не придёт, сказала она себе.

Человек из дома Медичи не станет возвращаться в маленькую мастерскую ради одной полоски шёлка и женщины, которая случайно оказалась достаточно упрямой, чтобы не выдать его преследователям. У него найдутся слуги, посредники, люди, умеющие задавать вопросы менее заметно, чем Пьетро Альбицци, и решать неприятности без ночных прогулок по мокрым стенам. Возможно, письмо уже перестало иметь значение. Возможно, Маттео увидел Ливию на площади, убедился, что она молчит, и счёл историю законченной.

Эта мысль должна была принести облегчение.

Почему-то не принесла.

— Ты уже третий раз вышиваешь один и тот же лист, — сказала Марта.

Ливия подняла голову.

— Что?

Старшая мастерица стояла рядом, уперев ладони в край стола. Она кивнула на пробный кусок ткани. Ливия посмотрела внимательнее и поняла, что действительно добавила к ветви лишний изгиб. Небольшой, почти незаметный. Узор не стал хуже, но перестал соответствовать рисунку.

— Здесь будет лучше оставить меньше листьев, — сказала Ливия.

Марта приподняла брови.

— Разумеется. Именно поэтому ты добавила новый.

Ливия отложила иглу.

— Я исправлю.

— Не сомневаюсь. Вопрос в другом: ты собираешься весь вечер ждать, когда в окно снова полезет Медичи, или всё-таки позволишь мне запереть ставни?

Нера и Джулия уже ушли. Лучия находилась на кухне и намеренно гремела посудой чуть громче обычного, пытаясь показать, что не прислушивается к разговору. Дом ещё не погрузился в тишину, но улица постепенно темнела. Торговцы закрывали лавки, голоса становились реже, в соседнем дворе кто-то собирал бельё до наступления сырости.

— Я ничего не жду, — ответила Ливия.

— Конечно.

— И окно будет закрыто.

— До тех пор, пока кто-нибудь не решит открыть его снаружи.

— Сегодня я проверю крючок дважды.

Марта посмотрела выразительно.

— Очень предусмотрительно. Медичи наверняка откажется от намерений, увидев крючок.

— Возможно, на этот раз он вспомнит о существовании двери.

— Возможно, на этот раз у него хватит воспитания не приходить вовсе.

Из кухни появилась Лучия с деревянной миской в руках.

— Если он всё-таки придёт, я хочу его увидеть.

Ливия повернулась к ней.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не представление.

— Я не собираюсь аплодировать. Но человек забрался в наш дом, оставил письмо, из-за которого Белланди присылает угрозы, а затем спокойно прошёл по площади рядом с Лоренцо. Думаю, я имею право знать, как он выглядит вблизи.

— Ты видела его на площади.

— Издалека.

— Этого достаточно.

— Для тебя, разумеется, нет.

Марта прикрыла глаза.

— Господи, дай мне пережить хотя бы один вечер без разговоров, которые не следует вести возле открытых ставен.

Она подошла к окну и захлопнула створки. Дерево ударилось о раму, металлический крючок встал на место. Затем Марта задёрнула тяжёлую занавесь и проверила дверь в мастерскую.

— Сегодня я снова останусь здесь, — сказала она. — Лучия спит в своей комнате и никуда не выходит. Ты тоже не открываешь никому, кого не знаешь.

— Маттео ты не знаешь, — заметила Лучия.

— Именно поэтому надеюсь, что он не появится.

— А если появится?

— Тогда я сначала посмотрю, умеют ли Медичи стучать.

Ливия почти улыбнулась. В последние дни это становилось редкой роскошью: позволить чужой фразе вызвать не раздражение, не страх, а простое веселье. Марта заметила и слегка смягчилась.

— Иди наверх, — сказала она. — Поешь. Я закончу здесь.

— Закончим вместе.

— Твоя ветка уже обросла листьями достаточно, чтобы спрятать под собой половину Флоренции. Лучше остановись.

Ливия подчинилась не сразу. Сначала аккуратно закрепила нить, убрала иглу и накрыла образец чистой тканью. Затем проверила ящик под счётной доской. Иглы лежали на месте, записка Белланди — рядом с ними. Полоску серо-голубого шёлка и письмо Ливия по-прежнему носила во внутреннем кармане платья. После разговора с Пьетро оставлять их без призора казалось неразумным.

Золотая монета находилась наверху.

Ливия поднялась за ней прежде, чем отправиться на кухню.

Она не знала, зачем. Если Маттео не придёт, мешочек снова вернётся под платки. Если придёт, разговор едва ли начнётся с денег. Однако мысль о монете, оставленной в спальне, раздражала. Золото принадлежало человеку, который мог появиться без предупреждения, исчезнуть до рассвета и затем пройти мимо на площади, будто никогда не видел её лица. Пока монета оставалась в доме, Ливия словно принимала навязанные правила игры.

Она достала мешочек, развязала шнурок и несколько мгновений смотрела на деньги.

Одна монета.

Для человека из семьи Медичи — почти ничто. Возможно, сумма, которую он отдавал слуге, посыльному или человеку, державшему коня несколько часов. Для мастерской — заметная помощь. Несколько дней труда. Хорошая нить. Часть долга. Деньги всегда обладали удивительной способностью менять вес в зависимости от руки, которая их держала.

Ливия снова затянула мешочек и убрала в карман.

За ужином они говорили мало. Лучия время от времени поднимала глаза на старшую сестру, словно собиралась задать вопрос, но каждый раз передумывала. Марта ела быстро, без удовольствия, прислушиваясь к улице. Обычная похлёбка, хлеб, сыр и несколько сушёных яблок казались странно лишёнными вкуса. За стенами дома продолжалась жизнь: кто-то смеялся возле соседней лавки, прошла телега, затем послышались шаги двух мужчин, споривших о цене вина. Никакой погони. Никакого оружия. Никакого человека на мокром подоконнике.

После ужина Лучия убрала посуду и остановилась возле двери кухни.

— Я не ребёнок, — сказала она.

— Мы уже обсуждали, — ответила Ливия.

— Тогда почему я должна идти наверх, если что-то происходит?

— Потому что ты не умеешь держать меч.

— Ты тоже.

— Зато умею закрывать двери.

— Маттео это не остановило.

Марта тихо кашлянула, скрывая улыбку.

Ливия посмотрела на сестру строго, но без настоящей злости.

— Именно поэтому сегодня ты запираешься в комнате и не выходишь, пока я не позову.

— А если он придёт через окно к тебе?

— Окно закрыто.

— Крючком.

— Лучия.

— Хорошо.

Сестра подняла руки в знак капитуляции, однако возле лестницы остановилась.

— Только не рассказывай завтра всё так, будто я живу в другом доме.

Ливия почувствовала короткий укол вины.

— Не буду.

Лучия кивнула и ушла наверх.

Марта осталась в мастерской. Она принесла два подсвечника, поставила один возле двери, другой — на большой стол, затем уселась на скамью с работой в руках. Тёмная нить скользнула между пальцами. Со стороны могло показаться, что старшая мастерица просто

задержалась допоздна ради нового заказа. Но ножницы лежали рядом, слишком близко к краю стола, а возле стены стояла тяжёлая деревянная палка, которой обычно поднимали высокие ставни.

— Ты собираешься отбиваться от Медичи палкой? — спросила Ливия.

— От Медичи — нет. От людей, которые снова придут за ним, — возможно.

— Убедительно.

— Я не обещала победить. Но шум подниму такой, что проснётся весь квартал.

Ливия села напротив и разложила перед собой несколько образцов ткани. Работать не хотелось. Она всё же взяла иглу и начала вышивать край небольшого листа, стараясь считать стежки. Один. Второй. Третий. Нить вошла в ткань и вернулась наружу. Четвёртый. Пятый.

Стук раздался после шестого.

Не в окно.

В дверь.

Три спокойных удара.

Ливия замерла. Марта перестала двигать иглой. Несколько мгновений они слушали тишину, возникшую после стука. На улице никто не говорил. Шагов тоже не было слышно.

— Кто там? — спросила Марта.

— Человек, который на этот раз выбрал дверь, — ответил знакомый голос.

Ливия почувствовала, как внутри что-то сжалось и одновременно стало легче.

Марта медленно повернула голову.

— Он ещё и шутит.

— Иногда, — сказала Ливия.

Стук повторился. Всё так же спокойно, без нетерпения.

— Не открывай сразу, — велела Марта.

— Не собиралась.

Ливия подошла к двери, проверила засов и оставила цепь на месте. Затем приоткрыла створку ровно настолько, чтобы увидеть человека снаружи.

Маттео де Медичи стоял на пороге один.

Сегодня он не носил тяжёлого плаща с вышитым краем, в котором появился на площади. На плечи была накинута простая тёмная накидка с капюшоном, достаточно неприметная для ночных улиц. Волосы оставались сухими, лицо — спокойным. Тонкая царапина у виска почти исчезла, но Ливия всё равно заметила. При свете лампы кожа казалась чуть бледнее обычного. Рана под одеждой, вероятно, напоминала о себе при каждом движении, хотя Маттео стоял ровно и не позволял боли проявиться открыто.

Руки он держал на виду.

Без перчаток.

Без оружия.

— Добрый вечер, мадонна Бенчи, — произнёс он.

В первый раз он назвал её по имени.

— Вы умеете пользоваться дверью, — сказала Ливия.

— Пришлось спросить дорогу.

— Неужели во Флоренции существуют вещи, которых не знает Медичи?

— Значительно больше, чем считают люди.

— Это должно быть тяжёлым открытием.

В уголках его губ появилось знакомое движение. Не улыбка полностью, только обещание улыбки.

— Вы позволите войти?

— Сначала повернитесь.

Маттео приподнял брови.

— Простите?

— Я хочу убедиться, что вы действительно пришли без меча.

— Я сказал бы, если бы принёс оружие.

— Ночью вы тоже сказали далеко не всё.

Несколько секунд он смотрел на неё, затем спокойно повернулся. На поясе действительно не было меча. Под накидкой не угадывался кинжал. Ливия всё равно внимательно осмотрела края одежды, сапоги и рукава. Маттео позволил, не делая замечаний.

— Удовлетворены? — спросил он.

— Пока нет. Но войти можете.

Она сняла цепь и открыла дверь шире.

Маттео шагнул внутрь. Первым делом посмотрел не на Ливию, а на Марту, сидевшую возле стола. Старшая мастерица не встала. Только отложила иглу и положила ладонь рядом с ножницами.

— Добрый вечер, — сказал Маттео.

— Для кого как, — ответила Марта.

Он кивнул, принимая слова без обиды.

— Вы мадонна Марта Ринальди?

Марта нахмурилась.

— Откуда знаете?

— Я постарался узнать, чей дом подверг опасности.

— После того как подвергли?

— К сожалению.

— Удобный порядок.

— Не стану спорить.

Ливия закрыла дверь и задвинула засов.

— Моя сестра наверху, — сказала она. — Она знает, что вы пришли. Марта останется здесь. Разговор будет в мастерской. Если вам требовалась тайна, следовало выбирать другой дом.

Маттео посмотрел на неё внимательно.

— Это справедливо.

— Садитесь.

Он снял накидку и повесил на деревянный крючок возле двери. Под ней оказался простой тёмный дублет без заметной отделки. Ткань всё равно стоила дороже, чем одежда большинства людей на улице, но сегодня Маттео явно не стремился напоминать о положении. Он подошёл к столу и сел напротив Ливии, осторожно, чуть медленнее, чем здоровый человек его возраста. Рана болела. Ливия заметила это сразу и разозлилась на себя за то, что заметила.

Марта осталась на скамье возле стены. Она снова взяла работу, но вышивать не стала.

Несколько мгновений никто не говорил.

Маттео оглядел мастерскую. Его взгляд остановился на свёрнутых тканях, образцах орнамента, мотках нитей, рисунках гербов и небольших коробках с иглами. Ночью он видел лишь спальню, узкий участок коридора и несколько отрезков ткани, среди которых поспешно спрятал письмо. Теперь впервые оказался в самом сердце дела, которое Ливия удерживала два года почти исключительно упрямством.

— Здесь красиво, — сказал он.

— Здесь работают.

— Одно не исключает другого.

— Обычно красоту замечают в готовой вещи. До этого людям мешают нитки, обрезки и женщины с усталыми глазами.

Маттео перевёл взгляд на неё.

— Я заметил и работу.

— Поздравляю. Вы уже видите больше некоторых заказчиков.

— Не сомневаюсь.

Марта тихо фыркнула возле стены.

Ливия села напротив.

— Зачем вы пришли?

— За письмом.

— Вы уверены, что это письмо?

— Да.

— Кому оно предназначалось?

Маттео помолчал.

— Не мне.

— Однако вы держали его при себе.

— Временно.

— Ночью вы сказали, что ничего не украли.

— Это правда.

— Значит, письмо вам передали?

— Да.

— Кто?

— Человек, имя которого я не назову.

Ливия почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Тогда можете уйти.

Маттео слегка наклонил голову.

— Мадонна Бенчи...

— Вы забрались в моё окно с кровью на одежде, спрятали письмо в ткани моей мастерской, оставили деньги и исчезли. После этого ко мне приходили люди Белланди. Сначала сам сер Джироламо. Затем его помощник. У двери оставили иглу со следом крови. На следующий день прислали другую с предупреждением. Мой покойный муж, оказывается, вёл дела, о которых мне не рассказывал. А вы входите через дверь, просите вернуть письмо и снова считаете, что достаточно сказать только ту часть правды, которая удобна вам.

Маттео больше не улыбался.

— Вам прислали иглу?

— Две.

— Кто принёс первую?

— Не знаю. Нашла возле порога.

— Вторую?

— Мальчик от Белланди.

— Вместе с запиской?

— Да.

— Что было написано?

Ливия смотрела спокойно.

— Если хотите получить ответы, сначала дайте собственные.

Несколько мгновений Маттео молчал. Затем кивнул, будто признал правильность удара в игре, правила которой недооценил.

— Я не знал об иглах, — сказал он. — И не предполагал, что люди Белланди подойдут к вам так быстро. Если бы предполагал, не оставил бы письмо здесь.

— Вы оставили его намеренно?

— Да.

Признание прозвучало без оправданий.

Ливия почувствовала, как пальцы сжимаются на краю стола.

— Ночью вы сказали, что моё окно оказалось ближайшим.

— Это правда.

— Но ткань вы спрятали осознанно.

— Тоже правда.

— В моей мастерской.

— Я увидел инструменты в вашей спальне. Иглы, нити, ткань. Понял, что нахожусь в доме человека, который работает с шёлком.

— И решили воспользоваться.

— Решил спрятать письмо на несколько часов. Предполагал вернуться до того, как вы обнаружите шов.

— Но сделали его настолько плохо, что я заметила сразу.

— В мою защиту скажу: я торопился и плохо вижу в темноте.

— Вашу защиту никто не просил.

— Понимаю.

Маттео произнёс это серьёзно. Без привычной лёгкости. Оттого злиться становилось труднее, хотя Ливия не собиралась отказываться от злости только потому, что собеседник умел вовремя выглядеть раскаявшимся.

— Почему не забрали письмо перед уходом? — спросила она.

— Услышал людей внизу. Потом увидел одного из них из окна лестницы. Он ждал возле улицы. Если бы меня остановили, письмо нашли бы при обыске.

— Вы вышли через дверь?

— Да.

— Мимо комнаты моей сестры.

— Я старался не разбудить её.

— Очень любезно.

— Знаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

Маттео положил ладони на стол. Руки были сильными, с длинными пальцами и несколькими небольшими следами, которые не соответствовали человеку, проводившему всё время за пиршествами и книгами. На правой ладони тянулась тонкая царапина. На указательном пальце осталось крошечное красное пятно — вероятно, от укола той самой иглой, которой он пытался зашить подкладку.

Ливия заметила и это.

— Ваше молчание причинило вам больше неудобств, чем я рассчитывал, — сказал Маттео. — Я пришёл исправить хотя бы часть.

— Каким образом?

— Забрать письмо. Убедиться, что люди Белланди больше не подойдут к вашему дому. Возместить ущерб и риск.

— Возместить?

— Да.

Он достал из внутреннего кармана небольшой кошель и положил на стол.

Звук оказался тихим. Всего несколько монет, ударившихся друг о друга под мягкой кожей. Но в мастерской сразу стало теснее.

Марта перестала двигаться возле стены.

Ливия посмотрела на кошель.

Затем медленно достала из кармана платья льняной мешочек, принесённый сверху, положила рядом и развязала шнурок. Золотая монета выкатилась на дерево. В свете свечи она блеснула слишком ярко.

— Это ваше, — сказала Ливия.

Маттео посмотрел на золото.

— Я оставил в благодарность.

— Вы оставили плату.

— Не за молчание.

— За что?

— За помощь. За ткань. За перевязку. За неудобство.

— Неудобство — это грязь на полу после дождя. Вы принесли в мой дом вооружённых людей, письмо и чужую угрозу.

— Именно поэтому я предлагаю больше.

Он коснулся кошель.

Ливия не взяла.

— Вы не понимаете.

— Тогда объясните.

— Я не желаю получать деньги за последствия решения, которое приняли без меня.

Маттео медленно отвёл руку.

— Вы считаете, что я пытаюсь купить ваше молчание.

— А разве нет?

— Я пытаюсь не оставить женщину, которой причинил неприятности, без возмещения.

— Человек, желающий возместить вред, сначала спрашивает, что именно требуется пострадавшему. Вы принесли золото, потому что привыкли решать за других: сколько стоит их страх, труд, молчание и время.

Слова прозвучали жёстче, чем Ливия намеревалась. Но отступить не хотелось.

Маттео смотрел внимательно. Лицо не стало холоднее. Не появилось ни обиды, ни раздражения человека, которому напомнили о границах. Только задумчивость.

— Возможно, вы правы, — произнёс он.

Ливия не ожидала настолько простого признания.

— Обычно мужчины спорят дольше.

— Обычно я тоже. Но сейчас это было бы пустой тратой времени. Я действительно не спросил.

— И воспользовались мастерской как тайником.

— Да.

— И оставили монету так, словно долг завершён.

— Понимаю, почему вы восприняли её именно так.

Ливия подтолкнула золото через стол.

— Заберите.

Маттео несколько секунд смотрел на монету, затем взял и убрал обратно в кошель. Большой кошель остался лежать на столе.

— И это тоже, — сказала Ливия.

— Мадонна Бенчи...

— Нет.

— За повреждённую ткань следует заплатить.

— Ткань я исправила.

— За время.

— Его не вернуть.

— За риск.

— Его вы сначала должны перестать увеличивать.

Маттео тихо выдохнул. В его лице на мгновение появилось что-то похожее на усталую усмешку.

— Вы всегда ведёте переговоры так, словно собеседник уже пытался обмануть?

— Почти всегда собеседник именно это и делает.

— Справедливо.

Он убрал кошель.

Марта наконец отложила работу.

— Думаю, теперь вы понимаете, сер Маттео, — сказала она, — почему Марко порой возвращался после разговоров с женой с лицом человека, пережившего поражение на поле боя.

Ливия повернулась к ней.

— Ты решила помочь?

— Тебе помощь не требуется. Я предупреждаю гостя.

Маттео впервые улыбнулся открыто. Улыбка оказалась той самой, о которой говорила женщина на площади: красивой и опасной не потому, что была рассчитана на впечатление, а потому, что появлялась неожиданно и мгновенно меняла лицо. Ливия снова ощутила раздражение. Людям не следовало обладать таким количеством разных средств убеждения.

— Предупреждение принято, мадонна Ринальди, — сказал он.

— Хорошо. Теперь говорите правду.

Маттео перевёл взгляд на Ливию.

— Я могу рассказать часть.

— Почему только часть?

— Потому что некоторые сведения принадлежат не мне. И потому что я пока сам не знаю всей правды.

— Удобно.

— Но честно.

Ливия скрестила руки.

— Говорите.

Маттео помолчал, словно выбирал не только слова, но и предел, за которым начиналось опасное признание.

— Несколько месяцев люди, связанные с домом Медичи, пытаются понять, почему некоторые сведения становятся известны раньше, чем должны. Не важные тайны в привычном смысле. Иногда всего лишь направление платежа. Имя посредника. Дата приезда человека. Склад, через который проходит товар. Но такие мелочи приобретают цену, если собрать их достаточно много.

— И вы считаете, что сведения передают через ткани?

— Теперь считаю.

— До ночи не знали?

— Знал, что торговые дома используются как прикрытия. Не знал, каким образом сообщения перемещаются внутри города.

— Письмо должно помочь?

— Возможно.

— Вы можете прочитать?

— Не полностью.

Ливия достала полоску серо-голубого шёлка из внутреннего кармана и положила на стол. Маттео посмотрел на неё с коротким удивлением. Затем — на внешний шов, который Ливия аккуратно распорол и восстановила.

— Вы всё-таки открыли.

— Вы спрятали письмо в ткани мастерицы. Чего ожидали?

— Что успею забрать раньше.

— Не успели.

Она развернула шёлк и достала тонкий клочок бумаги. Маттео наклонился ближе. Его взгляд быстро прошёл по условным обозначениям и остановился на нескольких знаках.

— Вы узнаете? — спросила Ливия.

— Некоторые.

— Ключ?

— Торговый дом Белланди.

— Это я поняла сама.

— Откуда?

— В мастерской сохранились старые ярлыки поставщиков. И книги моего мужа.

Маттео поднял глаза.

— Книги?

— Записи Марко. В них встречаются похожие знаки.

Внимание в его лице стало острее.

— Могу посмотреть?

— Нет.

— Почему?

— Потому что два дня назад я не знала даже о существовании этой сети. Теперь сер Джироламо требует отдать книги, его помощник задаёт вопросы о вырванных страницах, а Медичи просит посмотреть бумаги моего покойного мужа. Простите, если не тороплюсь открыть сундук перед первым мужчиной, который умеет произносить просьбу спокойным голосом.

Маттео откинулся чуть назад.

— Вы правы.

— Опять?

— Это начинает раздражать?

— Немного.

— Могу начать спорить из приличия.

— Не утруждайтесь.

Он снова посмотрел на бумагу.

— Этот знак вы видели в книгах?

Маттео указал на круг с несколькими линиями.

— Да. Возле нескольких заказов. Этот тоже. — Ливия коснулась символа, похожего на раскрытую ладонь. — Он встречался рядом с вещами, которые передавали через людей Пацци.

В мастерской стало тише.

Даже Марта перестала делать вид, что занимается своим узором.

— Вы уверены? — спросил Маттео.

— Не настолько, чтобы обвинять кого-либо. Но достаточно, чтобы задать вопрос.

— В книгах есть даты?

— Есть.

— За какой период?

— Несколько лет.

— До смерти вашего мужа?

— Разумеется.

Маттео медленно провёл пальцем вдоль края бумаги, не касаясь знаков.

— Я не знал имени Марко Бенчи до сегодняшнего дня.

Ливия смотрела внимательно.

— Проверили?

— После встречи на площади.

— Быстро.

— В городе несложно узнать о человеке, если знаешь, где спрашивать.

— Особенно если носишь вашу фамилию.

— Она помогает.

— И мешает?

Маттео поднял взгляд. Вопрос явно оказался неожиданным.

— Иногда.

— Сегодня на площади вы сделали вид, что никогда меня не встречали.

— Иначе на вас посмотрели бы внимательнее.

— Белланди уже смотрел.

— Я заметил.

— Пьетро Альбицци тоже.

— Его тоже.

— И Вентури.

На этот раз в лице Маттео произошла заметная перемена. Незначительная для человека, не наблюдавшего за ним внимательно. Но Ливия уже умела различать, когда улыбка исчезает не из-за усталости, а потому, что собеседник услышал важное имя.

— Вентури был на площади? — спросил он.

— Да.

— Он вас узнал?

— Поклонился.

Маттео помолчал.

— Что вы о нём знаете? — спросила Ливия.

— Достаточно, чтобы не открывать ему дверь ночью.

— Полезный совет. Я последовала ему заранее.

— Бернардо Вентури не городской стражник. Иногда исполняет поручения людей, предпочитающих не обращаться к закону. Он умеет выглядеть убедительно и редко действует без причины.

— Он связан с Белланди?

— Вероятно.

— Вы не уверены?

— Я не стану утверждать больше, чем знаю.

— Ночью он искал вас.

— Да.

— Потому что письмо оказалось у вас?

— Думаю, да.

— Откуда он узнал?

— Именно это пытаюсь понять.

Ливия посмотрела на знаки.

— Кто передал вам письмо?

Маттео качнул головой.

— Имя не назову.

— Человек жив?

Он ответил не сразу.

— Был жив, когда я видел его в последний раз.

— Ваша кровь на одежде принадлежала не только вам.

— Да.

— Вы ранили человека Вентури?

— Одного из людей, которые пытались меня остановить.

— Убили?

— Нет.

— Уверены?

— Да.

Слова почти повторяли ночной разговор. Однако теперь Ливия слышала их иначе. Перед ней сидел не случайный человек, вынужденный защищаться, а мужчина из дома Медичи, который сознательно участвовал в опасной игре и всё ещё пытался определить, сколько правды позволительно отдать женщине, оказавшейся втянутой в неё против воли.

— Письмо останется у меня, — сказала Ливия.

Маттео поднял глаза.

— Это опасно.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что вы до сих пор не объяснили достаточно.

— Я рассказал больше, чем собирался.

— Это ваше решение. Моё — не отдавать единственную вещь, из-за которой обе стороны считают нужным приходить в мою мастерскую.

— Обе?

— Белланди хочет книги. Вы хотите письмо. Пока не понимаю, кто из вас опаснее.

Маттео смотрел несколько мгновений. Затем неожиданно кивнул.

— Разумно.

— Вы слишком легко соглашаетесь.

— Потому что не собираюсь отнимать письмо силой.

— Очень великодушно.

— Нет. Просто вы правы: я уже один раз воспользовался вашим домом без разрешения.

Повторять ошибку не стану.

Ливия не ожидала этого ответа. Она приготовилась спорить, защищать бумагу, возможно даже потребовать, чтобы Маттео ушёл. Но сопротивления не последовало. Это обезоруживало сильнее давления.

— Однако прошу сделать копию, — добавил он. — Для меня.

— Я уже сделала.

На лице Маттео появилось настоящее удивление.

— Когда?

— Ночью.

— До того как узнали, кто я?

— Именно поэтому.

Марта тихо усмехнулась у стены.

— Я предупреждала.

Маттео посмотрел на Ливию иначе. Не как на женщину, которую требуется защитить от опасности, созданной его неосторожностью. И не как на ремесленницу, случайно нашедшую чужую вещь. Взгляд стал внимательнее и серьезнее.

— Можно увидеть копию?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она написана моей рукой. Я отдам вам письмо после того, как вы выполните мои условия.

— Какие?

Ливия сложила шёлк и вернула в карман. Бумагу оставила на столе ещё на несколько мгновений, словно хотела показать: разговор теперь происходит не вокруг просьбы Маттео, а вокруг правил, которые она собирается установить сама.

— Первое. Вы больше не используете мой дом и мастерскую как тайник без согласия.

— Согласен.

— Второе. Не оставляете деньги на столе и не присылаете людей с золотом, подарками или обещаниями покровительства.

— Я не собирался предлагать покровительство.

— Хорошо. Тогда отказаться будет легко.

— Согласен.

— Третье. Если узнаете, что мне, Лучии, Марте или девушкам угрожает опасность, говорите прямо. Не решаете за нас, следует ли нам знать.

Маттео помолчал.

— Иногда знание само по себе опасно.

— Эту фразу я уже слышала. От мужчин, которые считают, что имеют право выбирать опасность за других.

— Я не хотел...

— Хотели защитить. Понимаю. Но вы не знаете, чем я готова рискнуть. И не спросили.

Он смотрел на неё долго.

— Хорошо, — произнёс наконец. — Согласен.

— Четвёртое. Никаких людей возле мастерской без моего ведома.

— Людей?

— Охраны. Наблюдателей. Посыльных, которые будут считать, кто входит и выходит. Вы из дома Медичи. Не пытайтесь убедить, что такая мысль не приходила вам в голову.

Маттео едва заметно улыбнулся.

— Приходила.

— Вот видите.

— Но если возле вашего дома уже наблюдают люди Белланди...

— Тогда скажете мне и предложите решение. Не поставите своих людей так, будто мастерская перешла под вашу руку вместе с женщинами внутри.

— Согласен.

— Пятое. Расскажите всё, что узнаете о Марко.

Маттео перестал улыбаться.

— Даже если вам не понравится?

— Особенно если не понравится.

— Согласен.

— И последнее. Если хотите посмотреть книги, сначала объясните, какую именно вещь ищете.

— Пока не знаю.

— Тогда книги не увидите.

— Справедливо.

Ливия почувствовала странное раздражение от его спокойствия.

— Вы никогда не спорите, когда условия ставит женщина?

— Спорю часто.

— Почему сейчас нет?

Маттео немного откинулся назад и осторожно выпрямил левый бок. На мгновение боль всё-таки проявилась: короткая напряжённость возле губ, едва заметное движение плеча. Затем исчезла.

— Потому что условия разумны, — сказал он. — И потому что вы оказались в этой истории из-за меня.

— Не только из-за вас.

— Возможно. Но именно я принёс письмо в ваш дом.

— И оставили монету.

- Уже забрал.
- Хорошо.
- Вы всё ещё сердитесь?
- Да.
- Это тоже разумно.

Ливия почти улыбнулась, но удержалась.

- Не пытайтесь быть приятным.
- Я не пытаюсь.
- Тогда хуже.

На этот раз Маттео рассмеялся негромко. Смех заставил его поморщиться, и Ливия невольно посмотрела на бок.

- Рана открылась? — спросила она.
- Нет.
- Уверены?
- Вы снова собираетесь проверять перевязку?
- Нет.
- Жаль.

Слова прозвучали легко, почти шутливо, но между ними возникла пауза, слишком заметная для простого разговора. Маттео смотрел на неё без прежней иронии. Ливия почувствовала тепло, поднявшееся к лицу, и сразу разозлилась.

Марта громко положила ножницы на стол.

- Если вы закончили обсуждать раны, — сказала она, — возможно, вернёмся к письму. Ливия благодарно перевела взгляд на бумагу.

Маттео тоже стал серьёзнее.

- Мне нужна копия знаков, — сказал он. — Не обязательно ваша. Перепишу сейчас.
- Вы умеете держать перо лучше иглы?
- Значительно.
- Хорошо.

Ливия принесла лист бумаги, чернила и тонкое перо. Маттео придвинул подсвечник и начал переписывать знаки один за другим. Он работал быстро, но не торопливо. Рука двигалась уверенно. В отличие от шва в подкладке, линии ложились ровно, без колебаний. Несколько раз Маттео останавливался возле символов, словно вспоминал или сравнивал их с чем-то известным.

— Этот знак, — сказала Ливия, указывая на раскрытую ладонь, — встречался в книгах рядом с заказами, связанными с Пацци.

Маттео кивнул.

- Возможно, это не дом. Может быть, склад или посредник.
- Почему?
- Семейные знаки редко используют настолько прямо в сообщениях, которые могут перехватить.
- Но Белланди обозначен ключом.
- Вероятно, потому что ключ понимают только люди внутри сети. Для остальных это всего лишь рисунок.
- Значит, вы тоже не знаете шифра.
- Нет.
- Кто знает?
- Возможно, человек, передавший мне письмо.
- Которого вы не назовёте.
- Да.

— Удобно.

— Мадонна Бенчи, если назову его имя, опасность для него увеличится. А вам это пока ничего не даст.

— Вы снова решаете, что мне полезно.

Маттео отложил перо.

— Справедливо. Тогда скажу иначе. Я прошу позволить сохранить имя в тайне до тех пор, пока не пойму, можно ли доверять человеку, который передал письмо.

Ливия задумалась.

— Вы не уверены даже в нём?

— Нет.

— Тогда почему взяли?

— Потому что он сказал вещь, которую мог знать только человек, близкий к делу. И потому что через несколько минут появились люди Вентури.

— Возможно, именно он их привёл.

— Возможно.

— Вы живёте в удивительно приятном мире.

— Иногда завидую мастерицам.

Марта фыркнула.

— Не завидуйте тому, чего не знаете. В нашем мире люди тоже лгут, просто чаще из-за локтя ткани и нескольких флоринов.

Маттео кивнул.

— Вы правы.

Он закончил копировать письмо, подождал, пока чернила высохнут, и осторожно свернул лист.

— Оригинал останется у вас? — спросил он.

— Пока да.

— Спрячьте не в мастерской.

— Я сама решу.

— Разумеется.

— И не говорите таким голосом, будто уже выбрали лучший тайник.

В его глазах снова мелькнула улыбка.

— Постараюсь.

Ливия завернула письмо в серо-голубой шёлк и убрала во внутренний карман. Маттео смотрел на движение, но не просил снова. Это почему-то значило больше, чем его согласие на условия. Он действительно мог попытаться надавить, сослаться на опасность, на имя Медичи, на необходимость действовать быстро. Мог предложить столько золота, сколько мастерская не заработала бы за год. Мог вызвать людей и забрать письмо вместе с книгами Марко. Вероятно, не без последствий для собственной репутации, но всё же мог.

Он не сделал ничего.

Марта встала и убрала работу в корзину.

— Разговор закончен? — спросила она.

Маттео посмотрел на Ливию.

— Почти.

— Что ещё?

— Записка Белланди. Можно увидеть?

Ливия открыла ящик под счётной доской и достала льняную полоску с фразой о молчании. Иглу оставила внутри. Маттео прочитал, затем перевернул ткань и внимательно рассмотрел почерк.

— Не Белланди, — сказал он.

— Знаю.

— Откуда?

— Видела его расписки.

— Кто-то из помощников.

— Пьетро?

— Возможно. Он работает с Белланди недавно, но пользуется доверием.

— Насколько недавно?

— Около года.

— Фамилия Альбицци — не самая простая для помощника купца.

— Во Флоренции старое имя не всегда означает старые деньги. Некоторые ветви великих семей живут воспоминаниями дольше, чем достатком.

— И служат людям, способным платить.

— Иногда.

Маттео положил записку обратно.

— Иглу можно забрать?

— Зачем?

— Показать человеку, который разбирается в подобных знаках.

— Это просто игла.

— Возможно.

Ливия открыла ящик и достала обе. Одну — чистую, привязанную к записке. Вторую — с тёмным следом, оставленную возле порога. Маттео взял их осторожно, положил рядом и нахмурился.

— Что? — спросила Ливия.

— Они разные.

— Разумеется. Одна новая.

— Не только. Посмотрите на ушко.

Ливия наклонилась ближе. У первой иглы ушко было узким, вытянутым. У второй — чуть шире, с едва заметной насечкой возле края.

— И?

— Первая могла прийти от Белланди. Вторая — нет.

— Почему?

— Эти иглы делают для мастерских, работающих с плотной тканью. Насечка помогает удерживать нить. У Белланди есть поставщики, но его люди не выбрали бы такой знак случайно.

Ливия посмотрела внимательнее.

— Откуда вы знаете?

— Видел похожие.

— Где?

Маттео помолчал.

— Среди вещей человека, передавшего письмо.

В комнате снова стало тихо.

— Значит, первую иглу оставили не люди Белланди, — сказала Марта.

— Возможно, — ответил Маттео. — Или кто-то намеренно хотел, чтобы вы связали её с другой угрозой.

— С кровью.

— Да.

Ливия почувствовала, как история снова усложняется, хотя несколько минут назад ей казалось: первые нити наконец начинают выстраиваться.

— Чего от меня хотят? — спросила она.

Маттео посмотрел прямо.

— Пока не знаю.

— Не лучший ответ.

— Но честный.

— Постарайтесь найти другой быстро.

— Постараюсь.

Он поднялся. Медленнее, чем сел. Ливия заметила, как на одно короткое мгновение ладонь легла на край стола, помогая удержать равновесие.

— Вам нужен лекарь, — сказала она.

— Уже был.

— И велел ходить по ночам?

— Нет.

— Значит, вы плохо слушаете полезные советы.

— Иногда.

— Это семейное?

— В доме Медичи достаточно людей, чтобы найти почти любой порок.

Марта тихо хмыкнула.

Маттео накинул плащ. Возле двери остановился.

— Я выполню ваши условия, мадонна Бенчи.

— Все?

— Все, о которых мы договорились.

— И никаких людей возле мастерской без предупреждения.

— Предупрежу завтра утром.

Ливия нахмурилась.

— Что?

— Двое людей Белланди уже наблюдают за улицей.

— Откуда знаете?

— Один стоит возле таверны на углу почти каждый вечер. Другой появляется напротив ближе к полудню и слишком часто покупает ремни, которые ему не нужны.

Ливия вспомнила кожаную лавку и мужчину, задерживавшегося возле стойки. Она видела его, но не придавала значения. В городе всегда кто-то стоял, разговаривал, торговался, ожидал знакомого или прятался от дождя.

— Вы знали и молчали? — спросила она.

— Узнал сегодня.

— Что предлагаете?

— Пока ничего не менять. Если наблюдатели поймут, что их заметили, придут другие. Но утром пришлю человека, которого вы сможете узнать. Он не будет стоять возле двери и не войдёт без разрешения. Только передаст способ связаться со мной, если возникнет опасность.

Ливия хотела возразить, затем остановилась.

Он действительно предложил.

Не решил за неё.

— Хорошо, — сказала она. — Один человек. Только послание. Никакого наблюдения без разговора со мной.

— Согласен.

Маттео взялся за засов, но Ливия подошла первой и открыла дверь сама.

На улице было тихо. Угол дома скрывался в темноте. Возле таверны действительно горел свет, слышались голоса и смех. Невозможно было понять, кто пришёл выпить вина, а кто следил за дверью мастерской.

Маттео накинул капюшон.

- В следующий раз постучите так же, — сказала Ливия.
- Значит, следующий раз возможен?
- Вы должны сообщить, что узнаете о Марко.
- Разумеется.
- И забрать письмо, когда объясните достаточно.
- Постараюсь заслужить.
- Не преувеличивайте сложность. Достаточно говорить правду.
- Это сложнее, чем кажется.
- Для людей вашего круга?
- Для всех.

Он уже собирался выйти, но Ливия остановила:

— Сер Маттео.

Мужчина повернулся.

— Да?

— Больше никаких окон.

В полумраке она увидела улыбку.

— Если никто не будет пытаться убить меня, обещаю пользоваться дверью.

— Если кто-то снова попытается убить, выберите другой дом.

— Постараюсь устраивать свои неприятности более учтиво.

— Это всё, чего я прошу.

Маттео слегка поклонился и вышел.

Ливия закрыла дверь, задвинула засов и несколько секунд держала ладонь на холодном дереве. Снаружи шаги постепенно удалялись. Он шёл спокойно, не торопясь, словно обычный человек, возвращающийся домой после позднего разговора. Через минуту улица снова стала тихой.

Марта подошла ближе.

— Он красивый, — сказала она.

Ливия резко повернулась.

Старшая мастерица сохраняла совершенно невозмутимое лицо.

— Ты решила поддержать Лучию?

— Я просто называю очевидное.

— Это не имеет значения.

— Разумеется.

— Совершенно никакого.

— Конечно.

Сверху тихо скрипнула ступенька.

Ливия подняла глаза. На лестнице показалась Лучия. Она стояла в ночной рубашке, придерживая на плечах накидку, и смотрела на закрытую дверь с выражением человека, который пропустил важнейшую часть представления, но всё равно сумел услышать достаточно.

— Он ушёл? — спросила она.

— Ты должна была оставаться в комнате.

— Я оставалась. Почти всё время.

Марта вздохнула.

— В этом доме никто не умеет выполнять простые указания.

Лучия спустилась на несколько ступеней.

— Он действительно пришёл через дверь?

— Да, — ответила Ливия.

— Значит, способен учиться.

— Не делай поспешных выводов.

Лучия улыбнулась и исчезла наверху.

Марта вернулась к столу, начала убирать подсвечники и складывать ткани. Ливия помогала молча. Внутренний карман платья всё ещё хранил письмо. Книги Марко лежали под старыми вещами. Люди Белланди наблюдали за улицей. Пьетро Альбицци хотел узнать, сохранились ли все бумаги. Незвестный человек оставил у двери окровавленную иглу. Маттео де Медичи унёс копию знаков и обещал вернуться с частью правды.

Опасность никуда не исчезла.

Напротив, приобрела более ясные очертания.

Но изменилось другое.

В первый раз после смерти Марко мужчина вошёл в этот дом, уверенный, что может решить неудобство золотом, и ушёл с монетой в собственном кармане, приняв условия вдовы Бенчи.

Ливия посмотрела на закрытую дверь.

Через окно Маттео попал в её жизнь случайно.

Через дверь она впустила его сама.

И почему-то второе казалось значительно опаснее.

Глава 7. Шов, распоротый дважды

Утром Ливия проснулась раньше колоколов и некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к дому.

За окном ещё не начинался день. Небо оставалось серым, почти бесцветным, и только узкая полоска света проступала между ставнями, не позволяя окончательно поверить, что ночь закончилась. С улицы не доносилось ни скрипа телег, ни криков торговцев, ни голосов соседей, спешивших первыми набрать воду во дворе. Даже старые доски молчали, будто дом устал вместе с людьми и теперь ненадолго позволил себе отдохнуть.

Ливия не спала почти до рассвета.

После ухода Маттео она поднялась наверх, сняла платье, спрятала письмо в новом месте и легла, однако мысли продолжали двигаться быстрее, чем могла выдержать усталость. В памяти снова и снова возникал вчерашний разговор: кошель, положенный на стол с почти безупречной уверенностью; золотая монета, которую она вернула; спокойное выражение лица Маттео, когда он согласился на условия, не пытаясь ни рассмеяться, ни напомнить о собственной фамилии; короткая боль, мелькнувшая возле губ, когда он встал слишком резко; и улыбка в полумраке улицы после её требования больше не пользоваться окном.

Ливия сердилась на себя за то, что запомнила именно это.

Следовало думать о другом. О книгах Марко. О письме в серо-голубом шёлке. О знаках, которые невозможно прочесть. О людях Белланди возле таверны и кожевенной лавки. Об иглах, оставленных у двери. О Пьетро Альбицци, задававшим вопросы слишком осторожно для обычного помощника торговца. О Вентури, который называл себя защитником чужой безопасности и появлялся там, где требовалось заставить людей открыть дверь.

Но человеческая память редко подчинялась здравому смыслу. Она сохраняла не только полезное. Иногда — прежде всего не полезное.

Ливия повернулась на бок и посмотрела на окно.

Ставни оставались закрыты. Крючок стоял на месте. Тяжёлая занавесь неподвижно висела возле стены. Подоконник, вымытый после крови и дождя, выглядел совершенно обыкновенно. Если бы не едва заметная тёмная линия в трещине дерева, можно было решить, что никто никогда не забирался сюда снаружи, не оставлял мокрый плащ на полу и не сидел на сундуке с лицом человека, который привык скрывать боль за иронией.

Ливия поднялась.

Под кроватью стоял небольшой деревянный ящик, в котором прежде хранились запасные ленты и несколько старых платков. Теперь под двойным слоем ткани лежала полоска серо-голубого шёлка с письмом. Копию знаков она спрятала отдельно, между страницами счётной книги, которая касалась обычных домашних расходов и вряд ли привлекла бы человека, ищущего бумаги Марко. Это не было надёжной защитой. Если в дом войдут с настоящим обыском, найдут всё. Но Ливия хотя бы разделила вещи, чтобы одна находка не отдала чужим людям сразу все нити.

Она проверила ящик, хотя знала: никто не мог прикоснуться к нему за ночь. Затем закрыла, оделась и привела волосы в порядок. День обещал обычную работу. Именно поэтому требовал особой внимательности.

На лестнице скрипнула ступенька.

Лучия появилась в коридоре в накидке поверх ночной рубашки, с распущенными волосами и сонным лицом.

— Ты уже встала, — сказала она.

— Ты тоже.

— Я услышала шаги.

— Мои?

— На этот раз да.

В голосе сестры звучало едва заметное разочарование. Ливия посмотрела внимательнее.

— Ты ждала другого?

Лучия мгновенно оживилась.

— Нет.

— Лжёшь хуже, чем я.

— Я ничего не ждала. Просто вчера было... необычно.

— Вчера в мастерскую пришёл человек, связанный с опасной историей, забрал копию письма и сообщил, что за нашим домом наблюдают. Это не развлечение.

— Я понимаю.

— Не уверена.

Лучия прислонилась плечом к стене и некоторое время молчала.

— Он правда предложил деньги? — спросила она наконец.

— Да.

— Много?

— Достаточно.

— И ты отказалась.

— Да.

— Почему?

Вопрос прозвучал без осуждения, но не без искреннего любопытства. Лучия умела считать не хуже большинства людей в мастерской. Она знала цену хорошей нити, понимала, сколько дней работы заключено в одном золотом флорине, и слишком часто слышала разговоры о долгах, чтобы относиться к деньгам как к чему-то низкому или незначительному.

— Потому что не хотела однажды обнаружить, что он считает нас купленными, — ответила Ливия.

— Даже если сам так не думает?

— Люди его круга привыкли платить за удобство. Иногда не из злобы. Иногда потому, что искренне считают деньги самым честным способом уладить неприятность. Но если я приму золото сейчас, следующий разговор начнётся с того, что он уже сделал для нас. Потом появятся охрана, посредники, новые просьбы и уверенность, что Медичи вправе решать, что безопасно для вдовы Бенчи.

Лучия задумалась.

— Он согласился с твоими условиями?

— Слишком легко.

— Это плохо?

— Не знаю.

— Возможно, он просто умеет слушать.

Ливия посмотрела на сестру.

— Ты уже решила защищать человека, которого видела несколько мгновений на площади и несколько минут у двери?

— Я не защищаю. Только пытаюсь быть справедливой.

— Очень благородно.

— Кроме того, он красивый.

Ливия закрыла глаза.

— Я не должна была тебе рассказывать.

Лучия рассмеялась и убежала вниз прежде, чем старшая сестра успела ответить.

На кухне уже горел огонь. Марта ночевала в маленькой комнате возле лестницы и поднялась ещё раньше. Она стояла у очага, разогревая воду, и выглядела так, словно не сомкнула

глаз вовсе. Тёмные волосы были быстро собраны, рукава закатаны привычно высоко, на столе лежал хлеб, разрезанный на ровные куски. От внешнего спокойствия не исчезала усталость, заметная в складке между бровями.

— Сестра улыбается, — сказала Марта, не оборачиваясь. — Значит, либо ты сообщила ей хорошие новости, либо позволила придумать лишнее.

— Второе.

— Опасная ошибка.

— Уже понимаю.

Лучия села за стол.

— Я ничего лишнего не придумываю.

— Ты родилась с этим умением, — отозвалась Марта. — Было бы странно не пользоваться.

Ливия налила себе воду и отпила несколько глотков.

— Нужно начинать раньше. Сегодня должны привезти внутренние ткани для покрывала и окончательное решение по рисунку.

Марта кивнула.

— Нера обещала прийти к первому колоколу. Джулия — почти к первому, что в её случае означает не позднее второго.

— А ты останешься ещё на ночь? — спросила Лучия.

— Посмотрим.

— Маттео сказал, что возле улицы стоят люди Белланди.

Марта медленно повернулась к Ливии.

— Ты уже рассказала?

— Не всё.

— Но достаточно, чтобы она не вышла вечером одна.

Лучия нахмурилась.

— Я и прежде не гуляла одна по ночам.

— Отлично. Значит, впервые в жизни твои привычки совпали с разумными требованиями.

После завтрака Ливия открыла мастерскую раньше обычного. Улица только начинала оживать. Возле таверны на углу двое мужчин разгружали бочонки, хозяин кожанной лавки напротив выставлял деревянную стойку, а его ученик с сонным лицом выносил ремни и сумки. Воздух оставался холодным, от камней тянуло влажностью, в канаве возле стены блестела тонкая полоска воды.

Ливия остановилась у двери, будто проверяла петлю засова, и посмотрела внимательнее.

Мужчина, о котором говорил Маттео, действительно стоял возле кожанной лавки.

Она замечала его раньше, но ни разу не запомнила лица. Среднего роста, в коричневом плаще, с коротко подстриженной бородой. Он рассматривал ремни, время от времени поднимал один из них, проверял пряжку и возвращал на место. Хозяин лавки разговаривал с ним без особого интереса, словно посетитель приходил не впервые и уже успел утомить привычкой долго выбирать и ничего не покупать.

Ливия отвела взгляд.

Не хотелось выдавать, что предупреждение Маттео оказалось полезным. Ещё меньше хотелось признавать: до его слов она могла неделями видеть одного и того же человека возле дома, не задавая вопросов.

— Заметила? — тихо спросила Марта.

Она стояла позади.

— Да.

— Что будем делать?

— Ничего. Пока.

Марта посмотрела на мужчину через плечо Ливии.

— Мне не нравится бездействие.

— Если он поймёт, что раскрыт, придёт другой. Возможно, менее заметный.

— Маттео сказал то же самое?

— Почти.

— Значит, ты уже говоришь как Медичи.

Ливия повернулась.

— Не произноси такое даже в шутку.

Марта усмехнулась.

— Хорошо.

Они впустили первых девушек, разложили ткани и занялись работой. Утро шло спокойно. Нера появилась вовремя и сразу села исправлять один из краёв. Джулия опоздала совсем немного, что Марта отметила с таким удивлением, будто стала свидетельницей чуда. Лучия работала возле окна, переносила часть рисунка на бумагу и время от времени поглядывала на улицу, хотя после двух замечаний старалась делать это менее очевидно.

Первые два часа прошли без посетителей.

Затем возле двери остановилась небольшая повозка.

Лошадь фыркнула, колёса с тяжёлым скрипом вошли в неглубокую лужу, и кто-то снаружи раздражённо приказал мальчику держать ящик ровнее. Ливия подняла голову. Марта отложила иглу.

В мастерскую вошёл пожилой слуга в тёмной одежде без герба. Его сопровождали двое молодых работников, несших длинный свёрток, завёрнутый в грубую защитную ткань. Следом появился мальчик из дома Торнабуони с письмом в руке.

— Мадонна Бенчи, — сказал он, поклонившись. — Мадонна Катерина передаёт приветствие и просит принять внутренние ткани. Семья утвердила рисунок.

Ливия взяла письмо.

Печать выглядела знакомо. Она сломала воск и быстро прочитала несколько строк. Катерина благодарила за представленные образцы, сообщала, что семья выбрала более насыщенный вариант с увеличенным гербом Пацци, однако просила сохранить свободный край хотя бы по сторонам покрывала. Внизу отдельно указывалось: часть ткани для внутренней отделки доставляется из дома невесты и должна быть использована без замены, поскольку семья желает сохранить один из старых шёлковых слоёв, принадлежавших матери Фьоретты.

Ливия перечитала последнюю фразу.

— Что именно вы привезли? — спросила она у пожилого слуги.

— Старое покрывало и несколько внутренних отрезков, мадонна. Так распорядилась мать невесты. Верхнюю часть следует заменить, край — украсить заново, но подкладку сохранить, где возможно.

— Почему?

Слуга пожал плечами.

— Семейная вещь.

Ответ не объяснял ничего и одновременно казался вполне естественным. Богатые дома хранили ткани долго. Хороший шёлк стоил слишком дорого, чтобы выбрасывать его только потому, что мода изменилась. Покрывала, занавеси, праздничные одежды и элементы приданого переходили от матери к дочери, переделывались, распарывались, обрастали новыми узорами и чужими воспоминаниями. Иногда старую вещь сохраняли из бережливости. Иногда — из привязанности. Иногда — потому, что ткань сама по себе напоминала о положении семьи сильнее любого нового заказа.

— Положите на большой стол, — велела Ливия.

Работники осторожно опустили свёрток. Защитная ткань была перевязана в трёх местах. Узлы затянули туго, но не слишком сложно. Марта помогла развязать первый, Лучия — второй. Нера и Джулия перестали работать и смотрели с тем интересом, который неизменно вызывала чужая роскошь, даже если она прибывала в мастерскую выцветшей и требующей ремонта.

Под грубой оболочкой обнаружилась ещё одна ткань, более тонкая. Затем показался край старого покрывала.

Когда-то оно, вероятно, было великолепным. Теперь тёмно-красный бархат местами выцвел, золотая вышивка потускнела, на одном углу виднелся след старого ремонта, а тяжёлая бахрома нуждалась в полной замене. Но качество работы всё равно оставалось очевидным. Цветы и ветви располагались свободнее, чем на большинстве современных заказов. Узору не требовалось доказывать богатство каждого стежка. Он просто существовал, уверенный в собственной ценности.

Лучия осторожно провела рукой возле края, не касаясь.

— Красиво.

— Было красиво, — сказала Марта. — Теперь придётся работать.

— Можно сохранить часть старой вышивки, — заметила Ливия. — Здесь и здесь. Верхний край заменить полностью. Внутренний слой проверить. Бахрому снять.

Пожилой слуга стоял у двери и ждал.

— Есть ещё распоряжения? — спросила Ливия.

Он помедлил.

— Мадонна Серафина Манчини просила сказать: внутренний шов следует закрыть так же, как прежде.

Ливия подняла голову.

— Как именно?

— Не знаю, мадонна. Мне велели передать слова.

— Кто велел?

— Управляющий дома Манчини.

— Он видел покрывало?

Слуга снова пожал плечами.

— Вероятно.

— Как его имя?

— Бенедетто Рози.

Ливия запомнила.

— Передайте, что сначала я осмотрю ткань. Если старый шов подходит для новой работы, сохраню. Если нет — сделаю так, как требует вещь.

Слуга нахмурился. Не сердито, скорее растерянно. Он явно ожидал более простого ответа.

— Мне велели сказать именно так: закрыть как прежде.

— Вы сказали. Я услышала.

— Значит, согласны?

— Значит, осмотрю ткань.

Марта бросила на Ливию быстрый взгляд.

Слуга помолчал, затем поклонился.

— Передам.

Мальчик Торнабуони остался ещё на несколько мгновений.

— Мадонна Катерина просила прислать образец края через три дня, — сказал он. — Если это возможно.

— Возможно.

— И ещё спрашивала, получили ли вы всё необходимое.

Ливия посмотрела на старое покрывало.

— Передай: получила. После осмотра сообщу, если возникнут вопросы.

Мальчик кивнул и вышел вместе с остальными. Колёса повозки снова заскрипели по камням. Лошадь недовольно фыркнула. Через минуту улица вернулась к обычному шуму.

Марта подошла к двери и задвинула засов.

— Среди дня? — спросила Лучия.

— Пока осмотрим вещь без новых посетителей.

Нера и Джулия переглянулись.

Ливия заметила.

— Возвращайтесь к работе, — сказала она. — Покрывало займёт большой стол. На образцы времени не стало больше.

Девушки подчинились, хотя явно хотели остаться. Лучия тоже не отходила. Она смотрела на старую ткань внимательно, уже понимая: слова слуги привлекли внимание не только Марты и Ливии.

— «Закрыть так же, как прежде», — повторила она тихо. — Что это значит?

— Возможно, ничего, — ответила Ливия.

Марта сняла защитный слой и начала осматривать край.

— А возможно, именно то, что прозвучало.

Ливия подошла к столу. Нельзя было позволить тревоге превратить каждую складку в заговор. Старинное покрывало действительно переделывали прежде. На подкладке оставались швы разных лет, некоторые аккуратнее других. Одна часть края была заменена, затем снова укреплена. Следы ремонта находились почти на каждом углу. Для вещи, переходившей между женщинами одной семьи, это не представляло ничего необычного.

Но теперь Ливия смотрела иначе.

Она провела пальцами вдоль нижнего края, проверяя натяжение ткани. Бархат был тяжёлым, подкладка — плотной и многослойной. Некоторые участки хранили старую мягкость, другие стали жёстче из-за времени, пыли и многочисленных стежков. Возле одного угла пальцы наткнулись на неровность.

Ливия остановилась.

— Что? — спросила Марта.

— Не знаю.

Она подняла край и перевернула покрывало внутренней стороной вверх. На первый взгляд подкладка выглядела обычной: светлая ткань, немного пожелтевшая от времени, несколько укрепляющих полос, старый ремонт возле центра. Но внизу проходил узкий шов, слишком ровный по сравнению с остальными. Нить почти сливалась с тканью. Человек, не работавший ежедневно руками, едва ли заметил бы отличие.

Ливия заметила.

Шов был правильным.

Именно это насторожило сильнее всего.

Ремонтировали ткань в разное время, разные мастерицы, с различной степенью терпения. Где-то стежки становились длиннее, где-то плотнее, в одном месте край слегка стянулся. Но эта линия сохраняла почти безупречный ритм, словно её делал человек, которому важно было не просто соединить два слоя, а оставить возможность открыть и закрыть их снова.

— Ножницы, — сказала Ливия.

Марта подала маленькие, с тонкими концами.

— Здесь что-то есть? — спросила Лучия.

— Сначала посмотрим.

Ливия поддела один стежок.

Нить натянулась и легко поддалась. Слишком легко. Её не закрепили так, как закрепляют настоящий внутренний шов, который должен выдерживать вес тяжёлой ткани. Узел находился ближе к краю и был спрятан аккуратно, но не глубоко. Его можно было распустить за несколько мгновений и затем завязать снова.

Ливия разрезала нить.

Провела пальцем вдоль края.

Несколько стежков вышли почти сами.

Подкладка раскрылась.

Внутри обнаружился узкий карман.

Он был вшит между слоями ткани настолько искусно, что не создавал заметной толщины. Полоска тонкого, но прочного шёлка образовывала вытянутое пространство, достаточно широкое для сложенного письма и достаточно узкое, чтобы не изменить движение покрывала. Один край кармана оставался закрытым. Другой выходил прямо к шву, который можно было распустить и восстановить за несколько минут.

Карман был пуст.

Ливия смотрела на него, не двигаясь.

Рядом тихо выдохнула Лучия.

— Это тайник.

— Похоже, — сказала Марта.

Она говорила спокойно, но лицо стало серым.

Ливия провела пальцами по внутреннему краю. Ткань была тоньше, чем подкладка, и значительно новее основного покрывала. Её добавили не во время первого изготовления вещи. Вероятно, позднее. Возможно, несколько лет назад. Возможно, совсем недавно.

— Это не случайный ремонт, — сказала Ливия.

— Нет.

— И не место для запасной нити.

— Нет.

Лучия подошла ближе.

— Там было письмо?

— Сейчас нет.

— Тогда зачем привезли пустой карман?

Ливия посмотрела на неё.

Именно этот вопрос требовал ответа.

Покрывало доставили в мастерскую Бенчи не только ради обновления вышивки. Кто-то заранее распорядился сохранить внутренний шов. Слуге велели повторить фразу дословно. Карман оставили пустым, словно ожидали, что здесь появится новое послание. Или, наоборот, хотели получить то, что мастерская должна была извлечь, прочитать и заменить.

Марта коснулась края ткани.

— Шов распарывали недавно.

— Почему ты так думаешь? — спросила Лучия.

— Нить не успела выцвести вместе с подкладкой. И посмотри здесь.

Она указала на маленькое отверстие возле края. Рядом находились ещё два прокола, почти совпадавшие с текущей линией, но не полностью.

— Шили несколько раз, — сказала Ливия.

— Да. Сначала здесь. Потом чуть выше. Потом вернулись к прежней линии.

— Карман использовали не один раз.

Марта кивнула.

Лучия провела ладонью по лицу.

— Значит, Марко...

Она не закончила.

Ливия не ответила сразу. Внутри поднялось знакомое раздражение, но теперь оно смешивалось с более тяжёлым чувством. В последние дни она постоянно находила новые доказательства того, что мастерская существовала в двух видах. Первая была её домом и делом: столы, ткани, женщины, счета, усталость, редкая радость от хорошего заказа. Вторая скрывалась внутри первой, как карман между слоями подкладки. Через неё двигались письма, знаки, чужие поручения и люди, которых Ливия никогда не видела. Марко знал об этой второй мастерской. Возможно, сам помог её создать. Возможно, убедил себя, что это всего лишь способ выжить.

— Он мог не делать карман сам, — сказала Лучия.

— Мог, — ответила Ливия.

— Возможно, покрывало распарывали до того, как оно впервые попало сюда.

Марта покачала головой.

— Этот способ закрывать внутренний край использовал Марко.

Ливия посмотрела на неё.

— Откуда знаешь?

— Он всегда так закреплял подкладку на тяжёлых вещах. Не потому, что это лучший способ. Просто привык. Посмотри на двойной узел у края. И на короткий обратный стежок перед ним. Я ругалась с ним много раз. Говорила, что узел следует прятать глубже. Он отвечал: если понадобится переделать, распарывать будет проще.

— Значит, это его работа.

Марта не отвела взгляд.

— По крайней мере, последний шов делал он. Или человек, которого он научил.

Тишина стала плотнее.

В соседней комнате продолжали работать девушки. Ножницы щёлкали, Нера что-то тихо спросила, Джулия ответила. Обычные звуки мастерской казались почти невозможными рядом с пустым карманом, раскрытым на старой подкладке.

Ливия осторожно раздвинула ткань шире.

На дне тайника лежало что-то маленькое.

Не письмо. Всего лишь тонкая нить тёмно-синего цвета, застрявшая в углу. Возможно, остаток прежнего шва. Возможно, обрывок от свёртка, который хранился внутри.

Она достала нить и положила на ладонь.

— Узнаёшь? — спросила Марта.

— Хороший шёлк. Не местный.

— Венецианский?

— Возможно.

Ливия провела пальцами по волокну. Нить была слишком тонкой для укрепления подкладки и слишком тёмной для светлого внутреннего слоя. Она могла попасть внутрь вместе с письмом, перевязанным узкой лентой, или с тканью, в которую заворачивали записку.

Серо-голубой шёлк Маттео всплыл в памяти мгновенно.

Не тот же цвет.

Но похожее качество.

— Закрой дверь в соседнюю комнату, — сказала Ливия Лучии.

Сестра посмотрела внимательно, но подчинилась. Когда занавесь между помещениями опустилась, голоса девушек стали тише.

— Нужно проверить всё покрывало, — сказала Марта.

— Да.

Они начали осмотр с нижнего края.

Работа требовала терпения. Ткань была тяжёлой. Чтобы перевернуть её полностью, пришлось освободить второй стол и перенести часть материалов к окну. Лучия помогала осторожно, стараясь не тянуть старый бархат. Марта проверяла углы, Ливия — длинные внутренние швы. Они двигались медленно, пальцами ощущая каждую неровность и каждый участок, где слои прилегали друг к другу чуть менее плотно.

Второго кармана не оказалось.

Но следы прежних распариваний нашлись ещё в двух местах. На одном участке нить была заменена, на другом сохранились проколы от старой линии. Покрывало открывали не один и не два раза. Возможно, использовали годами.

Ливия выпрямилась и почувствовала боль в спине.

— Это не случайная вещь, — сказала она. — Кто-то выбрал именно её.

— Семейное покрывало, которое переходит между домами, — произнесла Марта. — Никто не удивляется, если его везут на ремонт. Никто не спрашивает, почему мастерская возвращает ткань слуге. Хороший способ передавать бумаги.

— Через приданое?

— Через любые заказы. Покрывала, занавеси, плащи, подкладки сундуков.

Лучия смотрела на раскрытый карман.

— И Марко соглашался?

Марта устало села на край скамьи.

— Поначалу мог считать, что передаёт счета или частные письма. Богатые люди не любят, когда слуги читают их записи. Использовать ткань как тайник не преступление само по себе.

— Но потом понял.

— Вероятно.

— И продолжил?

— Вероятно.

Марта говорила осторожно, словно каждое слово требовало признать собственную вину. Ливия видела это и не знала, что чувствовать. Злость на Марко смешивалась с жалостью к человеку, который уже не мог объяснить, где закончилась глупость и начался страх. Злость на Марту — с пониманием: старшая мастерица тоже жила внутри системы, которую видела лишь частично. Возможно, догадывалась о большем, но не знала масштаба. Возможно, не хотела знать.

— Почему карман пустой? — спросила Лучия.

Ливия посмотрела на письмо Катерины Торнабуони, лежавшее на столе.

— Возможно, ждут, что мы положим внутрь новое послание.

— Какое?

— То, которое кто-то принесёт позже.

— Или то, которое уже должно быть у нас, — сказала Марта.

Ливия почувствовала холод.

— Книги Марко.

— Может быть.

— Нет. Книги слишком большие.

— Страница. Записка. Копия.

— Или ответ, который Марко всегда вкладывал сам, — добавила Лучия.

Они замолчали.

Мысль была простой и неприятной. Человек, отправивший покрывало, мог не знать, что Марко умер два года назад. Или знал, но считал, что после его смерти дело продолжает вдова. Возможно, Белланди именно поэтому так быстро появился после заказа. Не только из-за старых книг. Он ожидал увидеть, понимает ли Ливия прежние правила. Откроет ли карман. Найдёт ли тайник. Дождётся ли послания. Станет ли покорно выполнять то, что делал Марко.

— Слуга сказал закрыть шов как прежде, — напомнила Марта.

— Да.

— Не вложить письмо. Не передать ответ. Только закрыть.

— Возможно, сообщение должны принести отдельно.

— Или уже принесли, — сказала Лучия.

Ливия посмотрела на неё.

Сестра побледнела, но продолжила:

— Игла. Записка Белланди. Полоска шёлка от Маттео. Старые книги. Может быть, кто-то считает, что мы должны понять без прямых слов.

— Слишком много вариантов, — сказала Ливия.

— И все плохие, — ответила Марта.

Ливия подошла к окну. Мужчина в коричневом плаще всё ещё стоял возле кожаной лавки. Теперь он разговаривал с хозяином и держал в руках узкий ремень. Ничего подозрительного. Обычный покупатель, выбирающий вещь слишком долго. Но после слов Маттео обычность выглядела частью маскировки.

— Не смотрите прямо, — сказала Ливия.

Лучия и Марта остались у стола.

— Наблюдатель всё ещё там? — спросила старшая мастерица.

— Да.

— Видел доставку?

— Разумеется.

— Значит, знает, что покрывало внутри.

Ливия закрыла ставню чуть сильнее, уменьшая щель.

— Он должен увидеть обычный рабочий день.

— А карман?

— Закроем.

Марта подняла глаза.

— Снова?

— Да.

— Не вложив ничего?

Ливия задумалась.

Если закрыть пустой карман, человек, ожидавший послания, получит отсутствие ответа. Это могло вызвать новую угрозу. Если вложить бумагу, не понимая правил, можно выдать больше, чем хотелось. Если оставить шов открытым, станет ясно: мастерская обнаружила тайник и не желает продолжать старую игру.

Каждое решение означало сообщение.

Даже молчание.

Она вспомнила слова Белланди: молчание сохраняет дом лучше крепкого засова. Возможно, предупреждение относилось не только к разговорам с чужими людьми. Возможно, ей предлагали продолжить прежнюю роль мастерской: принимать вещи, не спрашивать, что скрывается внутри, зашивать швы и сохранять видимость обычной работы.

— Закроем так, как прежде, — сказала Ливия. — Пустым.

Марта нахмурилась.

— Почему?

— Потому что пока не знаем, кому предназначен карман и кто ждёт ответ. Если вложим что-либо, сами войдём в игру. Если оставим открытым, покажем страх. Пустой шов скажет только одно: вещь осмотрели и вернули без послания.

— Это тоже ответ.

— Да.

— Кому?

— Узнаем по тому, кто придёт спрашивать.

Марта долго смотрела на неё.

— Ты начинаешь думать как торговец.

— Я веду мастерскую.

— Нет. Как человек, который хочет заставить другого сделать следующий шаг.

Ливия не ответила.

Возможно, Марта была права. Несколько дней назад она предпочла бы немедленно избавиться от опасной вещи. Теперь понимала: отступление не освободит мастерскую. Старые нити уже проходили через её дом. Люди Белланди знали об этом. Маттео тоже начал догадываться. Если Ливия просто выбросит письмо, сожжёт книги и откажется от заказа, неизвестность останется. Только лишит её возможности понять, кто именно считает вдову Бенчи частью чужой сети.

— Нужно позвать Маттео, — сказала Марта.

Ливия повернулась.

— Зачем?

— Он обещал сообщать то, что узнает. Мы тоже должны сообщить о тайнике.

— Не обязаны.

— Ты сама поставила условие: если опасность касается мастерской, он говорит прямо.

Это работает в обе стороны.

— Не хочу отдавать ему каждую находку немедленно.

— Тогда не отдавай. Но покажи карман.

Лучия смотрела с заметным интересом.

— Он оставил способ связаться?

Ливия вспомнила последние слова Маттео у двери: утром пришлю человека, которого вы сможете узнать.

— Ещё нет.

Словно в ответ на эту фразу, с улицы донёсся стук.

Не уверенный и спокойный, как у Маттео. Не аккуратный, как у Белланди. Один короткий удар, затем второй.

Все трое замерли.

Ливия подошла к двери.

— Кто?

— Послание для мадонны Бенчи, — ответил молодой голос.

Она приоткрыла створку, оставив цепь на месте.

На пороге стоял подросток лет шестнадцати. Худой, в простом сером плаще, с корзиной хлеба под мышкой. Его лицо казалось знакомым, хотя Ливия не сразу поняла почему. Затем вспомнила: мальчик несколько раз появлялся возле таверны на углу, помогал разгружать бочки или приносил корзины из пекарни. Один из тех людей, которых улица видит ежедневно и почти не замечает.

— От кого? — спросила Ливия.

Он не назвал имя. Вместо этого протянул небольшой кусок плотной бумаги, сложенный вдвое.

— Просили передать лично.

Ливия взяла.

Внутри находился простой рисунок: три короткие линии, пересечённые одной длинной, и адрес маленькой лавки возле рынка. Ни подписи. Ни имени. Ни печати. Внизу — два слова: «До полудня».

— Кто просил?

— Человек, которому вы вчера велели пользоваться дверью.

Марта тихо фыркнула позади.

— Он сам придёт? — спросила Ливия.

— Нет, мадонна. Если потребуется передать слово, оставьте бумагу у хозяина лавки. Скажите, что выбираете тёмно-синюю нить. Этого достаточно.

— А если мне потребуется срочно?

Мальчик кивнул в сторону соседнего дома.

— Возле таверны бывает разносчик воды по имени Тонино. Передайте ему любую монету и скажите, что вода слишком холодная. Он найдёт меня.

— Маттео поставил людей возле улицы?

Подросток посмотрел прямо.

— Мне велели передать только способ связаться.

— Ответ разумный.

— Другого не знаю.

Ливия ещё несколько секунд наблюдала за ним. Мальчик держался спокойно, но без той уверенности, которую демонстрировали люди Белланди. Он явно хотел уйти быстрее, однако не торопился настолько, чтобы привлечь внимание.

— Как тебя зовут?

— Сандро.

— Ты работаешь у Медичи?

Он едва заметно улыбнулся.

— Я разношу хлеб.

— Разумеется.

Ливия закрыла дверь.

Лучия выглядела почти восхищённой.

— Тёмно-синяя нить.

— Не начинай, — сказала Ливия.

— Это красиво.

— Это способ передать послание.

— Одно не исключает другого.

Марта подошла ближе и посмотрела на листок.

— Лавка возле рынка. Удобно.

— Слишком удобно, — ответила Ливия.

— И что будешь делать?

Она посмотрела на раскрытый карман.

— Передам слово.

— Сейчас?

— После того как закончим осмотр. Нера и Джулия не должны ничего заметить.

Лучия подняла подбородок.

— Я могу сходить.

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек Белланди стоит напротив и видел доставку. Если сразу после неё ты побежишь к рынку, он заметит.

— А если пойдёшь ты?

— Тоже заметит.

Марта задумалась.

— Тогда я.

Ливия покачала головой.

— Ты всю неделю почти не отходила от мастерской. Он запомнил.

— Нера?

— Нет. Не втягиваем девушек.

— Значит, никто.

Ливия посмотрела на письмо Катерины Торнабуони, затем на список материалов возле счётной книги.

— Пойдём через час. Все трое.

Марта нахмурилась.

— Зачем?

— Купить нити. Это обычное дело после доставки тканей. Выберем несколько оттенков, заглянем в две лавки, поторгуюемся. Возле рынка зайдём туда, куда указал Маттео. Человек напротив увидит ровно то, что ожидает увидеть от мастериц после получения большого заказа.

— А мастерская?

— Останется Лучия с девушками.

Сестра сразу возразила:

— Я хочу с вами.

— Именно поэтому останешься.

— Это несправедливо.

— Это разумно. Кто-то должен вести работу и принимать посетителей. Если придёт человек от Манчини, скажешь, что мы выбираем материалы.

Лучия скрестила руки.

— Ты только что сказала, что не хочешь, чтобы Маттео решал за нас из соображений безопасности.

— Я не Маттео.

— Очень удобное различие.

Марта кашлянула, скрывая улыбку.

Ливия посмотрела на сестру строго.

— Останешься.

Лучия вздохнула.

— Хорошо. Но потом расскажете всё.

— Всё, что можно.

— Это снова означает не всё.

— Именно.

Они закрыли карман почти так же, как он был закрыт до осмотра. Ливия использовала новую нить, но выбрала оттенок, совпадавший со старым настолько точно, насколько позволяли материалы мастерской. Восстановила двойной узел у края, сделала короткий обратный стежок и оставила линию достаточно аккуратной, чтобы человек, знавший прежний способ, не заметил вмешательства сразу. Однако полностью копировать работу Марко не стала. Один из стежков положила чуть иначе. Не ошибка. Скорее знак для себя самой: шов распарывали дважды, и второй раз решение принимал уже другой человек.

Марта наблюдала.

— Ты намеренно изменила край.

— Немного.

— Зачем?

— Чтобы понять, смотрит ли кто-нибудь внимательно.

— Если заметят?

— Значит, карман действительно важен.

Они накрыли покрывало защитной тканью и вернулись к обычным столам. Когда занавесь в соседнюю комнату открылась, Нера и Джулия подняли головы почти одновременно.

— Старое покрывало можно спасти? — спросила Нера.

— Можно, — ответила Ливия. — Но работы больше, чем ожидалось.

— Семья доплатит?

— Придётся убедить.

Джулия посмотрела на тяжёлый свёрток с лёгкой тревогой.

— Оно очень старое?

— Достаточно.

— Говорят, вещи сохраняют память.

Марта фыркнула.

— Ткани сохраняют пыль, запахи и следы плохого ремонта. Остальное люди придумывают сами.

— Но иногда, — продолжила Джулия, — старое платье словно помнит человека.

— Тогда надеюсь, покрывало помнит женщину, которая вовремя платила мастерицам.

Девушки рассмеялись. Напряжение немного ослабло.

Через час Ливия, Марта и Лучия всё-таки вышли вместе. Сестра добила своего не спором, а простым доводом: если три женщины ежедневно работают с тканями и должны выбрать нити для крупного заказа, её отсутствие выглядело бы страннее присутствия. Оставить мастерскую поручили Нере и Джулии с указанием никому не отдавать старое покрывало и не впускать посетителей дальше передней комнаты.

Улица стала шумнее. Мужчина в коричневом плаще больше не стоял возле кожаной лавки. Теперь он находился возле таверны, держал чашу и разговаривал с хозяином. Когда Ливия вышла, взгляд скользнул по трём женщинам и задержался на корзине в руках Марты.

Ничего необычного.

Они направились к рынку.

Лучия шла рядом и действительно обсуждала нити достаточно громко, чтобы разговор слышали случайные прохожие.

— Для гранатовых ветвей нужен тёмный красный, — говорила она. — Не винный. Винный потеряется рядом с золотом.

— Зависит от основы, — отвечала Марта. — Если бархат останется таким тёмным, яркий красный будет кричать.

— Иногда это нужно.

— На ткани — реже, чем тебе кажется.

Ливия слушала вполуха. Она не оглядывалась. Не хотела знать, идёт ли за ними наблюдатель. Если идёт, всё равно увидит три мастерицы, занятые обычным делом. Если нет — тем лучше.

Они посетили первую лавку, затем вторую. Ливия действительно выбрала несколько оттенков, поспорила о цене, проверила качество нити на ощупь и отказалась покупать один моток, несмотря на уверения торговца, что лучшего цвета не найти во всей Флоренции. Только после этого направились к маленькой лавке возле рынка, указанной на бумаге Маттео.

Там продавали нитки, иглы, ленты и дешёвые ткани для повседневной работы. Хозяин, сухой пожилой человек с густыми бровями, сидел за прилавком и пересчитывал монеты.

— Нужна тёмно-синяя нить, — сказала Ливия.

Он поднял глаза.

— Какая именно?

— Та, которую редко выставляют на свет.

Хозяин не изменился в лице. Только положил монеты в ящик.

— Подождите.

Он ушёл в заднюю часть лавки и вернулся через минуту с небольшой деревянной катушкой. Нить действительно была тёмно-синей, почти чёрной. Хорошей, тонкой, ровной.

— Подойдёт? — спросил он.

Ливия взяла катушку.

— Возможно. Мне нужно передать, что старое свадебное покрывало из дома Манчини привезли в мастерскую. В подкладке обнаружен пустой карман для письма. Шов уже распарывали прежде. Не один раз.

Хозяин смотрел спокойно.

— Кому передать?

— Человеку, который вчера пришёл через дверь.

В уголках губ старика мелькнуло почти незаметное выражение.

— Передам.

— Скажите, что карман закрыт пустым. И что я хочу знать, видел ли он подобное раньше.

— Хорошо.

Ливия положила на прилавок несколько монет.

— За нить.

— Она не продаётся.

— Тогда зачем принесли?

— Чтобы вы не ушли с пустыми руками.

— Я не принимаю подарков от Медичи.

Лучия тихо кашлянула. Марта отвернулась к полке, но плечи едва заметно дрогнули.

Хозяин посмотрел внимательнее, затем назвал цену. Разумную. Ливия заплатила, убрала катушку в корзину и вышла.

На улице Лучия некоторое время молчала.

— Ты действительно решила не принимать от него ничего, — сказала она наконец.

— Да.

— Даже нитку.

— Особенно нитку. С неё всё начинается.

Марта посмотрела на Ливию.

— Не думала, что когда-нибудь услышу эту фразу буквально.

Они вернулись в мастерскую без происшествий. Мужчина в коричневом плаще снова оказался возле кожаной лавки. Теперь в его руках находился новый ремень. Возможно, он наконец решил купить вещь, которую выбирал несколько дней. Возможно, просто менял предлог.

Нера открыла дверь сразу.

— Приходил человек, — сказала она.

Ливия остановилась.

— Кто?

— Не назвался. Спросил, получили ли покрывало.

— Как выглядел?

— Молодой. В сером плаще. Не тот мальчик, который привозил письмо от мадонны Катерины.

— Что ещё хотел?

Нера помедлила.

— Спросил, сохранился ли внутренний край.

Марта и Ливия обменялись взглядами.

— Что ты ответила? — спросила Ливия.

— Что не знаю. Сказала, вы осматриваете ткань и вернётесь позже.

— Он вошёл?

— Нет. Я не пустила.

— Хорошо.

— Он оставил что-нибудь?

Нера протянула узкую полоску белой ткани.

— Только это. Сказал передать хозяйке.

Ливия взяла.

На ткани не было ни письма, ни печати, ни заметного знака. Только один короткий стежок тёмно-синей нитью.

Точно такой же оттенок лежал в корзине, купленный несколько минут назад в лавке Маттео.

Лучия увидела и побледнела.

— Это от него?

Ливия провела пальцем по нити.

Стежок был аккуратным. Сделан рукой человека, который умел работать с тканью значительно лучше Маттео. Нить закрепили правильно, без лишних узлов.

— Нет, — сказала она.

Марта подошла ближе.

— Уверена?

— Послание от Маттео ещё не могло прийти. Мы только что передали слово.

— Тогда что означает синий цвет?

— Не знаю.

Ливия положила полоску на стол рядом с катушкой.

Два одинаковых оттенка.

Один — из лавки, через которую Маттео предложил связаться.

Другой — от неизвестного человека, спрашивавшего о внутреннем шве свадебного покрывала.

Совпадение могло быть случайным. Тёмно-синяя нить не являлась редкостью сама по себе. Но после пустого кармана, старых книг Марко и письма в серо-голубом шёлке Ливия больше не хотела доверять совпадениям.

— Он спросил что-нибудь ещё? — уточнила она.

Нера задумалась.

— Сказал: «Хозяйка поймёт, если помнит прежний порядок».

Ливия медленно выдохнула.

— А потом?

— Ушёл.

— Куда?

— В сторону площади.

Она подошла к окну и посмотрела на улицу.

Наблюдатель в коричневом плаще стоял напротив и разговаривал с кожевником. На этот раз новый ремень уже висел у него на поясе. Мужчина поднял голову, словно почувствовал взгляд Ливии, но она успела отойти от щели.

— Закрой ставни, — сказала Марта.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сейчас день. И потому что он не должен понять, насколько нас встревожили.

Марта сжала губы.

— Что будем делать с покрывалом?

Ливия посмотрела на старую ткань, лежавшую под защитным слоем.

— Работать.

— Ливия.

— Именно этого от нас ждут. Значит, именно это увидят.

Она вернулась к столу и взяла полоску белой ткани с синим стежком.

Прежний порядок.

Фраза могла означать только одно: человек, отправивший послание, считал, что мастерская Бенчи уже знает, как пользоваться тайником. Не Марко лично. Мастерская. Дом. Женщины за столами. Возможно, вдова, унаследовавшая дело вместе с долгами.

Ливия вспомнила вечер после смерти мужа. Сундук с бумагами. Слова, которые Марко пытался произнести сквозь жар. Его просьбу проверить книги, если старые дела вернутся. Тогда она сочла это бессвязным страхом умирающего человека. Теперь понимала: Марко не успел рассказать достаточно. Возможно, не смог. Возможно, надеялся, что прошлое останется закрытым и никому больше не понадобится внутренний шов.

Но прошлое уже лежало на её столе.

В виде покрывала для чужой свадьбы.

С пустым карманом между слоями шёлка.

И кто-то во Флоренции ждал, что вдова Бенчи сама поймёт, какое письмо должна положить внутрь.

Глава 8. Человек из великого дома

Послание от Маттео пришло ближе к вечеру, когда мастерская уже начинала погружаться в усталую тишину.

Весь день старое покрывало лежало на большом столе, накрытое защитной тканью, словно больной человек, которому позволили ненадолго отдохнуть после осмотра. Нера и Джулия занимались пробными узорами для новой отделки. Лучия перебирала нити, раскладывая оттенки по небольшим деревянным катушкам. Марта несколько раз возвращалась к подкладке, хотя работа не требовала немедленного вмешательства: проводила ладонью вдоль внутреннего края, проверяла восстановленный шов и снова отходила, недовольная тем, что пустой карман невозможно заставить объясниться.

Ливия старалась не смотреть на полоску белой ткани с одним тёмно-синим стежком, лежавшую в закрытом ящике под счётной доской. Но знание о ней сопровождало каждое движение. Где-то во Флоренции существовал человек, который ожидал от мастерской Бенчи прежнего порядка. Он не назвал себя, не оставил подписи и не попросил вложить в тайник определённое письмо. Одного стежка оказалось достаточно, чтобы дать понять: кто-то знает о кармане, помнит способ передачи и считает вдову продолжением дела, которое Марко вёл при жизни.

Около пятого часа к двери подошёл тот самый мальчик с корзиной хлеба, который утром назвался Сандро.

На этот раз он не постучал. Остановился у прилавка кожевенной лавки напротив, обменялся несколькими словами с хозяином, купил маленький ремешок и только затем перешёл улицу, словно вспомнил о другом поручении случайно. В руках по-прежнему находилась корзина, прикрытая чистой тканью. Для любого наблюдателя он выглядел обычным разносчиком, которому случилось заглянуть в мастерскую по пути к следующему дому.

Ливия впустила его.

— Хлеб не заказывали, — сказала она.

— Знаю, мадонна.

Мальчик открыл корзину. Сверху действительно лежали две небольшие буханки, ещё тёплые, пахнущие мукой и печным дымом. Между ними находился моток дешёвой серой нити, перевязанный тёмно-синей лентой.

— Передать вам, — сказал Сандро.

Ливия взяла моток.

Под лентой обнаружился маленький лист бумаги. Всего несколько слов:

«Сегодня после закрытия. Через дверь. Один».

Ни подписи, ни герба. Но почерк Ливия уже видела вчера вечером, когда Маттео переписывал знаки с письма. Ровные буквы, немного вытянутые, написанные рукой человека, который привык к бумаге значительно больше, чем к игле.

— Он получил моё сообщение? — спросила Ливия.

Сандро кивнул.

— Придёт сам?

— Так сказал.

— За тобой следили?

Мальчик на мгновение отвёл взгляд к окну.

— Не думаю.

— Это не ответ.

— Я сделал круг через рынок и менял улицы. Человек возле таверны не пошёл за мной.

Ливия посмотрела внимательнее. Сандро был слишком молод для такой работы. Возможно, лет шестнадцать, как она решила утром, а возможно, меньше. Внешность обманывала: худоба, узкие плечи, волосы, падающие на лоб, и лицо, которое взрослые люди замечали только тогда, когда мальчик оказывался у них под ногами. Именно поэтому его использовали. Не потому, что он умел драться или принимать решения, а потому, что город ежедневно видел сотни таких подростков и почти никогда не запоминал ни одного.

— Ты давно работаешь на Маттео? — спросила Ливия.

Сандро слегка улыбнулся.

— Я разношу хлеб.

— Уже слышала.

— Иногда передаю слова людям, которые не любят писать лишнее.

— За деньги?

— Иногда.

— А иногда?

Мальчик пожал плечами.

— Сер Маттео помог моему брату.

Ответ прозвучал просто. Без желания объяснять больше.

Ливия не стала спрашивать, какую именно помощь получил брат и почему благодарность семьи превратила подростка в посыльного для дел, связанных с тайными письмами, людьми Белланди и пустыми карманами в старых покрывалах. Великие дома всегда находили достаточно способов превратить чужую благодарность в службу. Не обязательно принуждением. Порой человек соглашался сам, искренне считая, что отдаёт небольшую часть времени взамен на спасённую жизнь, устроенную работу или разговор, состоявшийся в нужный момент. Но долг оставался долгом, даже если его никогда не записывали на бумаге.

— Передай: я буду ждать, — сказала она.

Сандро кивнул.

— И хлеб оставь.

Он удивился.

— Мадонна?

— Если наблюдатель видел, как ты вошёл с корзиной, будет странно выйти с ней полной.

Мальчик улыбнулся шире.

— Сер Маттео сказал, что вы замечаете больше, чем большинство людей.

— Сер Маттео в последнее время слишком много говорит обо мне.

— Не думаю.

Ответ прозвучал настолько искренне, что Ливия не сразу нашлась. Сандро поставил буханки на край стола, забрал пустую корзину и направился к двери.

— Подожди, — сказала она.

Мальчик остановился.

— Тёмно-синяя нить. Почему именно она?

— Не знаю.

— Маттео выбрал цвет?

— Не спрашивал.

— А хозяин лавки?

— Он передаёт слова давно. Наверное, у него так принято.

Сандро пожал плечами и вышел.

Ливия закрыла дверь, задвинула засов и вернулась к столу. Марта уже стояла рядом. Лучия выглядывала из-за занавеси между комнатами, стараясь делать вид, будто просто услышала запах свежего хлеба.

— Сегодня после закрытия? — спросила Марта.

- Да.
- Один?
- Так написал.
- И что ты собираешься делать?
- Поговорить.
- Без меня?

Ливия взглянула на неё.

- Он попросил прийти один.
- Это его желание, не закон.
- Ты останешься наверху.
- Нет.
- Марта.

— Я не стану сидеть за столом и перебивать каждую фразу. Но останусь в доме. Если Медичи хочет беседовать без свидетелей, может говорить тише.

Лучия подошла ближе.

- Я тоже останусь.
- Ты живёшь здесь, — сказала Ливия. — Разумеется, останешься.
- Я имела в виду не в комнате наверху.
- Именно там.
- Почему Марта может слушать, а я нет?
- Потому что Марта знала Марко дольше тебя и видела часть происходившего раньше.
- Но сейчас опасность касается всех.
- Лучия.

Сестра поджала губы, однако спорить дальше не стала. Только взяла одну из буханок, прижала к ладони и сказала:

— Если он снова предложит золото, не отказывайся слишком быстро. Мы могли бы хотя бы купить хорошие ставни.

Марта тихо рассмеялась.

— Девочка понимает хозяйство лучше старшей сестры.

— Я понимаю, — ответила Ливия, — что ставни, купленные на деньги Медичи, однажды придётся открывать по первому стуку.

Лучия задумалась и поставила хлеб на стол.

— Тогда отказывайся.

Работа продолжалась до темноты.

Нера и Джулия ушли вместе, получив указание не задерживаться на улице и не рассказывать соседям о старом покрывале. Обе выглядели озадаченными. В мастерской происходило достаточно странного, чтобы даже самые неразговорчивые люди начали задавать вопросы. Ливия понимала: долго скрывать тревогу не получится. Девушки видели наблюдателей возле улицы, слышали визит Пьетро Альбицци, знали о неизвестном человеке, спрашивавшем внутренний шов, и замечали, что Марта теперь слишком часто ночует в доме. Но объяснить больше означало втянуть их окончательно.

Когда дверь закрылась, Марта проверила окна и поднялась наверх вместе с Лучией. Перед уходом остановилась возле лестницы.

- Он вооружён?
- Вчера пришёл без оружия.
- Это не значит, что сегодня сделает так же.
- Я спрошу.
- И поверишь?
- Нет.

Марта кивнула с удовлетворением.

— Хорошо.

— Ты можешь оставить палку возле двери, если так спокойнее.

— Уже оставила.

Ливия посмотрела на тяжёлый деревянный шест, которым поднимали ставни.

— Не представляю, что скажут люди, если узнают, что Марта Ринальди собиралась избить Медичи палкой в мастерской вдовы Бенчи.

— Если дойдёт до палки, их мнение станет наименьшей нашей бедой.

Она поднялась вверх.

Ливия осталась одна.

В мастерской горели три свечи. Одну она поставила возле двери, две — на большой стол. Старое покрывало всё ещё лежало под защитной тканью. Снимать её снова не имело смысла, но Ливия подошла и положила ладонь на тяжёлый свёрток. Под пальцами ощущался бархат, плотный внутренний слой, пустой карман и аккуратно восстановленный шов. Странно было думать, что вещь, предназначенная для свадебной постели, могла годами переносить чужие тайны. Люди создавали красоту, чтобы показать любовь, достаток, уважение к семье и надежду на будущую жизнь. Затем кто-то находил внутри этой красоты удобное место для письма, способного погубить человека.

Ливия вспомнила Марко.

Он умел восхищаться хорошей тканью. Мог долго держать в руках новый рулон, пропуская край между пальцами, словно проверял не только плотность, но и характер вещи. Любил удачные узоры, радовался редкой нити, смеялся, когда Ливия заставляла его распускать неровный шов, сделанный в спешке. Порой ей казалось невозможным, что тот же человек годами открывал тайники, передавал письма и молчал. Затем она вспоминала долги и понимала: невозможное часто начинается с малого. С одной услуги. С одного свёртка, который нужно отдать определённому слуге. С одного заказа, оплаченного слишком щедро. С одного обещания, что больше не придётся. Люди редко просыпались утром злодеями. Чаще просто соглашались сделать шаг в сторону, потому что прямой путь казался слишком тяжёлым.

Стук раздался ровно тогда, когда Ливия перестала ждать.

Три спокойных удара.

Она подошла к двери, оставила цепь на месте и приоткрыла створку.

Маттео стоял на пороге один.

Сегодня он выбрал одежду ещё проще, чем накануне: тёмный плащ без заметной отделки, серый дублет, перчатки, которые снял прежде, чем постучать. Волосы были собраны назад, лицо сохраняло спокойствие, но усталость стала заметнее. Рана всё ещё не позволяла двигаться свободно. Ливия увидела это сразу: Маттео держался ровно, однако немного переносил вес на правую ногу и избегал резких движений.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Вы один?

— Да.

— Оружие?

— Нет.

— Совсем?

Он чуть приподнял брови.

— Сегодня вы хотите, чтобы я снова повернулся?

— Если понадобится.

— Не понадобится.

Маттео распахнул плащ. На поясе не было меча, сапоги выглядели слишком узкими для спрятанного клинка, под тканью дублета не угадывалось ничего лишнего.

- Кинжал? — спросила Ливия.
- Оставил дома.
- Неразумно ходить по ночным улицам без оружия.
- Вы просили не приносить оружие в мастерскую.
- Я просила не приносить неприятности.
- Это сложнее.
- Она сняла цепь.
- Входите.

Маттео переступил порог, подождал, пока дверь закроется, и посмотрел на пустую комнату.

- Мадонна Ринальди наверху?
- Да.
- Ваша сестра тоже?
- Да.
- Значит, мы не одни.
- Вы пришли в дом, где живут люди. Чего ожидали?
- Ничего другого.

Он снял плащ и повесил возле двери. Ливия заметила тонкую влажную полосу на плечах: снаружи снова начинал моросить дождь. На этот раз Маттео принёс с собой только сложенный лист бумаги, спрятанный во внутреннем кармане.

- Садитесь, — сказала она.
- Благодарю.

Он устроился за большим столом осторожнее обычного. Ливия налила воду в небольшую глиняную чашу и поставила перед ним.

- Вина нет, — сказала она.
- Не просил.
- Хорошо.

Маттео взял чашу, отпил немного и посмотрел на покрывало.

- Это оно?
- Да.
- Можно увидеть?

Ливия сняла защитную ткань и перевернула край. Внутренний шов выглядел почти безупречно. Если бы она не знала, где искать, возможно, тоже прошла бы мимо. Теперь же каждый стежок казался слишком заметным.

- Карман здесь, — сказала она.

Маттео поднялся и подошёл ближе. Не прикоснулся сразу. Сначала посмотрел, затем перевёл взгляд на Ливию, будто спрашивал разрешения без слов.

Она кивнула.

Он провёл пальцами вдоль края, осторожно, почти невесомо. Ливия заметила, что руки у него чистые, ногти коротко подстрижены, движения точные. К ткани Маттео относился внимательнее, чем ночью, когда торопливо вшивал серо-голубой шёлк в подкладку.

- Вы закрыли карман снова, — сказал он.
- Пустым.
- Почему?
- Хотела увидеть, кто придёт спрашивать.
- Уже пришли?
- Да.

Маттео выпрямился.

- Кто?

— Молодой человек в сером плаще. Имени не назвал. Спросил, сохранился ли внутренний край. Оставил полоску белой ткани с одним тёмно-синим стежком.

Ливия достала полоску из ящика и положила на стол рядом с катушкой, купленной в лавке. Маттео взял сначала послание, затем моток. Его лицо изменилось едва заметно. Вчера Ливия уже научилась различать эти короткие перемены: чуть более неподвижный взгляд, исчезновение усталой иронии, напряжённая линия губ.

— Это не от меня, — сказал он.

— Я поняла.

— Сандро пришёл к вам до или после этого человека?

— До. Но в мастерскую он заходил только утром, когда передал способ связи. В лавке мы побывали позднее.

— Значит, тот, кто оставил стежок, либо знает наш старый способ передачи, либо следил за вами.

— Старый?

Маттео посмотрел на неё.

— Хозяин лавки работает с людьми Медичи не первый год. Синий цвет использовали прежде, когда требовалось предупредить: послание касается внутреннего круга и не должно идти через обычных слуг.

— Почему не придумать другой способ, если старый известен чужим людям?

— Потому что до сегодняшнего дня мы не знали, что он известен.

— Теперь знаете.

Маттео положил полоску на стол.

— Человек в сером плаще сказал что-нибудь ещё?

— «Хозяйка поймёт, если помнит прежний порядок».

— Именно так?

— Дословно.

Он молчал несколько мгновений.

— Что? — спросила Ливия.

— Это предназначалось не вам.

— Очевидно. Но Марко умер два года назад. Кто-то должен знать.

— Возможно, знает.

— Тогда почему говорит с вдовой так, словно ожидает ответа мужа?

Маттео снова посмотрел на покрывало.

— Потому что не уверен, сколько вы знаете.

— Как Белланди.

— Да.

— И вы.

Он не возразил.

Ливия почувствовала, как раздражение, державшееся внутри с момента его прихода, наконец получает форму.

— Вы пришли не только из-за кармана, — сказала она.

— Нет.

— Тогда говорите.

Маттео вернулся к столу и сел. Несколько секунд он вертел в пальцах чашу, словно простая вода могла дать время выбрать точные слова.

— В последние месяцы люди дома Медичи теряют сведения, — произнёс он. — Не письма в обычном смысле. По крайней мере, не только письма. Иногда это даты встреч. Иногда имена людей, с которыми собирался говорить Лоренцо. Иногда сведения о переводах денег

или товарах, проходящих через определённые склады. Иногда сообщение доходит до адресата, но позднее выясняется: кто-то прочитал его раньше.

— Вы уверены?

— Теперь — да.

— Почему только теперь?

— Потому что по отдельности каждый случай можно объяснить случайностью, болтливостью слуги, неосторожностью писца или торговым интересом. Флоренция тесна. Люди разговаривают. Слуги слушают. Родственники делятся новостями за столом. Торговцы узнают о поставках раньше, чем хозяева успевают проверить счета. Но когда мелкие утечки начинают складываться в один рисунок, случайность становится слишком удобным объяснением.

— И какой рисунок вы увидели?

Маттео достал лист бумаги и развернул. На нём находились несколько колонок: даты, фамилии, названия улиц, короткие отметки. Почерк был не его. Ровный, мелкий, почти сухой.

— За последний год сведения чаще всего исчезали после того, как проходили через людей, связанных с торговыми домами, работающими с тканями, шерстью и венецианскими поставками.

— Белланди.

— Не только.

— Но он среди них.

— Да.

Ливия посмотрела на записи.

— И Пацци?

Маттео не ответил сразу.

— Несколько посредников работают с ними или получают от них деньги.

— Это не означает, что семейство участвует.

— Нет.

— Но вы подозреваете.

— Я подозреваю всех, кто оказывается рядом с одной и той же нитью слишком часто.

Ливия подняла глаза.

— Включая мастерскую Бенчи.

Маттео встретил взгляд спокойно.

— Да.

Признание прозвучало без попытки смягчить смысл.

Ливия медленно выпрямилась.

— Значит, вы пришли в мой дом не только потому, что я нашла карман.

— Я пришёл потому, что ваш муж был связан с несколькими людьми, которые появляются в этих записях.

— С посредниками Пацци.

— В том числе.

— И вы считаете, что он передавал письма, предназначенные для Медичи.

— Я считаю, что через его мастерскую проходили письма. Кому именно они предназначались и кто их читал, пока не знаю.

— Но подозреваете, что Марко участвовал в утечке.

— Да.

Слово повисло между ними.

Ливия ожидала злости. Она должна была появиться сразу: горячая, ясная, позволяющая оттолкнуть лист, потребовать, чтобы Маттео ушёл, и закрыть дверь. Однако первой возникла не злость, а боль. Тупая, старая, почти привычная. Марко снова оказался человеком, которого она не знала до конца. Несколько дней назад Ливия ещё могла убеждать себя, что он передавал

безобидные частные письма, пытаясь выплатить долги. Теперь человек из дома Медичи сидел за её столом и говорил: возможно, покойный муж помогал читать сведения, которые предназначались другим.

— Какие доказательства? — спросила она.

Голос остался ровным.

— Прямых нет.

— Тогда вы обвиняете мёртвого человека на основании нескольких фамилий в чужой книге.

— Я не обвиняю. Говорю, что не могу исключить.

— Удобное различие.

— Но важное.

— Для вас.

Маттео положил ладони на стол.

— Мадонна Бенчи, я понимаю, что вам неприятно слышать это от меня.

— Не уверена, что понимаете.

— Возможно.

— Вы входите в дом женщины, находите карман в старом покрывале, вспоминаете несколько фамилий и решаете: её муж мог быть предателем.

— Я не использовал это слово.

— Не произнесли. Но принесли с собой.

Маттео молчал.

Ливия прошла к окну. Ставни были закрыты, но через узкую щель проникал свет фонаря с улицы. За стеной кто-то громко рассмеялся. Из таверны донеслась песня, нестройная и слишком весёлая для позднего часа. Обычный город продолжал жить рядом с мастерской, внутри которой чужая версия прошлого снова отнимала у неё возможность вспоминать мужа просто слабым и несчастным человеком.

— Вы знаете, что Марко задолжал Белланди? — спросила она.

— Да.

— Знаете сумму?

— Не точно.

— Знаете, сколько стоило держать мастерскую после неудачного года? Сколько заказов исчезло, когда два поставщика потребовали оплату одновременно? Сколько людей готовы дать вдове отсрочку, если не получают взамен право распоряжаться её делом?

— Нет.

— Разумеется.

Маттео не отвёл взгляд.

— Расскажите.

Ливия почти рассмеялась.

— Зачем? Чтобы вы внесли в свои записи ещё одну подробность? Мастерская Бенчи нуждалась в деньгах, значит, хозяин мог продать дешевле?

— Чтобы понять.

— Вы привыкли понимать после того, как решаете судить.

— Я не сужу.

— Сидите за моим столом и говорите, что не доверяете мне, потому что мой муж принимал заказы от людей, связанных с Пацци.

— Не только поэтому.

— А почему ещё?

Маттео помолчал.

— Потому что письмо оказалось у вас.

— Вы сами его спрятали.

— Да.

— И теперь ставите мне в вину, что я нашла?

— Нет.

— Тогда что?

Он провёл пальцем по краю листа.

— Потому что вы слишком быстро поняли, что делать.

Ливия смотрела несколько мгновений, не веря услышанному.

— Простите?

— Вы обнаружили письмо, нашли связь со знаком Белланди, сравнили символы с книгами мужа, заметили карман в покрывале, закрыли его снова и отправили сообщение так, чтобы наблюдатели не увидели ничего необычного.

— И это вызывает недоверие?

— Вы действуете лучше, чем человек, впервые столкнувшийся с подобной сетью.

Ливия почувствовала, как злость наконец поднимается. Не резким ударом, а медленно, будто вода в реке после долгих дождей.

— Значит, вдова из маленькой мастерской обязана быть растерянной, чтобы заслужить ваше доверие?

— Я не это сказал.

— Именно это.

— Я сказал: вы действуете осторожно.

— Потому что два года удерживаю дело, которое мужчины считали обречённым в тот день, когда похоронили моего мужа. Потому что каждый поставщик, входящий в эту дверь, сначала смотрит не на ткань, а на то, достаточно ли я напугана, чтобы согласиться на худшие условия. Потому что каждый заказчик предполагает: женщину можно заставить ждать оплату дольше, спорить меньше и благодарить за то, что ей вообще позволили работать. Потому что сер Джироламо Белланди умеет произносить угрозы так, чтобы случайный свидетель принял их за заботу. И потому что человек из дома Медичи оставил письмо в моей спальне, не спросив разрешения, а теперь удивляется, что я не стала сидеть на кровати и ждать, пока мужчины решат мою судьбу.

Маттео не перебил.

Ливия вернулась к столу и остановилась напротив.

— Вы хотите знать, почему Марко согласился? Возможно, из жадности. Возможно, из слабости. Возможно, потому что ему нравилось чувствовать себя человеком, которого допускают к чужим тайнам. Я не стану оправдывать его только потому, что он мёртв. Но не смейте говорить о людях вроде него так, словно великие дома предлагают им честный выбор.

— Я не...

— Вы предлагаете плохой и худший. Всегда. Один человек даёт деньги, без которых мастерская закроется. Другой обещает покровительство, после которого дело больше не принадлежит хозяину. Третий напоминает о долге. Четвёртый говорит, что ничего особенного не требуется: только передать свёрток, закрыть шов, промолчать, не задавать вопросов. А потом человек однажды обнаруживает, что уже слишком глубоко, чтобы выйти без последствий. И тогда люди из великих домов смотрят на него сверху и спрашивают, почему он не выбрал добро.

Маттео долго молчал.

Ливия слышала собственное дыхание. Сердце билось быстро, но голос не дрогнул ни разу. За дверью на лестницу едва заметно скрипнула доска. Марта стояла наверху и слушала. Возможно, Лучия тоже. Ливия не стала оборачиваться.

— Вы правы, — сказал Маттео наконец.

Она почувствовала почти разочарование.

— Опять?

— Не во всём. Но в главном.

— В чём именно?

— Я смотрю на сеть сверху. Вижу фамилии, склады, посредников, даты. Пытаюсь понять, кто передал сведения и кому выгодно получить их раньше времени. Для меня каждый человек в цепи становится возможной причиной утечки. Я не всегда думаю о том, каким образом он оказался внутри.

Ливия скрестила руки.

— А теперь подумали?

— Да.

— Быстро.

— Вы умеете объяснять убедительно.

— Это не комплимент.

— Я и не пытался сделать комплимент.

Маттео выглядел серьёзно. Без привычной тени улыбки. Усталость стала заметнее, но дело было не только в ране. В его лице появилось выражение человека, которому пришлось пересмотреть удобную часть собственной картины мира.

— Я не считаю Марко Бенчи предателем, — сказал он. — Пока не знаю достаточно. Он мог передавать письма, не понимая содержания. Мог считать их частными. Мог оказаться посредником поневоле. Мог позднее попытаться выйти. Но я не стану притворяться, что связь с людьми Пацци ничего не значит.

— Я тоже не прошу притворяться.

— И не могу доверять вам безоговорочно.

— Не доверяйте.

Маттео поднял глаза.

— Вас это не оскорбляет?

— Оскорбляет. Но переживу. Я тоже вам не доверяю.

На этот раз уголок его губ дрогнул.

— Справедливо.

— Не улыбайтесь.

— Постараюсь.

— Вы постоянно говорите «постараюсь», когда не собираетесь выполнять.

— Вы быстро учитесь.

Ливия не удержалась и едва заметно улыбнулась сама. Это раздражало ещё сильнее. Спор не исчез, опасность не стала меньше, но напряжение на короткое мгновение изменилось. В комнате снова находились не представитель великого дома и вдова подозрительного ремесленника, а два человека, оба слишком упрямые для простого разговора.

Маттео осторожно коснулся края покрывала.

— Покажите, как открывается карман.

Ливия поколебалась.

— Зачем?

— Хочу понять, насколько быстро можно заменить письмо.

— Вы собираетесь учиться шить?

— После прошлой попытки мне, вероятно, следует.

— Не уверена, что мастерская выдержит ещё один ваш шов.

— Тогда покажите только принцип.

Она взяла тонкие ножницы и поддела закрепляющую нить у края.

— Здесь двойной узел, — сказала Ливия. — Он выглядит надёжно, но распускается быстро, если знать, за какой конец потянуть. Затем несколько коротких стежков. Нить нельзя затягивать сильно, иначе ткань стянется и карман станет заметен. После этого внутренний слой отходит достаточно, чтобы вложить бумагу.

Маттео наблюдал внимательно.

— Марко делал так всегда?

— По словам Марты, да.

Сверху слышалось негромкое:

— Делал.

Марта явно не считала нужным сохранять иллюзию, будто находится слишком далеко, чтобы слышать разговор.

Маттео поднял голову.

— Благодарю, мадонна Ринальди.

— Не за что.

Ливия закрыла карман снова.

— Человек, отправивший покрывало, должен знать способ. Или по крайней мере ожидать, что мастерская знает.

— Да.

— Кто заказал доставку именно сюда?

— Формально — семья Манчини.

— Через Катерину Торнабуони.

— Которая связана с Медичи.

— И через мать невесты, происходящую из дома Пацци.

— Да.

— Удобное пересечение.

Маттео взял лист со своими записями.

— Покрывало могли использовать давно, ещё до нынешнего заказа. Семейная вещь перемещалась между домами, мастерскими, складами. Возможно, карман появился при Марко. Возможно, раньше. Но тот, кто распорядился сохранить внутренний шов, ожидал продолжения старой схемы.

— Почему сейчас?

— Именно это нужно выяснить.

— И что вы предлагаете?

Он посмотрел на неё.

— Вложить ответ.

— Какой?

— Короткий. Безопасный. Сообщить, что мастерская помнит порядок и ждёт дальнейших указаний.

Ливия нахмурилась.

— Вы хотите использовать мой дом как приманку.

— Да.

Прямота ответа заставила её замолчать.

— По крайней мере, теперь вы спрашиваете, — сказала она.

— Учусь.

— Медленно.

— У меня плохой учитель.

— У вас требовательный учитель.

Маттео чуть улыбнулся.

— Это правда.

Ливия отошла от стола и посмотрела на покрывало. Предложение было разумным. Именно поэтому вызывало тревогу. Если закрыть карман пустым, неизвестный человек может решить, что мастерская не поняла знак, и искать другой способ. Если положить ответ, сеть оживёт. Появится новый посыльный. Возможно, письмо. Возможно, приказ. Возможно, угроза. Но вместе с опасностью возникнет шанс увидеть, куда ведёт нить.

— Кто будет наблюдать? — спросила она.

— Мои люди.

— Нет.

— Мадонна Бенчи...

— Мы договаривались. Никаких людей возле мастерской без обсуждения.

— Мы обсуждаем.

— Тогда слушайте. Если поставите своих наблюдателей рядом с людьми Белланди, улица превратится в площадь перед сражением. Рано или поздно кто-нибудь заметит лишнее движение. Мне придётся объяснять девушкам, почему возле лавок ходят мужчины, которые не покупают ремни и не пьют вино. Соседи начнут говорить. Белланди поймёт, что мы что-то обнаружили.

— Нужен хотя бы один человек.

— Сандро.

Маттео задумался.

— Он молод.

— Именно поэтому никто не смотрит на него дважды.

— Это опасно для него.

— Разумеется. Но вы уже используете мальчика для посланий.

— Передать листок и следить за человеком, который может быть вооружён, — разные вещи.

— Тогда найдите способ, который не превращает мою улицу в вашу территорию.

Маттео смотрел внимательно.

— Вы не любите, когда вас защищают.

— Люблю, когда спрашивают.

— Хорошо. Один человек в лавке напротив рынка. Не возле мастерской. Сандро сообщает, когда покрывало заберут, и идёт за повозкой на расстоянии. Если маршрут станет опасным, прекращает.

— Без героизма.

— Без героизма.

— И никто не вмешивается, если нет прямой угрозы.

— Согласен.

Ливия кивнула.

— Тогда вложим ответ.

Маттео достал чистый лист бумаги.

— Напишу сам.

— Нет.

— Почему?

— Потому что человек, знающий прежний порядок, может узнать почерк Марко. Или хотя бы понять, что пишет другой человек.

— Вы знаете почерк мужа.

— Да.

— Сумеете подражать?

Ливия посмотрела на него холодно.

— Не хочу.

— Понимаю.

— И не стану использовать его руку после смерти, чтобы продолжить дело, о котором он мне не рассказал.

Маттео медленно положил перо.

— Тогда короткий знак. Без слов.

— Какой?

— Синий стежок.

Ливия посмотрела на полоску белой ткани, оставленную неизвестным.

— Повторить?

— Да. Если человек связан со старой сетью, поймёт: сигнал получен. Если знает только часть порядка, возможно, ошибётся и выдаст больше.

— А если синий цвет принадлежит вашей сети, не Марко?

— Тогда тот, кто оставил полоску, уже сознательно использует наш способ передачи. Тем важнее понять зачем.

Ливия подошла к коробке с нитями. Достала катушку, купленную в лавке, и отмотала короткий кусок. Тёмно-синий оттенок при свете свечи казался почти чёрным. Она взяла узкую полосу льна, сделала один аккуратный стежок и закрепила нить.

— Этого достаточно? — спросила она.

Маттео кивнул.

— Положим внутрь?

— Да.

Ливия распоролa край кармана, вложила полоску и закрыла шов. Руки двигались спокойно. Процедура заняла несколько минут. Когда всё было готово, покрывало снова выглядело обычным: старая семейная вещь, которую привезли обновить к свадьбе.

Тайник ожил.

Маттео наблюдал за работой.

— Марко был хорошим мастером? — спросил он неожиданно.

Ливия не подняла головы.

— Да.

— Лучше вас?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Маттео улыбнулся.

— Вы уверены.

— Разумеется.

— Это приятно.

— Почему?

— Люди часто изображают ложную скромность, когда знают собственную цену.

— Женщина, ведущая мастерскую, не может позволить себе ложную скромность. Мужчины охотно принимают её за настоящую и предлагают меньше денег.

Маттео кивнул.

— Ещё одна вещь, о которой я не думал.

— Список растёт.

— Именно поэтому разговор полезен.

Ливия закончила край и положила ножницы на стол.

— Теперь ваша очередь быть полезным. Расскажите всё, что знаете о людях Белланди.

Маттео снова сел.

— Сер Джироламо Белланди начал как посредник между флорентийскими мастерскими и венецианскими торговцами. У него хорошие связи в порту, на складах, среди перевозчиков.

Он умеет доставать дорогую ткань быстрее других и охотно даёт отсрочки тем, кого считает перспективными.

— Или зависимыми.

— Иногда это одно и то же.

— Продолжайте.

— Он работает с несколькими домами, но особенно тесно — с людьми Пацци. Не обязательно с самыми влиятельными представителями семьи. У больших домов множество родственников, слуг, управляющих, посредников и клиентов. Невозможно связать каждую сделку с решением главы семейства.

— Однако вам удобно произносить «люди Пацци», когда требуется вызвать подозрение. Маттео посмотрел спокойно.

— Вы правы. Буду точнее. Белланди связан с торговцами и управляющими, которые получают заказы от нескольких ветвей Пацци. Один из них — человек по имени Томмазо Нери. Другой — Франческо Ручеллаи. Есть ещё Бенедетто Рози, управляющий дома Манчини.

Ливия подняла голову.

— Его имя назвал слуга, который привёз покрывало.

— Значит, нить ведёт туда.

— Что вы знаете о Рози?

— Пока немного. Работает у Манчини около шести лет. До этого служил в одном из домов Пацци. Умеет считать деньги, хранить молчание и менять хозяев без скандала.

— Ценные качества.

— Во Флоренции — особенно.

— Он мог знать Марко?

— Вероятно.

— А Белланди?

— Почти наверняка.

Ливия вспомнила слова слуги: внутренний шов следует закрыть так же, как прежде.

— Значит, распоряжение мог передать Рози.

— Да.

— И он ожидает ответ.

— Возможно.

— Вы всё время говорите «возможно».

— Потому что уверенность без доказательств опаснее незнания.

Ливия посмотрела на него внимательнее.

— Это мысль человека из великого дома?

— Это мысль человека, который однажды слишком быстро поверил удобному объяснению.

— И что произошло?

Маттео не ответил сразу. Взгляд стал чуть холоднее, направленным не на неё, а куда-то дальше.

— Пострадал человек, который не был виноват.

— Умер?

— Нет. Но потерял достаточно.

— Из-за вас?

— Отчасти.

Ливия ждала продолжения. Его не последовало.

— Вы умеете рассказывать правду маленькими кусками, — сказала она.

— Иногда большими подавишься.

— Особенно если привыкли есть только красивыми приборами.

Маттео тихо рассмеялся.

— Я заслужил.

— Да.

Он снова посмотрел на покрывало.

— Есть ещё одна причина, по которой я не могу доверять вам сразу.

— Кроме того, что я оказалась недостаточно растерянной?

— Кроме этого.

— Говорите.

— Я не знаю, знали ли вы о делах мужа до его смерти.

Ливия почувствовала, как внутри становится тихо.

— Вы думаете, я могла продолжить?

— Думаю, вы могли знать часть. Возможно, больше, чем говорите. Возможно, книги Марко давно используются вами.

— И при этом я сама позвала вас посмотреть карман.

— Вы не позвали. Сообщили через лавку, зная, что я приду.

— Разница огромна.

— В подобных делах люди часто делают шаг навстречу именно тогда, когда хотят управлять направлением разговора.

Ливия смотрела на него долго.

— Вы действительно подозреваете меня.

— Да.

Ответ прозвучал спокойно.

Не жестоко. Не высокомерно. Именно поэтому задел сильнее.

— Хорошо, — сказала она.

Маттео чуть нахмурился.

— Хорошо?

— Теперь хотя бы ясно, где стоим.

— Я не хотел обидеть.

— Не стоит извиняться за честность. Это единственное, чего я от вас потребовала.

Ливия подошла к ящику, открыла и достала записку Белланди с привязанной иглой. Затем положила рядом полоску белой ткани, полученную от неизвестного человека, и катушку тёмно-синей нити.

— Если бы я продолжала дело Марко, — сказала она, — не стала бы показывать вам всё это. Если бы знала прежний порядок, не пришлось бы распарывать шов дважды и гадать, что означают знаки. Если бы работала на людей Пацци, могла бы просто передать им письмо, которое вы оставили ночью, и получить деньги, которых мастерская нуждается больше, чем в ваших подозрениях.

— Возможно, вы показываете только часть.

— Возможно. А вы, возможно, пришли не расследовать утечку, а вернуть письмо, которое люди Медичи хотели перехватить. Возможно, человек Вентури служит вам, а ночная погоня была разыграна, чтобы проверить мастерскую. Возможно, Катерина Торнабуони принесла заказ именно потому, что ваш дом решил использовать меня так же, как раньше использовал Белланди. Возможно, вы рассчитывали, что вдова окажется достаточно благодарна за внимание красивого мужчины из великого рода и перестанет задавать неудобные вопросы.

Маттео слегка приподнял брови.

— Красивого?

Ливия почувствовала, как тепло поднимается к лицу, и мгновенно разозлилась.

— Вы слышали именно это?

— Остальное тоже. Но эта часть прозвучала неожиданно.

- Забудьте.
- Постараюсь.
- Вы снова не собираетесь выполнять.
- Вероятно.

Ливия смотрела холодно, однако уголок губ всё равно дрогнул. Маттео увидел и улыбнулся, но почти сразу снова стал серьёзным.

— Вы правы, — сказал он. — Подозрения можно направить в обе стороны. Я не требую, чтобы вы доверяли моей фамилии.

— Хорошо. Потому что именно фамилия вызывает больше всего вопросов.

— Она обычно производит другое впечатление.

— На людей, которым приятно находиться рядом с властью.

— А вам неприятно?

Ливия задумалась.

— Власть похожа на дорогую ткань, — сказала она. — Издали все замечают блеск. Те, кто работает руками, первым делом смотрят, где она протёрлась и кто будет оплачивать ремонт.

Маттео молчал несколько мгновений.

— Вы всегда говорите так?

— Как?

— Словно спорили с человеком заранее и просто ждали, когда он появится.

— С людьми из великих домов женщины вроде меня спорят большую часть жизни. Даже когда великие дома не знают о нашем существовании.

Он отвёл взгляд к окну.

— Возможно, именно поэтому мы совершаем ошибки.

— Не превращайте невнимание в красивую трагедию. Для вас это ошибка. Для других — годы жизни.

Маттео медленно кивнул.

— Согласен.

Ливия устало выдохнула и села напротив. Гнев не исчез полностью, но исчерпал остроту. В комнате снова стало слышно, как фитиль свечи потрескивает в воске и как дождь начинает стучать по ставням. Наверху никто не двигался. Возможно, Марта решила: палка пока не понадобится.

- Что теперь? — спросила Ливия.
- Ждём, когда покрывало заберут.
- Семья Манчини ожидает образец края через три дня.
- Значит, три дня.
- И если карман проверят раньше?
- Узнаем по новому посланию.
- А книги Марко?

Маттео посмотрел внимательнее.

— Вы всё ещё не покажете?

— Не все.

— Часть?

— Только те страницы, где встречаются знаки, связанные с карманом и Белланди. Я буду держать книгу сама. Вы не станете листать дальше без разрешения.

— Согласен.

Ливия поднялась и направилась к лестнице.

Марта стояла наверху, возле двери маленькой комнаты, и не пыталась скрыть, что слушала.

— Книга под бельём, — сказала Ливия.

— Знаю.

— Принеси. Только ту, где знак ключа.

Марта несколько секунд смотрела, затем кивнула и ушла.

Маттео наблюдал снизу.

— Вы доверяете ей, — сказал он.

— Да.

— Но не полностью.

— Теперь — не полностью.

— Из-за Марко?

— Из-за того, что два года она хранила часть его тайны.

— И всё же оставили в доме.

— Потому что доверие не всегда бывает целым. Иногда человек заслуживает право остаться рядом, даже если однажды промолчал слишком долго.

Маттео задумался.

— Это касается и вашего мужа?

Ливия не ответила сразу.

— Он мёртв. Рядом уже не останется. Но я пытаюсь понять, кем был человек, которого любила, когда он перестал говорить правду.

— Вы любили?

Вопрос прозвучал тихо.

— Да.

Маттео опустил взгляд на стол.

— Простите.

— За что?

— Не знаю. Возможно, не следовало спрашивать.

— Люди слишком часто извиняются за вопросы после того, как уже получили ответ.

— Вы отвечаете даже тогда, когда не обязаны.

— Не всегда.

Марта вернулась с книгой, завернутой в старый плащ. Спустилась, положила на стол и встала рядом.

— Если вырвете хотя бы одну страницу, — сказала она Маттео, — палка всё ещё возле двери.

— Учту.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Ливия раскрыла книгу.

Почерк Марко сразу заполнил пространство между ними. Знакомые неровные строки, суммы, даты, имена заказчиков и маленькие пометки на полях. Ливия перелистывала медленно, останавливаясь только там, где находила условные знаки. Маттео не прикасался к бумаге. Наклонялся ближе, читал и иногда переписывал что-то на отдельный лист.

— Белланди, — сказал он, увидев знак ключа.

— Да.

— А это?

— Не знаем.

Маттео посмотрел на круг с двумя косыми линиями.

— Похоже на знак склада возле Сан-Фреддиано.

Марта нахмурилась.

— Там есть склад ткани?

— Несколько. Один принадлежит человеку, связанному с Белланди.

— Имя?

— Джованни Сальви. Нужно проверить.

Ливия перевернула страницу.

— Здесь тот же знак рядом с заказом на занавеси.

— Для кого?

— Дом Франчески Ручеллаи.

Маттео записал.

Следующая страница содержала отметку возле зелёного шёлка, переданного через слугу Пацци. Ещё через две страницы появился знак, похожий на раскрытую ладонь.

— Этот, — сказала Ливия. — Повторяется возле вещей, связанных с Пацци.

Маттео долго смотрел.

— Возможно.

— Опять?

— У Пацци другой герб. Ладонь может означать посредника, а не дом.

— Кого?

— Не знаю.

— В письме знак был рядом с ключом Белланди.

— Значит, человек или место, через которое они взаимодействуют.

Марта наклонилась ближе.

— Здесь дата.

Ливия посмотрела.

— Да.

— За неделю до болезни Марко.

Строка казалась обычной: два отреза тёмного бархата, внутренняя отделка, доставка через склад Белланди. Рядом знак ключа, затем ладонь, затем короткая вертикальная черта с тремя поперечными линиями.

— Башня, — сказала Ливия.

Маттео быстро поднял глаза.

— Вы видели этот символ в письме?

— Да.

— Покажите.

Ливия достала копию знаков из внутреннего кармана и положила рядом. Маттео нашёл символ сразу.

— Что означает? — спросила Марта.

Он не ответил.

— Сер Маттео, — произнесла Ливия.

— Возможно, церковь.

— Какая?

— Или колокольня. Или место встречи. Мне нужно проверить.

— Вы узнали.

— Видел похожее обозначение в другом письме.

— Каком?

Маттео помолчал.

Ливия уже знала это выражение: решение, сколько правды отдать.

— Мы договаривались, — напомнила она.

— Да. Несколько месяцев назад перехватили записку, предназначенную человеку из дома Медичи. В ней упоминалась встреча возле церкви. Символ был похожим, но не полностью совпадал.

— Какая церковь?

— Санта-Тринита.

Марта тихо выругалась.

— Что? — спросила Ливия.

— Марко ходил туда перед болезнью, — сказала она. — Несколько раз. Говорил, что встречается с поставщиком.

— Когда? — спросил Маттео.

— Поздно вечером. Я ругалась: церковь не склад и не рынок. Он ответил, что человеку удобно говорить после службы.

Маттео записал.

— Имя человека?

— Не сказал.

Ливия перевернула страницу.

Следующая была вырвана.

Край бумаги оставался аккуратным, почти ровным.

Маттео смотрел на пустое место долго.

— Кто вырвал? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Ливия. — Возможно, Марко. Возможно, человек, который приходил после его смерти. Возможно, никто не приходил, и страница исчезла раньше.

— Вы уверены, что книги всё время находились в доме?

— Нет.

— Кто имел доступ?

— Марта. Я. Марко до смерти. Лучия жила с родителями и приходила часто. Девушки могли подняться наверх, но едва ли знали, где искать.

— Белланди?

— После похорон был в доме дважды, — сказала Марта. — Помогал разбирать счета. Тогда казалось разумным.

— Он оставался один?

Марта задумалась.

— Несколько минут. Возможно.

Маттео провёл рукой по лицу.

— Значит, страница могла исчезнуть тогда.

— Или он просто хотел убедиться, что исчезла, — сказала Ливия.

Маттео посмотрел.

— Объясните.

— Если Белланди сам забрал страницу после смерти Марко, зачем теперь спрашивать о книгах? Он знает, что в них осталось. Но если страница была вырвана раньше, Марко или кем-то другим, Белланди может не понимать, что именно успел спрятать мой муж.

Марта медленно кивнула.

— Поэтому Пьетро спрашивал, сохранились ли все бумаги.

— Да.

Маттео задумался.

— Хорошо.

— Что хорошего? — спросила Ливия.

— Вы правы. Белланди не уверен, что находится в книгах. Значит, Марко сделал что-то без его ведома.

— Вырвал страницу.

— Возможно, спрятал.

— Где?

Маттео посмотрел на покрывало.

— Если использовал привычный способ, где-то в ткани.

Ливия почувствовала, как по спине проходит холод.

Мастерская была полна тканей.

Старых покрывал, отрезков, образцов, занавесей, подкладок, вещей, которые годами лежали в сундуках или переходили от клиента к клиенту. Найти один сложенный лист в этом море шёлка, льна, бархата и шерсти казалось невозможным.

Но Марко мог оставить знак.

— В книге есть запись, — сказала Ливия медленно. — Та, которую я видела в первую ночь. Имя Белланди и маленький ключ. Рядом ещё одна пометка.

Она перелистнула назад.

Страница нашлась быстро. Белланди. Ключ. И рядом — рисунок, похожий на ветвь с тремя листьями.

Маттео наклонился.

— Что это?

— Не знаю.

Марта смотрела несколько секунд, затем побледнела.

— Гранат.

— Что? — спросила Ливия.

— Не просто ветвь. Гранатовая ветка. Марко любил этот узор.

Ливия посмотрела на старое покрывало Манчини. На пробных рисунках для новой отделки она сама предложила гранатовые листья. Обычный флорентийский орнамент. Плод, полный семян, знак жизни, брака, плодородия, изобилия. Он встречался повсюду: на тканях, картинах, свадебных вещах, церковном убранстве.

— Слишком распространённый знак, — сказала она.

— Но Марко мог использовать именно поэтому, — ответила Марта. — Никто не удивится гранатовой ветке на покрывале.

Маттео посмотрел на обеих.

— У вас есть вещи с таким узором?

Ливия медленно обвела взглядом мастерскую.

— Десятки.

— Старые?

— Несколько.

— Которые Марко делал сам?

Марта задумалась.

— Есть одно покрывало. Не заказанное. Образец. Он начал перед свадьбой Ливии, потом не закончил. Лежит наверху в сундуке.

Ливия повернулась к ней.

— Почему я не помню?

— Потому что после смерти ты убрала его вместе с другими вещами и ни разу не доставала.

— Ты видела?

— Да.

— Там гранаты?

— По краю.

В комнате стало тихо.

Маттео поднялся.

— Нужно посмотреть.

Ливия закрыла книгу.

— Сегодня нет.

— Почему?

— Потому что вы уже получили достаточно.

— Если внутри страница...

— Она лежала два года. Полежит ещё одну ночь.

— Мадонна Бенчи, если Белланди догадается...

— Он не догадался за два года.

— Теперь старые дела ожили.

— Именно поэтому я не стану поднимать сундуки и вытаскивать вещи ночью, пока за мастерской наблюдают люди. Если кто-то увидит свет наверху, услышит движение или заметит, что мы ведём себя иначе, это вызовет вопросы.

Маттео хотел возразить, но остановился.

— Разумно, — признал он.

— Снова.

— Начинаю привыкать.

Ливия завернула книгу и передала Марте.

— Убери обратно. Завтра утром достанем покрывало, когда дом будет жить обычной жизнью.

Марта взяла книгу и поднялась наверх.

Маттео остался возле стола.

— Я пришлю Сандро раньше, — сказал он. — Передаст, если узнаем что-то о Розе и человеке в сером плаще.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

— Не выходите завтра одна.

Ливия посмотрела холодно.

— Вы снова решаете.

— Предлагаю.

— Тогда объясните причину.

— Если в мастерской действительно находится страница, которую искал Белланди, риск увеличился. Пока он не знает, что вы поняли значение книг. Но человек с синим стежком может прийти снова. Вентури тоже.

— У меня есть Марта.

— С палкой.

— Она относится к ней серьёзно.

Маттео улыбнулся.

— Я заметил.

— И Лучия.

— Которая не должна оказаться рядом с опасностью.

— Как и Сандро.

Улыбка исчезла.

— Да.

Ливия посмотрела внимательно.

— Вы заботитесь о мальчике?

— Разумеется.

— Но используете.

— Да.

— Почему?

Маттео ответил не сразу.

— Потому что иногда у меня тоже остаются только плохие варианты выбора.

Слова прозвучали просто. Не как оправдание. Скорее как признание, которое он сделал прежде всего самому себе.

Ливия почувствовала, как часть раздражения отступает.

— Тогда не забывайте, — сказала она, — что для Сандро ваши плохие варианты могут оказаться всей жизнью.

— Не забуду.

Маттео взял плащ.

— Вы уходите?

— Да.

— Через дверь?

— Сегодня опасность позволяет сохранить приличия.

Ливия подошла к засову, но прежде чем открыть, остановилась.

— Сер Маттео.

— Да?

— Вы сказали, что не доверяете мне.

— Да.

— Тогда почему пришли один и без оружия?

Он посмотрел на неё с лёгкой усталостью.

— Потому что недоверие не всегда означает страх.

— А что означает?

— Что человек слишком важен для дела, чтобы относиться к нему небрежно.

Ответ оказался неожиданным. Возможно, именно поэтому Ливия не нашла резкой фразы сразу.

— Это снова не комплимент? — спросила она.

— Не уверен.

— Плохо умеете делать комплименты.

— Зато лучше держу перо, чем иглу.

Она открыла дверь.

Улица была почти пустой. Дождь усилился, тонкие струи воды блестели в свете фонарей. Возле таверны всё ещё слышались голоса, но мужчина в коричневом плаще исчез. Возможно, ушёл домой. Возможно, стоял в темноте, где его невозможно увидеть из дверного проёма.

Маттео накинул капюшон.

— Завтра, — сказал он.

— Завтра.

Он вышел.

Ливия закрыла дверь и задвинула засов.

Несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Затем подняла глаза. На лестнице сидела Лучия, завернувшись в шерстяную накидку. Чуть выше стояла Марта с книгой Марко в руках.

— Ты должна была быть в комнате, — сказала Ливия.

— Я была на лестнице, — ответила сестра. — Это почти комната.

— Нет.

— Он всё ещё красивый.

Марта тихо фыркнула.

— Девочка слышала разговор об утечках, Пацци, тайных карманах и возможной стра-
нице, спрятанной в старом покрывале. Но запомнила важное.

Лучия пожала плечами.

— Остальное вы и так обсуждаете достаточно.

Ливия устало закрыла глаза.

— Идите спать.

— А ты?

Она посмотрела на тяжёлый свёрток старого свадебного покрывала на столе.

Внутри находился один синий стежок — ответ человеку, чьего имени они не знали. Наверху лежал другой свёрток, незаконченный свадебный образец Марко с гранатовыми ветвями. Возможно, пустой. Возможно, хранящий вырванную страницу, из-за которой Белланди снова вспомнил о вдове Бенчи. Маттео ушёл с новыми подозрениями и новыми обещаниями, не доверяя ей полностью. Она тоже не доверяла ему.

Но теперь это недоверие перестало быть стеной.

Скорее стало нитью, натянутой между двумя людьми. Слишком тонкой, чтобы удержать вес. Достаточно прочной, чтобы заметить любое чужое движение.

— Я тоже лягу, — сказала Ливия.

Марта кивнула и поднялась.

Лучия направилась следом, но возле верхней ступени обернулась.

— Он прав? — спросила она.

— В чём?

— Марко мог передавать письма, предназначенные для Медичи?

Ливия посмотрела на сестру.

Простой ответ был невозможен. Защитить память покойного мужа означало солгать. Обвинить его — тоже. Оставалась только правда, пока ещё неполная и оттого особенно тяжёлая.

— Мог, — сказала она. — Но мы пока не знаем, понимал ли он, что делает.

— А если понимал?

Ливия перевела взгляд на книгу в руках Марты.

— Тогда придётся понять, почему не остановился.

Они поднялись наверх.

Дом снова погрузился в тишину, но теперь эта тишина не казалась покоем. Скорее короткой паузой между двумя движениями иглы.

Где-то во Флоренции человек, знавший прежний порядок, ждал ответа из мастерской Бенчи.

А внутри старого покрывала уже лежал тёмно-синий стежок.

Маленький знак того, что вдова слышала.

И решила потянуть за нить сама.

Глава 9. Ночь без прикосновений

Утром незаконченный свадебный образец Марко нашли не сразу.

Сундук под крышей оказался глубже, чем Ливия помнила. За два года туда успели сложить вещи, которые не требовались ежедневно, но казались слишком хорошими для выбрасывания: старые занавеси, несколько отрезов льна, потемневшие от времени ленты, зимние накидки, две подушки без наволочек и тяжёлое шерстяное одеяло, которым никто не пользовался даже в холодные месяцы. Всё пахло пылью, сухим деревом и той особенной неподвижностью, которой обладают предметы, пережившие своих владельцев и уже не ожидающие человеческого внимания.

Марта стояла на коленях возле сундука, вытаскивая вещи одну за другой и складывая рядом аккуратной стопкой. Лучия держала лампу, хотя через маленькое окно под крышей уже проникал утренний свет. Ливия молча перебирала ткань, стараясь не позволять воспоминаниям задерживаться дольше, чем требовала работа.

Плащ Марко. Старый пояс. Рукавицы, в которых он переносил ящики зимой. Небольшой кусок зелёного бархата, выбранный когда-то для отделки праздничного платья Ливии, но так и не использованный: Марко уверял, что ткань слишком хороша для первого попавшегося рисунка и нужно дождаться правильного замысла. Замысел не пришёл. Позднее бархат превратился в ещё одну вещь, которую Ливия не решалась продать и не хотела видеть каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.